

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

4

Выпуск (898)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

4
Issue (898)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 4 (898)

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 4 (898)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Il'inichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Креативность в полимодальном дискурсе: анализ метафоризации в жестах, сопровождающих речь АРХИПОВА Я. В.	9
Моделирование семантики смыслового согласования БОРЗИЛОВ А. Д., САЛЬКОВА М. А.	17
Синтаксический аспект коммуникации Веб 2.0 ВАНЬКО Т. Р.	26
Динамика системы современных ономапов ГОЛУБКОВА Е.Е.	33
Концептуальная метафора в китайских идиомах: лексикографические данные КРАСИКОВА Е. А.	42
Региональные акценты в сценической речи (на материале современного британского кинематографа) КУЛИКОВА К. С.	49
Концепт «любовь» в британском поэтическом дискурсе XVII века: содержательные особенности и дисперсия грамматических средств МАРКОВА Ю. Б.	55
Конструирование эффективной научной карьеры в немецком академическом нарративе МИЛОСТИВАЯ А. И.	63
Множественные модальные глаголы в ольстерско-шотландском диалекте – желаемое или действительное? (в поиске подхода к проблеме) ПАВЛЕНКО А.Е., ГУКАЛОВА Н.В.	70
Развитие артиклей в английском языке: от классического среднеанглийского периода до современности ПАВЛОВА Е. Б.	76
Концептуализация пейоративных зоометафор в американской лингвокультуре СМУРОВА О. В.	87
Междисциплинарность в современной исследовательской практике (на материале предметной области «Языкознание») СОРОКИНА Т. С.	94
Приемы языковой репрезентации метафорического комплекса «Dunkelheit» (на материале романа Даниэля Кельмана «Tyll») СУДАРЕВА В. С., ДУБИНИН С. И.	100
Репрезентация лингвоаргументативного типажа «размазня» (на материале одноименного рассказа А. П. Чехова) ФАНЯН Н. Ю.	107

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов персонажей и образа автора. Часть 1	
ХАЗАНОВА О. Э.	113
Роль сферы придворного быта в становлении жанра высокой комедии Возрождения в Англии конца XVI века	
ЧЕРНОЗЕМОВА Е. Н.	120

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Перформанс идентичности в визуальных образах (живописи, фотографии)	
АНТОНЯН К. Г., СОКОЛОВА Н. А.	127
Семиотическая, культурологическая и теологическая парадигмы культурного кода	
БАТЫРШИН Р. И.	135

LINGUISTICS

Creativity in Multimodal Discourse: An Analysis of Metaphorisation in Co-Speech Gestures ARKHIPOVA YA. V.	9
Modelling Notional Agreement Semantics BORZILOV A. D., SALKOVA M. A.	17
Syntax of Communication Web 2.0 VANKO T. R.	26
Onomatopoeia Throughout Time GOLUBKOVA E. E.	33
Conceptual Metaphor in Chinese Idioms: Lexicographic Data KRASIKOVA E. A.	42
Regional Accents in Stage Speech (based on contemporary British cinema) KULIKOVA X. S.	49
The Concept of Love in the XVII Century British Poetic Discourse: Content Features and Dispersion of Grammatical Means MARKOVA YU. B.	55
Construction of an Effective Scientific Career in the German Academic Narrative MILOSTIVAYA A. I.	63
Multiple Modals in Ulster-Scots – Wishful Thinking or Reality? (in search of an approach to the problem) PAVLENKO A. E., GUKALOVA N. V.	70
The Development of Articles in the History of English: from the Classical Middle English Period to the Present Day PAVLOVA E. B.	76
Conceptualization of Pejorative Zoometaphors in American English Linguoculture SMUROVA O. V.	87
Interdisciplinary Approach in Modern Linguistic Research SOROKINA T. S.	94
Techniques of Linguistic Representation of the Metaphorical Complex «Dunkelheit» (based on the novel «Tyll» by Daniel Kehlmann) SUDAREVA V. S., DUBININ S. I.	100
Representation of the Linguistic Argumentative Type “Namby-pamby” (based on A. P. Chekhov’s short story “Namby-pamby”) FANYAN N. YU.	107

LITERARY STUDIES

On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's 'Symposium':
Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 1

HAZANOVA O. E.113

The Sphere of Court Life and its Role in the Formation of High Renaissance Comedy in England
at the End of the XVI century

CHERNOZEMOVA E. N.120

CULTUROLOGY

The Performance of Identity in Visual Images (painting, photography)

ANTONIAN K. G., SOKOLOVA N. A.127

Semiotic, Cultural, and Theological Paradigms of the Cultural Code

BATYRSHIN R. I.135

Креативность в полимодальном дискурсе: анализ метафоризации в жестах, сопровождающих речь

Я. В. Архипова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
yana.arkhipova18@gmail.com

Аннотация. В статье представлены результаты исследования роли жестов в процессах метафоризации в устной монологической речи на русском языке. Несмотря на внимание лингвистов к соотношению вербальной модальности с кинетической, вклад жестов в креативность дискурса и, в частности, в построение метафорических проекций с учетом их зависимости от речи и применительно к разным языкам и типам дискурса нуждается в уточнении. Исследование проводится на материале видеозаписей испытуемых, которые объясняли различия между семантически близкими синонимами, предъявляемыми им попарно. Использовались методы лексико-семантического и полимодального визуального анализа устного дискурса с кинетическим компонентом. Был определен вклад репрезентирующих жестов в метафоризацию (усиление, дополнение, замена), а также выявлены типы метафорических проекций, наблюдаемых в полимодальном дискурсе (симметричная, асимметричная, полимодальная, кросс-модальная).

Ключевые слова: креативность, полимодальная коммуникация, кинетическая модальность, жест, полимодальная метафора, кросс-модальная метафора

Для цитирования: Архипова Я. В. Креативность в полимодальном дискурсе: анализ метафоризации в жестах, сопровождающих речь // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 9–16.

Original article

Creativity in Multimodal Discourse: An Analysis of Metaphorisation in Co-Speech Gestures

Yana V. Arkhipova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
yana.arkhipova18@gmail.com

Abstract. The article, which is focused on creativity in oral multimodal communication, presents the results of the study of the contribution of gestures to metaphorisation in Russian oral monologic speech. Despite a significant amount of research into 'gesture-speech' correlation, the characteristics of metaphorisation in the kinetic modality, as well as the contribution of gestures into this process with a view to their dependence on speech and in relation to different languages and types of discourse, remain understudied. The investigation is carried out on the basis of video recordings of monologic speech of native Russian speakers who explained the difference between close synonyms presented to them in pairs. Lexical semantic and multimodal visual analyses of spoken discourse with a kinetic component were employed, which revealed that representational gestures contribute to metaphor in various ways, amplifying, adding to, and replacing the meaning of the linguistic expression they co-occur with. Depending on the role of gestures, different types of metaphorical mappings were also identified, i.e., symmetrical, asymmetrical, multimodal, and cross-modal mappings.

Keywords: creativity, multimodal communication, kinetic modality, gesture, multimodal metaphor, cross-modal metaphor

For citation: Arkhipova, Y. V. (2025). Creativity in multimodal discourse: An analysis of metaphorization in co-speech gestures. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(898), 9–16. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Лингвокреативность как неотъемлемое свойство речевой деятельности изучается в разных направлениях и школах языкознания: в лингвопоэтике, стилистике, лингвофольклористике, когнитивной лингвистике, когнитивной поэтике и др. В связи с наблюдающимся в последние годы ростом внимания к полимодальности коммуникации проблема того, что считать творческими проявлениями в речи и как их исследовать, стала выходить за пределы анализа сугубо языковых явлений. Появился ряд работ, в которых креативность стала рассматриваться применительно к жестам, сопровождающим речь [Cienki, Mittelberg, 2013; Griffith, 2021; Ирисханова, 2023]. Тем не менее исследование креативности в повседневной полимодальной коммуникации, а также рассмотрение жестов как средств реализации креативности пока не получили столь широкого освещения. Сложность решения данной проблемы связана как с отсутствием единого понимания креативности и лингвокреативности, так и с характером самих жестов, которые зависимы от речи, варьируют от культуры к культуре и от индивида к индивиду и не обладают закрепленными нормами, нарушение которых могло бы ясно указывать на творческий акт в кинетической модальности.

Вслед за К. Мюллер, А. Ченки, О. К. Ирисхановой и другими учеными мы полагаем, что жесты могут считаться креативными, если они участвуют в процессах метафоризации, при этом применительно к языковым выражениям речь идет прежде всего о метафорах «живых», а не стертых. В то же время метафорическое употребление жестов может «оживить» образ, который перестал ощущаться в языке, и такое употребление жестов мы также рассматриваем как креативное [Cienki, Müller, 2008].

Определяя роль жестов в креативных процессах метафоризации, мы исходим из того, что характер метафоризации в исследуемом нами дискурсе будет во многом обусловлен содержательным отношением жеста и соответствующего речевого фрагмента. Следовательно, в данном исследовании мы сосредоточимся на репрезентирующих жестах, которые определяются соответствием между формой «жеста и объектом репрезентации: человеком, вещью, действием или событием» [Агафонова,

Леонтьева, Петров, 2020, с. 131]. Иными словами, репрезентирующие жесты иконически выражают те или иные свойства объекта, к которому реферирует соответствующее языковое выражение: например, жест может очерчивать форму объекта, прорисовывать траекторию его движения, разыгрывать какое-то действие и т. п. [Ирисханова и др., 2021]. В задачи анализа материала, таким образом, входит: (1) выявление случаев употребления репрезентирующих жестов с языковыми выражениями (включая метафорические) в устной монологической речи на русском языке; (2) установление вклада репрезентирующих жестов в содержание полимодальных единств «языковое выражение + жест»; (3) обобщение основных видов метафоризации в полимодальном дискурсе.

ПРОБЛЕМА ГРАНИЦ ПРИМЕНИМОСТИ ПОНЯТИЯ КРЕАТИВНОСТИ И МЕТАФОРИЗАЦИИ В ЯЗЫКЕ: ОТ МОНОМОДАЛЬНОСТИ К ПОЛИМОДАЛЬНОСТИ

Решение проблемы границ использования понятий «креативность» и «творчество» зависит от того, в широком или узком понимании употребляются соответствующие термины.

Заданное еще в аристотелевских трудах двоякое понимание творчества (включая метафоризацию) – как свойства познавательной и номинативной деятельности, с одной стороны, и как особенности поэтической речи, с другой стороны – заложило основы как для широкой, так и для узкой трактовки данного феномена. Оба понимания встречаются в работах философов и лингвистов на протяжении столетий вплоть до наших дней.

Так, широкое понимание творческой деятельности в языке можно встретить в работах В. фон Гумбольдта, А. А. Потебни и Н. Хомского.

Согласно учению В. фон Гумбольдта, язык, помимо того, что он сам является «живым творением», являет собой и некую созидательную силу, «живое создание духа» (*die lebendige Erzeugung des Geistes*) [Гумбольдт, 2000]. В языке В. фон Гумбольдт усматривает одно из высших проявлений его действия, которое основывается на энергетической форме знания языка. Примечательно и то, что язык,

по мнению В. фон Гумбольдта, выступает не только источником, но и инструментом творческой деятельности: «насколько по-разному все понимают и употребляют один и тот же родной язык, можно видеть – хотя это ясно показывает уже обычная повседневная жизнь, – сравнивая между собой выдающихся писателей, из которых каждый создает для себя свой собственный язык» [цит. по: Постовалова, 2014, с. 165].

А. А. Потебня, следуя во многом взглядам В. фон Гумбольдта, указывает на то, что язык является «полнейшим творчеством, которое только возможно человеку» [Потебня, 1999, с. 195], однако при этом «всякое человеческое творчество есть также видоизменение уже существующих элементов» [там же, с. 212]. А. А. Потебня особо выделяет личное творчество, именуя его субъективным достоянием мысли, условленным внешним миром. При этом проявление языкового творчества А. А. Потебня видит преимущественно в художественных произведениях, которые, будучи результатом бессознательного творчества, средством развития мысли и самосознания, являют собой синтез трех элементов – внешней формы, внутренней формы и содержания [Потебня, 1999].

Н. Хомский рассматривает языковую креативность как способность человека порождать бесконечное количество языковых вариантов. При этом Н. Хомский выделяет два типа лингвистической креативности: подчиняющаяся правилам креативность (*rule-governed creativity*) и задающая правила креативность (*rule-changing creativity*). Первый тип настраивает на широкое применение понятия «креативность», так как отражает способность носителей языка порождать бесконечное множество задаваемых правилами языковых вариантов (*language choices*), которые распознаются и интерпретируются каждым говорящим и слушающим впервые. Второй тип креативности сужает границы применения термина до «истинного» творчества, нарушающего существующие каноны [Chomsky, 1970, с. 7].

В отечественной лингвистической традиции креативность, понимаемая как подлинное творчество, рассматривалась, главным образом, в контексте художественности применительно к художественной прозе и поэзии (см., например, в [Фещенко, 2008]).

Существенное влияние на рассмотрение поэтической креативности во ее взаимосвязи с метафорическими процессами оказали труды Р. О. Якобсона, который указывал на значимость метафоро-метонимического континуума для определения природы художественности. Рассматривая метафору как один из полюсов существования языка в целом, он отмечал, что: «в поэзии метафоры имеют оттенок метонимий и метонимии слегка

метафоричны» [Якобсон, 1987, с. 18]. Данное явление, в котором основу языкового компонента составляют и метафорические, и метонимические проекции одновременно, было названо Л. Гуссенсом *метафтонимией* [Goossens, 1990].

Если в XX веке понятия «творчество» и «метафора» в лингвистике в значительной степени совпадали с границами художественного творчества, причем письменного, то к концу XX века происходит расширение области их применения. С одной стороны, формулируется мысль о том, что креативность и, соответственно, метафоризация свойственны не только художественному дискурсу, но и повседневной речи. Метафоры как свидетельство творческой деятельности начинают исследоваться в обыденной коммуникации (см., например, в: [Carter, 2004]). С другой стороны, к концу XX века оформляется когнитивная лингвистика, которая, возвращаясь к широкому пониманию метафоры как одного из универсальных механизмов освоения мира, показала, что необычность и нарушение норм не являются уникальным свойством метафоризации, стирая тем самым границы между «подлинно творческой» деятельностью и каждодневным использованием языка [Lakoff, Johnson, 1980; Gibbs, 2008]. Опираясь на понятие концептуальной метафоры, когнитивные лингвисты на многочисленных языковых явлениях показали, как с помощью языковых выражений устанавливается сходство между концептуальными структурами разных доменов: между областью цели (*target domain*) и областью источника (*source domain*) [Lakoff, Johnson, 1980].

С конца XX – начала XXI века изучение креативности и метафоризации получает дальнейшее расширение благодаря смещению интереса исследователей с мономодального дискурса к полимодальному. Полимодальные подходы высветили еще одно проявление лингвокреативности в речи: сама способность человека сочетать разные знаковые системы для построения языкового значения начинает более эксплицитно признаваться как креативная.

Основываясь на модели концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, лингвисты ввели понятие «полимодальной (мультимодальной) метафоры», в которой установление концептуальных связей между когнитивными областями осуществляется с помощью единиц, принадлежащих разным семиотическим системам и каналам. В качестве примера приведем работы Ч. Форсвилла и И. В. Зыковой, которые обращаются к исследованию «визуальной метафоры» в комиксах и кино [Forceville, 1996; Зыкова, 2022], и труды А. Ченки, К. Мюллер и других исследователей, которые предложили понятие «кинетической метафоры» [Cienki, Müller, 2008].

Однако, несмотря на значительное количество работ, посвященных изучению полимодальной коммуникации в целом, проблема лингвокреативности, проявляющейся в метафорическом взаимодействии кинетической и вербальной модальностей, освещается в ограниченном количестве исследований [Cienki, 1999; Cienki, Müller, 2008; Ирисханова, 2019].

Рассматривая метафоризацию в жестах, необходимо принимать во внимание тот факт, что в отличие от визуально-графической (изобразительной) модальности, которая в большинстве случаев относительно независима от письменного текста, жесты, сопровождающие речь, не являются самостоятельным семиотическим ресурсом (исключение составляют жесты-эмблемы и жестовые языки). Следовательно, жесты необходимо анализировать не как самостоятельный семиотический ресурс, а как кинетические элементы, которые сопровождают концептуально мотивированную речь и вместе являют собой полимодальные комплексы [Cienki, Iriskhanova, 2020].

В настоящем исследовании креативные процессы метафоризации рассматриваются применительно к кинетической семиотической системе. Взяв за основу то, что жесты креативны и «если они вносят самостоятельный концептуальный вклад в полимодальную связку «языковое выражение + жест» (выстраивают метафоры или указывают на то, что не было упомянуто в речи)» [Ирисханова, 2023, с. 26], мы рассматриваем в данном исследовании репрезентирующие жесты, образующие полимодальные единства с метафорическими языковыми выражениями.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ С УЧЕТОМ ЖЕСТОВОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ

Исследование проводилось на материале шести видеозаписей монологической речи испытуемых, перед которыми была поставлена задача объяснить различия между синонимами, образующими пары: *битва – схватка; чепуха – ерунда; кара – наказание; идеал – совершенство; ложь – вранье; усердие – старание; долг – обязанность; тьма – темнота* и др. Общая продолжительность проанализированных видеозаписей составила около 48 минут. Видеозаписи, аннотированные в программе ELAN¹, были подвергнуты дальнейшему полимодальному анализу, который включал в себя:

- а) выявление языковых выражений, содержащих метафору; при этом использовались процедуры MIP (Metaphor

Identification Procedure), предложенные группой Pragglejaz, в соответствии с которыми главным критерием метафоры в языке является контекстуальное значение слова или выражения, которое контрастирует с его прямым значением, но при этом выводимо в сопоставлении с ним [Pragglejaz Group, 2007]);

- б) определение функциональных характеристик жестов, сопровождающих данные языковые выражения, на основе классификации Мюллер – Ченки, подразделяющей жесты на референтные (указательные и репрезентирующие), прагматические, структурирующие дискурс, адапторы и др.;
- в) соотнесение жестов с метафорическими языковыми выражениями для определения вклада жестов в процессы метафоризации и типов метафорических проекций, выстраиваемых в нашем материале.

Как указывалось выше, в фокусе внимания в настоящем исследовании находятся репрезентирующие жесты, функция которых заключается в передаче определенных аспектов содержания вербального компонента. Для идентификации типа жеста применялась процедура визуального анализа структурных и функциональных характеристик жеста.

Вслед за О. К. Ирисхановой, в качестве важного структурно-формального критерия креативности жеста мы рассматриваем фокусность жеста [Ирисханова, 2014; Ирисханова, 2023]. Соответственно, в ходе анализа отбирались главным образом фокусные жесты, производимые с большой амплитудой и / или резкостью, обычно в центральной или верхней части фокусной зоны между говорящим и слушающим; также учитывалось соотношение жеста с вербально маркированными элементами речи [Müller, Tag, 2010].

Словесно-жестовые единства рассматривались с учетом содержательной соотнесенности вербального и кинетического компонентов; наличия метафор в обеих модальностях или только в одной из них; вклада жеста в метафоризацию на фоне вербального компонента.

ВИДЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ С УЧАСТИЕМ ВЕРБАЛЬНОЙ И ЖЕСТОВОЙ МОДАЛЬНОСТИ В СЛОВЕСНО-ЖЕСТОВЫХ ЕДИНСТВАХ В УСТНОМ МОНОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Результаты полимодального анализа фрагментов устного монологического дискурса позволили выявить, что репрезентирующие жесты играют активную роль в построении метафорических

¹URL: <https://archive.mpi.nl/tla/elan>.

процессов, вступая в следующие содержательные (концептуальные) отношения с фрагментами речи:

- *усиление* как повтор содержания жестом вербального компонента, содержащего метафору, что создает эффект резонанса;
- *дополнение* как привнесение кинетическим компонентом новой информации;
- *замена* жестом фрагмента речи как средство его компенсации.

Проиллюстрируем содержательный вклад жестов в полимодальные единства (с метафорическим значением и без) несколькими примерами.

Усиление как тип концептуальных отношений жеста и фрагмента речи представлено на рисунке 1: участница эксперимента поясняет разницу между лексемами *кара* и *наказание*. Она произносит фразу: «Кара – это как перст судьбы», – сопровождая ее жестом, репрезентирующим буквальное содержание выражения *перст судьбы*. Таким образом, указательный палец соотносится с областью-источником метафоры «Судьба как физическое воздействие на человека», усиливая частную проекцию «Наказание как указание на что-либо», т. е. жест акцентирует внимание на области-источнике.

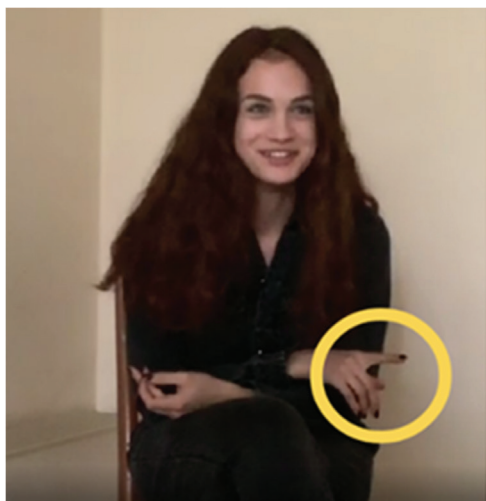

Рис. 1. Кара – это как перст судьбы

Приведем пример *дополнения* как типа концептуальных отношений между жестом и фрагментом речи: в данном отрывке (рис. 2) участница произносит: «Вранье – это какое-то сокрытие информации», употребляя метафорическое выражение *сокрытие информации* и производя репрезентирующий жест «щепотью»: большой и указательный пальцы смыкаются в щепотку, имитируя акт физического сокрытия. При этом клад и вербального, и кинетического компонентов равноценен, поскольку происходит построение разных, хотя и взаимосвязанных метафор, в обоих компонентах одновременно. В речи метафору можно

сформулировать как «Информация как ценность»; в жестовом компоненте жест конструирует дополнительную метафорическую проекцию «Сокрытие как акт физического удержания». Таким образом, метафору, образованную вербальным и кинетическим компонентами совместно, можно сформулировать следующим образом: «Информация как предмет для манипуляции».

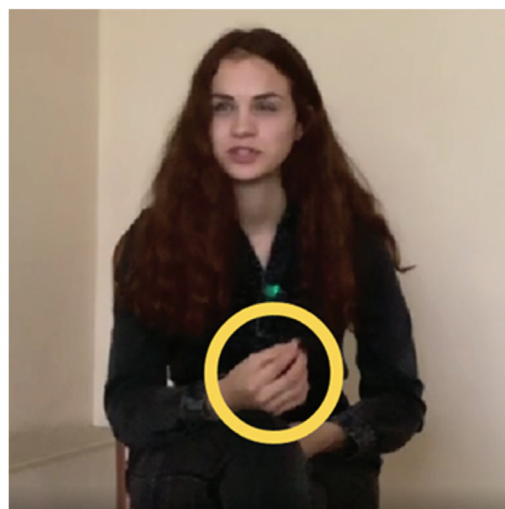

Рис. 2. Вранье – это какое-то сокрытие информации

Замена как тип концептуальных отношений жеста и фрагмента речи представлена ниже (рис. 3). Приведенный фрагмент иллюстрирует замену кинетическим компонентом вербального, поскольку испытуемый, объясняя разницу между синонимами *битва* и *схватка*, произносит: «Битва – это когда вот так», используя десемантизированную единицу *так* и жест, репрезентирующий акт столкновения. Таким образом, с помощью жеста происходит метафорическое достраивание «Военный конфликт как физическое столкновение»:

Рис. 3. Битва – это когда вот так

Анализ соотносительности репрезентирующих жестов с языковыми выражениями также позволил

выявить типы метафорических проекций с участием кинетического компонента по двум критериям: равноценность вклада единиц разных модальностей и распределение метафорических проекций по модальностям.

В первом случае мы выделяем **симметрию** и **асимметрию**: если оба компонента из разных модальностей вносят относительно равноценный вклад в метафоризацию, метафора является **симметричной**. Данный тип наблюдается в случае, если метафора содержится и в вербальном компоненте, и в кинетическом (как в примере на рис. 2: метафора в вербальном компоненте – «Информация как ценность»; в жестовом компоненте – «Сокрытие как акт физического удержания»).

В **ассимметричной** метафоре компоненты разных модальностей вносят неравноценный вклад в метафоризацию, как в примере «Кара – это как перст судьбы», в котором вербальный компонент содержит указание и на область цели, и на область источника, в то время как жест соотносится с пространством источника (рис. 1).

По второму критерию разграничиваются полимодальная и кросс-модальная метафорические проекции. **Полимодальные проекции** наблюдаются, если метафоризация осуществляется параллельно в разных модальностях (см. рис. 2), либо одна модальность играет роль поддержки компонента метафоры, расположенного в другой модальности (см. рис. 1). Таким образом, пример «Вранье – это какое-то сокрытие информации» является иллюстрацией полимодальной симметричной метафорической проекции.

Кросс-модальные проекции предполагают расположение области-цели (словесно-жестового единства) в одной модальности, а области-источника (жеста) – в другой. Совместное употребление обоих компонентов запускает метафорическую

проекцию, выстраиваемую «сквозь» разные модальности. Данный вид проекций наблюдаются в примере, представленном на рисунке 3: языковое выражение указывает на область цели («Военный конфликт», а кинетическая единица – на область источника («Физическое столкновение»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование, посвященное проблеме креативности, позволило сделать выводы о:

- а) нерешенности вопроса о границе понятий «творчество» и «креативность»;
- б) постепенном расширении понятия креативность за счет включения в проблематику проявления творчества в обыденной устной речи и полимодальной коммуникации;
- в) дискуссионности вопроса креативности в жестах;
- г) недостаточной изученности вклада жестов в разных языках и типах дискурса.

Исследование монологического дискурса на русском языке позволило выявить случаи употребления репрезентирующих жестов с языковыми выражениями (включая метафорические) в устной монологической речи на русском языке; установить вклад репрезентирующих жестов в содержание словесно-жестовых полимодальных единств, который выражается в усилении жестом содержания вербального компонента; дополнении жестом содержания языкового выражения за счет внесения новой информации; замене жестом опущенного в речи языкового фрагмента. В результате полимодального анализа были обобщены основные виды метафорических проекций в изучаемом виде дискурса: полимодальные и кросс-модальные метафорические проекции с симметрией и асимметрией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Cienki A., Mittelberg I. Creativity in the forms and functions of spontaneous gestures with speech // Creativity and the Agile Mind: A Multi-Disciplinary Study of a Multi-Faceted Phenomenon / T. Veale, K. Fayaerts, Ch. Forceville (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2013. PP. 231–252.
2. Griffith A. Embodied creativity in the fine and performing arts // Journal of creativity. 2021. Vol. 31. № 1. PP. 100010–100019.
3. Ирисханова О. К. Креативность в кинетических знаковых системах: к постановке вопроса // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. 2023. С. 24–27.
4. Cienki A. J., Müller C. Metaphor, gesture, and thought. // The Cambridge handbook of metaphor and thought / R. W. Gibbs (ed.). Santa Cruz: Cambridge University Press, 2008. PP. 483–502.
5. Агафонова О.В., Леонтьева А.В., Петров А.А. Некоторые особенности употребления жестов при изменении темпа речи в синхронном переводе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 10 (839). С. 126–137.

6. Полимодальные измерения дискурса: монография / отв. ред. О.К. Ирисханова. Москва: Языки Славянских Культур, 2021.
7. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию / под ред. Г.В. Рамишвили. 2-е изд. М.: Прогресс, 2000.
8. Постовалова В. И. Язык как деятельность. Опыт интерпретации концепции Вильгельма фон Гумбольдта. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2014.
9. Потебня А. А. Полное собрание трудов: Мысль и язык. М.: Лабиринт, 1999.
10. Chomsky N. Current Issues in Linguistic Theory. The Hague: Mouton, 1970.
11. Якобсон Р. О. Работы по поэтике / под ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987.
12. Goossens L. Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 №3. PP. 323–342. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>
13. Carter R. Language and Creativity: The Art of Common Talk. London: Routledge, 2004.
14. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
15. Gibbs B. Valuing creativity in the higher education sector: What price the creative knowledge economy? // International Journal of Pedagogies & Learning. 2008. Vol. 4. №3. PP. 5–12.
16. Forceville C. Pictorial Metaphor in Advertising. London: Routledge, 2006.
17. Зыкова И.В. Поэтизация и депоэтизация образа мегаполиса в кинодискурсе: к вопросу о креативных возможностях языка кино // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. Вып. 3. С. 62–74.
18. Cienki A. Metaphors and cultural models as profiles and bases. // Metaphor in Cognitive Linguistics / Gibbs, R. W., Steen, G. J. (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2008. PP. 483–502.
19. Ирисханова О. К. О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs «прозаические» // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 37. С. 989–994.
20. Cienki A., Iriskhanova O. K. Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1 // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 5–11.
21. Ирисханова О. К. Креативность в кинетических знаковых системах: к постановке вопроса // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. 2023. С. 24–27.
22. Pragglejaz Group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse // Metaphor and Symbol. 2007. Vol. 22. № 1. PP. 1–39.
23. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования: Монография. – М.: Языки славянской культуры, 2014.
24. Müller C., Tag S. The Dynamics of Metaphor: Foregrounding and Activating Metaphoricity in Conversational Interaction // Cognitive Semiotics. 2010. Vol. 10. № 6. PP. 85–120.

REFERENCES

1. Cienki, A., Mittelberg, I. (2013). Creativity in the forms and functions of spontaneous gestures with speech. In Veale, T., Fayaerts, K., Forceville, Ch. (Eds.), Creativity and the Agile Mind: A Multi-Disciplinary Study of a Multi-Faceted Phenomenon (pp. 231–252). Berlin: Mouton de Gruyter.
2. Griffith, A. (2021). Embodied creativity in the fine and performing arts. Journal of creativity, 31(1), 100010–100019.
3. Iriskhanova, O. K. (2023). Creativity in kinetic semiotic systems: stating the issue. Yazik. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya (pp. 24–27): The digest of scientific papers. (In Russ.)
4. Cienki, A., Müller, C. (2008). Metaphor, gesture, and thought. In Gibbs, R. W. (Ed.), The Cambridge handbook of metaphor and thought (pp. 483–502). Santa Cruz: Cambridge University Press.
5. Agafonova, O. V., Leontieva, A. V., Petrov, A. A. (2020). Some of the specificities of the use of gestures when changing the tempo of speech in simultaneous interpreting. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 10(839), 126–137. (In Russ.)
6. Iriskhanova, O. K. (Ed.). (2021). Polimodal'niye izmereniya diskursa = Multimodal dimensions of discourse. Moscow: YASK Publishing House. (In Russ.)
7. Humboldt, V. von. (2000). Izbranniye trudy po yazykoznaniyu = Selected works on linguistics. Ed. by G. V. Ramishvily. 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russ.)
8. Postovalova, V. I. (2014). Yazik kak deyatel'nost' = Language as action. V. von Humboldt's concept interpretation experience. 2nd ed. Moscow: LENAND. (In Russ.)
9. Potebnya, A. A. (1999). Polnoye sobraniye trudov: Misl'y yazik = A complete collection of works. Moscow: Labirint. (In Russ.)
10. Chomsky, N. (1970). Current Issues in Linguistic Theory. The Hague: Mouton.
11. Yakobson, R. (1987). Raboty po poetike = Works on poetics. Ed. by L. M. Gasparov. Moscow: Progress. (In Russ.)
12. Goossens, L. (1990). Metaphtonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. Cognitive Linguistics, 1(3), 323–342. <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>

13. Carter, R. (2004). *Language and Creativity: The Art of Common Talk*. London: Routledge.
14. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors We Live By*. Chicago: Univ. of Chicago Press.
15. Gibbs, B. (2008). Valuing creativity in the higher education sector: What price the creative knowledge economy? *International Journal of Pedagogies & Learning*, 4(3), 5–12.
16. Forceville, C. (2006). *Pictorial Metaphor in Advertising*. London: Routledge.
17. Zikova, I. V. (2022). Poetisation and depoetisation of the image of a megacity in film discourse: to the issue of creative potential of the cinematic language. *Voprosi kognitivnoy lingvistiki*, 3, 62–74. (In Russ.)
18. Cienki, A. (1999). Metaphors and cultural models as profiles and bases. In Gibbs, R. W., Steen, G. J. (Eds.), *Metaphor in Cognitive Linguistics* (pp. 189–203). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company.
19. Iriskhanova, O. K. (2019). On some issues in the cognitive poetics of gestures: gestures 'poetic' vs 'prosaic'. *Kognitivniye issledovaniya yazika*, 37, 989–994. (In Russ.)
20. Cienki, A., Iriskhanova, O. K. (2020). Patterns of multimodal behavior under cognitive load: an analysis of simultaneous interpretation from L2 to L1. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki*, 1, 5–11.
21. Iriskhanova, O. K. (2023). Creativity in kinetic sign systems: raising the issue. *Yazik. Kultura. Perevod. Kommunikatsiya* (pp. 24–27): The digest of scientific papers. (In Russ.)
22. Group Pragglejaz (2007). MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse. *Metaphor and Symbol*, 22(1), 1–39.
23. Iriskhanova, O. K. (2014). *Igry fokusa v yazike: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya* = Games of focus in language: Semantics, syntax, and pragmatics of defocusing. Moscow. (In Russ.)
24. Müller, C., Tag, S. (2010). The Dynamics of Metaphor: Foregrounding and Activating Metaphoricity in Conversational Interaction. *Cognitive Semiotics*, 10(6), 85–120.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Архипова Яна Вячеславовна

преподаватель кафедры стилистики английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры общего и сравнительного языкознания
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Arkhipova Yana Vyacheslavovna

Lecturer at the Department of English Stylistics
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University
Post-Graduate Student at the Department of General and Comparative Linguistics
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Моделирование семантики смыслового согласования

А. Д. Борзилов¹, М. А. Салькова²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹adborz@mail.ru

²smartletters@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – обсудить возможность применения семантического моделирования для объяснения специфики смыслового согласования, допускающего варьирование при выражении грамматической категории числа сказуемого при подлежащем, выраженным потенциально двусмысленным композиционным существительным. Методы представлены количественным и качественным корпусным анализом, а также семантическим анализом. На частном исследовательском материале из корпуса BNC (1 389 случаев употребления) выстраиваются модели, изучаются принципы и механизмы функционирования подобных конструкций, в том числе под влиянием прагматики дискурса. Результаты исследования подтверждают возникновение контекстуально значимых сдвигов сем у композиционного существительного и выполнения им различных семантических ролей как отражение его возможного переосмысления и адаптации к семантике глагольного компонента.

Ключевые слова: смысловое согласование, семантическое моделирование, композиционное существительное, холистичность, дискретность

Для цитирования: Борзилов А. Д., Салькова М. А. Моделирование семантики смыслового согласования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 17–25.

Original article

Modelling Notional Agreement Semantics

Aleksandr D. Borzilov¹, Marina A. Salkova²

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹adborz@mail.ru

²smartletters@mail.ru

Abstract. The aim of the research is to discover a possibility to apply semantic modelling to the explanation of notional agreement accepting variability in the expression of the grammatical category of number of the predicate, with the subject being a potentially ambiguous compositional noun. The methods are quantitative and qualitative corpus analyses as well as semantic interpretation. On the basis of selected study material from the British National Corpus (1389 cases) models are built, principles and mechanisms of similar constructions' functioning are researched, the influence of discourse pragmatics included. The results of the study confirm the appearance of contextually relevant shifts in the semantics of the compositional noun and its ability to perform different semantic roles reflecting possible reinterpretations in meaning and its adaptation to the semantics of the verbal component.

Keywords: notional agreement, semantic modelling, compositional noun, holistic image, discreteness

For citation: Borzilov, A. D., Salkova, M. A. (2025). Modelling notional agreement semantics. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 17–25. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье обсуждается возможность представления семантики смыслового, или понятийного, согласования в предложениях с подлежащими, выраженными одушевленными существительными композиционной семантики с применением методики моделирования, рассматриваемого как один из способов выявить и обосновать природу варьирования подобных конструкций. В данном случае вариативность понимается как регулярная устойчивая приспособляемость возможностей грамматической или, более точно, синтаксической системы к потребностям мышления: его направленности не столько на субъект мышления в целом, сколько на его доминантное проявление в пределах конкретной коммуникации, или дискурса. Это проявляется в том, что при конструировании языкового выражения реализуется семантическая избирательность субъекта во взаимоотношении с предикатом как актуальный результат переосмысления содержательного наполнения субъекта; стандартное представление о субъекте развивается и трансформируется с последующим закреплением в устойчивых семантических решениях и грамматических формах. Функциональность, т. е. буквально успешность таких решений, подтверждается частотностью в пределах дискурса.

Предполагая, что, по крайней мере, часть понимания механизмов, правил и принципов функционирования смыслового согласования может быть достигнута с помощью семантического моделирования, уточним необходимое условие для его применения. Оно заключается в том, что объект исследования – конструкция-репрезентант понятийного согласования, представляющая собой сложную комбинацию смыслов, – должен быть синтаксически стабилен и фактически не изменчив в плане характерных черт основного набора единиц. Это определяет компонентный набор модели и связи в ее пределах.

Современное смыслоориентированное понимание грамматических процессов заключается в том, что, наблюдая на поверхностном морфологическом уровне варьирование оформления предиката, мы обнаруживаем, что оно лишь завершает выбор решения, начавшегося на глубинном мыслительном уровне¹. Так, в сочетании [S (субъект) + Р (предикат)] тематическая (известная) часть репрезентанта, представленная подлежащими композиционной семантики, строго реализует либо холистичность, либо дискретность, в то время как в рематической (новой и / или важной) части

репрезентанта – сказуемом – обнаруживается лексико- и грамматико-семантическое обоснование выбора либо одной, либо другой смысловой доминанты. Последняя характеризуется нами как некоторая семантическая роль, или проекция глагольного смысла. На этот смысловой комплекс, в итоге, работает вся конструкция, согласно пониманию, предложенному теоретиками грамматики конструкций [Croft, Cruse, 2004]. В качестве дополнительной прагматической «направляющей» конструкции выступает тип дискурса, формирующий коммуникативные задания и семантические ожидания относительно используемых языковых единиц; успешность конструкции также обеспечивают частные единицы языкового контекста, при условии, что они встречаются регулярно.

Задачи работы состоят в том, чтобы:

- 1) изучить потенциал семантического моделирования для объяснения особенностей понятийного согласования;
- 2) обосновать его эффективность с целью расширения сферы применения к широкому кругу явлений, обладающих схожими структурными и смысловыми характеристиками.

Оригинальность исследования заключается в его междисциплинарности: исследовательские процедуры и результаты объединяют функциональную грамматику, семантику и корпусный анализ, раскрывая корреляции грамматического и семантического уровней языкового выражения; исследование также апеллирует к когнитивной обработке языковых данных.

Актуальность исследования состоит в том, что оно частично выполняет программу современной функционально-когнитивной науки, в частности теории грамматики конструкций в трактовке [Рахилина, 2010; Croft, Cruse, 2004], объясняющей языковое выражение комплексно – от мыслительной структуры к поверхностной реализации – и таким образом имеющей преимущество перед относительно ограниченными решениями немногочисленных на сегодняшний день прикладных трактовок понятийного согласования. Последние фиксируют, главным образом, известное наличие поверхностной дифференциации между выражениями идей единства или множества в грамматической основе предложения [Vantellini, 2003; Veenstra, 2015].

В когнитивно-функциональном ключе в работе расширяются традиционные строевые представления о согласовании в направлении, намеченном уже В. Я. Плоткиным: смысловое согласование при наименованиях человеческих групп, выраженных композиционными существительными как подлежащими, и глагольных сказуемых является выражением избирательных комбинаторных отношений

¹Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учебник. Изд. 5-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012

между главными членами в течение всего простого предложения как единой структуры языка¹.

Новизна заключается в применении теоретико-модельного инструментария к анализу понятийного согласования. В результате предлагается новое понимание семантической и функциональной природы одного из значимых источников вариативности в англоязычном синтаксисе.

МЕТОДОЛОГИЯ. МАТЕРИАЛЫ. МЕТОДЫ

Настоящее семантически ориентированное исследование выполняется в русле функциональной грамматики: функционально-семантический анализ позволяет раскрыть специфику взаимосвязи в предикатно-аргументной группе конструкции в терминах ролевых отношений. Для исследования использованы частная методология фреймовой семантики и теория глубинных падежей с выделением семантических ролей [Fillmore, 1968] и в дальнейшем поддержанные и развитые сторонниками падежно-ролевого подхода к логико-семантической основе предложения, или пропозиции «как предиката, валентности которого заполнены актантами»².

Основным иллюстративным материалом исследования явились дискурсивные данные в виде контекстов высказываний, содержащих примеры смыслового согласования существительного *family* с глаголом-сказуемым единственного (Psg) / множественного числа (Ppl), полученным по итогам запроса в Британский национальный корпус (BNC)³. Суммарное количество контекстов предложений с *family* + Psg составляет 1 217 на один миллион употреблений (8 моделей); суммарное количество контекстов предложений с *family* + Ppl составляет 287 на один миллион употреблений. Дополнительно привлечены результаты запросов с существительным *jury*: суммарное количество контекстов предложений с *jury* + Psg составляет 118 на один миллион употреблений; суммарное количество контекстов предложений с *jury* + Ppl составляет 13 на один миллион употреблений.

Известно, что значимость корпусного анализа в целом определяется его обращенностью к большим данным и способностью отразить частотные свойства изучаемых явлений в корреляции с динамикой употребления во времени, а также обнаружить примеры уникальных авторских способов использования лингвистического кода

[Leech, 1992]. Однако главным преимуществом метода является возможность контекстуализировать употребление изучаемого явления и обнаружить варианты его поведения. С учетом специфики объекта, описанной во Введении, в этом случае востребованным становится метод моделирования, частично формализующий и систематизирующий рекуррентные данные контекстов.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Применение метода семантического моделирования к анализу корпусного материала, предоставившего сумму контекстов с конструкциями-репрезентантами смыслового согласования, позволило выявить следующее:

- 1) экспериментальный анализ конструкций-репрезентантов, формирующихся вокруг существительного *family*, по данным BNC, показал, что оформление сказуемого единственным числом более частотно, чем употребление сказуемого во множественном числе. Это означает, что в пределах типов дискурса указанного корпуса приоритет отдан представлению холистической направленности, грамматически коррелятивному Psg, в то время как дискретизация (передаваемая Ppl) востребована значительно меньше (прибл. 4:1);
- 2) при формировании предложения на пропозициональном уровне композиционное существительное вступает в семантические отношения с глагольной структурой, причем таким образом, что в итоге значимость приобретает не обычная совместимость сем, но именно глагол как структурно-семантический центр отвечает за выдвигание сем из имеющегося у существительного потенциала. Сформированные семантические модели, учитывающие все наиболее значимые рекуррентные компоненты конструкции со смысловым согласованием, можно считать рабочим способом выявления нюансов семантического ролевого «профиля» группового существительного;
- 3) описание ролевых возможностей имени существительного композиционной семантики позволяет отразить распределение отношений «существительное – глагол» в пространстве речемыслительной ситуации. На примере существительного *family* исследование выявило, что контекстуально на передний план в конструкции выдвигаются такие семы, как пространственная

¹Цит. по: Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007. С. 27.

²Кронгауз М. А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. С. 240–241

³<https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 21.12.2024)

и временная локализация, концентрация усилий, однотипность переживания или иные разделяемые интересы, однородная (профессиональная) преобразовательная деятельность. Одновременно в существительном затушевываются семы одушевленности, частной оценочной деятельности, индивидуальных эмоциональных реакций. Доминантное значение существительного в пределах оппозиции «холистичность – дискретность» в составе ситуации возникает на основе семного состава избирающей актант глагольной структуры со значением локализации, передвижения в пространстве, воздействия, психологического либо эмоционального состояния, физической или физиологической деятельности, эмоционально-волевых процессов. Выдвижение частных семантических значений отражено как совместимость существительного с глаголами единственного числа (роли: локатив, агенс, пациенс, экспериенцер, *force*), а отход некоторых из сем на второй план – с глаголами множественного числа (роли: агенс, экспериенцер).

Таким образом, вариативность поверхностной структуры конструкции-репрезентанта, где обнаруживается либо корреляция грамматических форм подлежащего и сказуемого по числу, либо ее отсутствие, не является случайным выбором говорящего. Грамматическое оформление глагола / глагольного компонента сказуемого возникает как следствие потенциальной двусмысленности существительного-подлежащего, не обнаруживающейся в его поверхностной грамматической форме: семантически, композиционное существительное, осмысливается как ее холистичный (коллективный) субъект в единстве действия или состояния, либо мыслится дискретно, в действии элективно-разрозненного состава участников. При этом значимым фактором выбора становится институциональность / неинституциональность дискурса.

АНАЛИЗ И ОБСУЖДЕНИЕ

Проблема смыслового согласования представлена в большинстве научных и учебных источников, включающих в поле зрения синтаксис простого предложения как раздел грамматики¹ [Quirk et al., 1985]. При этом в случаях с именами существительными композиционной семантики в качестве

подлежащих при вариативных сказуемых единственного / множественного числа сохраняется значительное количество лакун относительно закономерностей их взаимодействия как двух центральных элементов грамматической основы. В работе подобные клаузы получают статус конструкции-репрезентанта понятийного согласования. Под конструкцией-репрезентантом имеется в виду грамматически структурированное описание ситуации с помощью комплекса языковых средств, для которого характерны цельность восприятия и взаимная мотивация компонентов, осмысленность (со стороны адресанта), осмыслимость (со стороны адресата) и контекстуальная обусловленность [Рахилина, 2010]. Так, если композиционные существительные мыслятся холистично, они передают идею о группе или совокупности как единстве, коллективе, общности с активным внутренним межличностным взаимодействием и направленностью усилий «внутри», т. е. в фокусе мысли оказывается стремление группы удержаться как целостное образование, или иначе, как единица, хотя и сложно устроенная. При вербализации этот смысловой нюанс грамматически отражается в значении формы единственного числа при глаголе, акцентирующем важность / неизбежность единообразного выполнения действия либо единообразия текущего состояния. Если же композиционные имена выражают противопоставленный единению смысл дискретности, передается идея сепарирования членов группы друг от друга, и в фокус мышления попадает образ нескольких отдельных личностей, существующих автономно физически и психически, на некотором расстоянии друг от друга, а группа воспринимается как обладающая ситуативно ослабленными внутренними связями, поскольку индивидуальные действия ее участников направлены «вовне». При вербализации это грамматически передает форма множественного числа глаголов, имплицитно разрозненность и определяемую личностными свойствами вариативность исполняемого действия. Отсюда, с точки зрения исследовательской перспективы, можно предполагать, что конструкция репрезентирует состоявшиеся возможности когнитивного метафорического и / или метонимического переосмысления потенциально композиционных объектов.

Сказанное означает, что установление и упорядочивание взаимоотношений между главными членами предложения, включая выбор грамматической формы числа, является многомерным результатом ситуативно детерминированной речемыслительной деятельности, опосредованной специальными языковыми средствами. В то время

¹Кобрина Н. А. [и др.]. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис: учеб. пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности «Иностранные языки» / Н. А. Кобрина, Е. А. Корнеева, М. И. Оссовская, К. А. Гузеева. СПб.: СОЮЗ, 1999

как для полномасштабного объяснения явления необходим комплексный функционально-когнитивный подход, функционально-семантический аспект поведения конструкции-репрезентанта можно систематизировать с помощью моделирования.

В нашем случае, эффективность моделирования, в частности, создания модели речевой деятельности человека, имитирующей конкретные языковые процессы и явления [Апресян, 1982], обусловлена возможностью в компактной форме раскрыть общие признаки, существенные для целой группы субъектно-предикатных коллокаций с композиционными именами существительными. Иначе говоря, моделирование позволяет осуществить переход от индивидуального и единичного, т. е. частного контекста, к общему и закономерному, характеризующему особенности функционирования существительных композиционной семантики при установлении согласования со сказуемым. Преимущества метода моделирования как рабочего инструмента систематизации и параметризации включают укрупнение возможного представления, доказательство неслучайности употребления определенного типа репрезентанта, его зафиксированность в языке и мышлении. Важно при этом, что согласование затрагивает и структуру, и семантику конструируемого отношения. Отсюда синтаксическое представление о репрезентанте [S+P] должно быть семантически расширено как (NP)+(VP)¹ согласно ролевой теории, приписывающей на уровне пропозиции семантические признаки субъекту при глагольном актанте и позволяющей установить характер взаимоотношений между композиционным подлежащим и числом сказуемого.

¹Комбинация NP+VP, или иначе, Noun Phrase + Verb Phrase, с периода появления методологии дескриптивизма и генеративной грамматики является распространенным в грамматике способом аббревиации для компонентов грамматической основы предложения и дополняет традиционную синтаксическую модель S+P, позволяя учитывать способы выражения соответствующих синтаксических членов.

В итоге, в состав моделей включены следующие компоненты: постоянные – группа подлежащего S:NPsg, носитель семантической роли, и группа сказуемого P:VP в единственном или множественном числе, для которой устанавливались семантико-тематическая принадлежность, а также вариативные контекстуально значимые компоненты – прочие члены предложения, уточняющие семантические характеристики конструкции-репрезентанта (покомпонентно или целом). В качестве способа выражения сказуемого рассматривались только видовременные формы 3-го лица Present Simple и глагол *to be* в Past Simple, допускающие грамматическую вариативность по числу. Для единственного числа доминирует институциональный дискурс, описывающий профессиональную деятельность и, как следствие, представленный семами, имплицитными «собираемость». Для множественного числа отмечено преобладание дискурсов, мало или опосредованно связанных с какой-либо профессиональной деятельностью и представленные семами множества [Martin, Ringham, 2006].

Ниже продемонстрированы возможности моделирования на примере ряда конструкций-репрезентантов с существительным *family*. Данное существительное, как показало предварительное исследование, способно выступать прототипом существительных, инициирующих синтаксическое смысловое согласование, и является средоточием максимального числа наиболее существенных концептуальных характеристик композиционности [Борзилов, 2024]. В то время как в результате проведенного анализа корпусных данных всего выстроено 16 моделей, ниже представлены наиболее иллюстративные из них².

Рассмотрим следующие семантические модели с глаголом-предикатом в единственном числе (см. табл. 1).

²Примеры взяты из: <https://linguix.com/english/word/family/examples> (дата обращения: 21.12.2024)

Таблица 1

МОДЕЛЬ 1. ЧАСТОТНОСТЬ: 494 PER M. (ВЫСОКАЯ)			
S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола-сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>family</i> (локатив); единство места / времени; неодушевленность	составное имен- ное сказуемое (глагол-связка <i>be</i>)	Предикатив со значением локализации группы в пространстве / времени (<i>place</i> , <i>house</i> , <i>garden</i>); существование группы в одной локации – направленность группо- вого субъекта «внутри» себя	Часть предложения, уточняющая конкрет- ные особенности локализации
<i>The family is the one place that should be a guarantee of safety to its members, especially its most vulnerable members.</i> В примере семья описывается не в традиционном смысле, как группа близких родственников, но как единственное в своем роде локализованное во времени и пространстве место. Она выступает гарантом безопасности, убежищем, укрытием и, следовательно, утрачивает в своем значении сему одушевленности. Возможность данной интерпретации основывается на представлении о том, что семьи всегда имеют некоторое место проживания.			

МОДЕЛЬ 2. ЧАСТОТНОСТЬ: 4 PER M. (НИЗКАЯ)

S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола-сказуемого / компонента предиката; доминантные семы:	Вариативный компонент
<i>family</i> (каузативный агент); группа как активный исполнитель действий, одинаково осознанных для всех и согласованных по цели	простое глагольное сказуемое	глаголы (пере)движения, перемещения, смены (места) (рас)положения (<i>to come, to go, to move, to travel</i> и др.); изменение локализации всей группы, успешность действия достигается при согласованности усилий	Обстоятельства места (направления движения), обстоятельства цели

The *family moves out* of their unnamed city to an unnamed suburban area to start again.

Здесь семья показана в качестве активного деятеля, перемещающегося в пространстве, меняющего место жительства. Отсутствие географических названий говорит о неважности конкретных точек нахождения индивидуальных представителей семьи. Обстоятельство цели подчеркивает значимость согласия в отношении переезда и коллективных усилий, направленных «внутрь», т. е. во благо семьи. Таким образом, имплицуруется представление «все как один».

МОДЕЛЬ 3. ЧАСТОТНОСТЬ: 1 PER M. (НИЗКАЯ)

S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола-сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>family</i> а) (экспериментер); негативные чувства, эмоции, психическое / психологическое / душевное состояние б) (пациент): физическое состояние	простое глагольное сказуемое в активном или пассивном залоге	глаголы переживания потери / утраты, траур, скорбь (<i>to cry, to lose, to mourn, to suffer, to weep; to kill, to murder</i> и их синонимы, <i>to operate on, to vaccinate</i>) а) активный залог: совместная, общая для всех психоэмоциональная деятельность; б) пассивный залог: состояние как результат насилия / физического / эмоционального воздействия	Опционально представлены как фоновая информация, связанная с причиной утраты / негативного состояния, ходом траурных мероприятий и пр.

As the *family mourns* and close relatives shave their heads, the body is transported to the funeral ghat.

В примере семья в горе представлена как один скорбящий. Проходя через трагическое событие смерти и похорон родственника, она представляется нам плотно спаянной группой, практически недискретной физически и эмоционально: между ее членами устанавливаются особенно тесные взаимоотношения, возникает потребность в поддержке для преодоления испытания. Дополнительно, единение горем противопоставляется действиям отдельных родственников: каждый из них обривает свою голову в знак траура. Таким образом, для семьи формируется образ «все как один».

Для согласования по смыслу во множественном числе выделены следующие модели (см. табл. 2).

Таблица 2

МОДЕЛЬ 1. ЧАСТОТНОСТЬ: 387 PER M. (ВЫСОКАЯ)

S: NP + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола-сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>family</i> (экспериментер); носитель чувств / эмоций	составное именное сказуемое (глагол-связка <i>to be</i>)	Предикатив со значением чувственно-эмоциональной характеристики / качества / свойства; персональные восприятие и индивидуальные переживания, различающиеся по интенсивности	Компонент предложения, указывающий на источник эмоционального состояния

This was virtually unheard of from a woman of her upbringing and her *family were horrified*.

В примере семья описывается как группа людей, переживающих яркое психоэмоциональное состояние, и именно множественность этих состояний выступает дополнительным способом усилить эффект неблагополучия и неприятия ситуации. Очевидно, у разных родственников вызывают отвращение различные аспекты одного и того же поведения, имплицуруется образ многочисленных гневных упреков, пересуд, скандалов и проч.

МОДЕЛЬ 2. ЧАСТОТНОСТЬ: 253 PER M. (ВЫСОКАЯ)

S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола- сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>family</i> (каузативный агент); одушевленность, исполнение действия происходит осознанно, благодаря волеизъявлению и индивидуальной ответственности	простое / составное именное сказуемое (глагол- связка <i>to be</i>)	глаголы / предикативы со значением внесения личного вклада, принятия персонального участия	Объект деятельности, обстоятельство времени

*Talking about the investment in the new main stand, he insisted his **family are in** it for the long haul.*

В данной иллюстрации семья представлена в виде групповой совокупности индивидуальных активных деятелей (как отдельных лиц, так и отдельных семей, связанных родством), где каждый отдельно взятый участник будет инвестировать согласно собственным доходам (одно из значений *be in* – *располагать деньгами*). При финансовом участии члены семьи платят свои личные взносы, что говорит об их самостоятельности и финансовой автономии, а также о личной ответственности, связанной с готовностью нести риски, независимо от других родственников. Особенности проведения финансовых операций, особенно долгосрочных, предполагают дискретизацию группы.

МОДЕЛЬ 3. ЧАСТОТНОСТЬ: 200 PER M. (ВЫСОКАЯ)

S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола- сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>family</i> (агент); прикладывающий усилия	простое глагольное сказуемое	глаголы со значением сближения объектов / концентрации / фокусировки (<i>to gather (together), to get together, to join together, to meet (together), to (re)unite (together)</i>)	Обстоятельство образа действия

*But the **family have pulled** together and, in spite of fits of irritability, **are happy**.*

В данном примере предикат фиксирует начало процесса объединения, где каждый отдельный член семьи приложил силы, чтобы справиться с обстоятельствами, что передает семантика словосочетания *pull together*, ориентированного на изначальную разобщенность участников; здесь же указан результат, который важен для каждого по-своему, поскольку чувствовать себя счастливыми и выражать это люди будут по-разному (с учетом личных качеств и возможностей, на что указывают упоминаемые в контексте возникающие временами вспышки раздражения от сложившейся ситуации); эта часть соответствует характеристикам, выделенным для модели 1 выше.

Значимость прагматического влияния типа дискурса на формирование конструкции убедительно иллюстрирует моделирование контекстов с существительным *jury*. Как показали запросы в BNC, в юридическом судебном дискурсе, являющемся институциональным, *jury* сочетается со сказуемым, глагольная часть

которого употребляется в единственном числе, в то время как в неинституциональном дискурсе глагольная часть сказуемого употребляется во множественном числе. Рассмотрим примеры, где сказуемые имеют форму единственного (модель А) и множественного числа (модель Б) (см. табл. 3).

Таблица 3

МОДЕЛЬ А. ЧАСТОТНОСТЬ: 43 PER M. (СРЕДНЯЯ)

S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола- сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>jury</i> (force); институт судебной системы (уголовного судопроизводства), каузация изменений	простое глагольное сказуемое (смысловой глагол <i>to return</i>)	семантика глагола: исполнение профессионального долга, волеизъявление через вынесение общего вердикта (<i>to give / to pass / to return a verdict, to decide</i> и др.);	Определение в постпозиции

A jury has returned a verdict of accidental death.

В примере представлена единодушная позиция коллегии присяжных, давшей заключение о смерти в результате несчастного случая. Все участники слушания приняли участие в активном действии по изменению окружающего мира через определение судьбы обвиняемого, руководствуясь исключительно рациональным оцениванием, что собирает их в один коллектив, где особое отношение каждого нейтрализовано профессиональным долгом, так что стирается значимость индивидуальностей, отдельных мнений, эмоциональных реакций и пр. Фактически, это употребление сопоставимо с аллюзией к слепой и бездушной богине правосудия Фемиде, когда представление о дюжине присяжных заседателей приближается к образу неодушевленного инструмента, исполнителя закона, несмотря на групповой способ существования. Таким образом, в ролевой семантике наблюдается сдвиг в направлении роли *force*, обычно связываемой с неодушевленностью исполняющего субъекта. Связь с одушевленностью сохраняется благодаря глагольным семам речепорождения и мышления, однако известно, что от имени коллегии выступит один человек – ее председатель.

МОДЕЛЬ Б. ЧАСТОТНОСТЬ: 7 PER M. (НИЗКАЯ)

S: NPsg + семантическая роль; доминантные семы	P: VPsg + тип сказуемого	Семантический класс глагола- сказуемого / компонента предиката; доминантные семы	Вариативный компонент
<i>jury</i> (экспертиенцер); одушевленность, способность к восприятию и эмоциям	простое глагольное сказуемое	смысловой глагол со значением индивидуального чувственного / эмоционального восприятия (<i>to hear</i> ; <i>to notice</i> , <i>to see</i> , <i>to spot</i> , <i>to watch</i> и др.)	Компонент предложения, указывающий на источник восприятия

Jury see replay of death hit.

В примере речь идет о сенсорном восприятии людей, составляющих группу присяжных, т. е. о действии, совершаемом каждым из членов состава коллегии физически отдельно. Дискурс предложения не является сугубо профессиональным, т. е. связанным с особой терминологией, используемой для описания хода и результатов судопроизводства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная в статье интерпретация вариативности понятийного согласования получает семантическое обоснование, раскрываемое с применением метода семантического моделирования. Образцы моделей, инкорпорирующие особенности поверхностных структур и скрытые глубинные смыслы, доказывают наличие сдвигов в семном

составе компонентов конструкции-репрезентанта при их взаимной адаптации, а также при поддержке или под влиянием контекстуальных дискурсивных условий. Таким образом, заявленный метод можно считать перспективным для описания всей группы существительных, обладающих семантикой композиционности. Дополнительными аргументами в пользу эффективности метода можно считать его компактность, системность и структурированность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Croft W., Cruse D. A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
2. Рахилина Е. В. Лингвистика конструкций / отв. ред. Е. В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.
3. Vantellini L. Agreement with Collective Nouns in New Zealand English. 2003.
4. Veenstra A. Semantic integration and subject-verb agreement: Independent effects of notional and grammatical number. 2015.
5. Fillmore C. J. The case for case // Universals in linguistic theory / Ed. by E. Bach, R. T. Harms. New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston, 1968. P. 1–88.
6. Leech G. Corpora and Theories of Linguistic Performance // Directions in Corpus Linguistics: Proceedings of Nobel Symposium 82 / Ed. by J. Svartvik. Berlin; New York: Mouton de Greyter, 1992. P. 105–128.
7. Quirk R. et al. Comprehensive Grammar of the English Language / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. L.: Pearson Longman, 1985.
8. Апресян Ю. Д. Толково-комбинаторный словарь в формальной модели языка и разрешение многозначности // Актуальные вопросы практической реализации систем автоматического перевода. М.: МГУ, 1982. Ч. 2. С. 108–128.
9. Martin B., Ringham F. Key Terms in Semiotics. London – New York: Continuum, 2006.

10. Борзилов А. Д. Дела семейные: существительное FAMILY и семантико-синтаксические особенности согласования // Англистика в XXI веке: in juventute veritas: сборник материалов конференции. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2024. С. 64–69.

REFERENCES

1. Croft, W., Cruse, D. A. (2004). Cognitive linguistics. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Rakhilina, E. V. (2010). Construction linguistics. Moscow: Azbukovnic. (In Russ.)
3. Vantellini, L. (2003). Agreement with Collective Nouns in New Zealand English
4. Veenstra A. (2015). Semantic integration and subject-verb agreement: Independent effects of notional and grammatical number.
5. Fillmore, C. J. (1968). The case for case. In Bach, E., Harms, R. T. (Eds.), Universals in linguistic theory (pp. 1–88). New York, NY: Holt, Rinehart, and Winston.
6. Leech, G. (1992). Corpora and Theories of Linguistic Performance. In Svartvik, J. (Ed.), Directions in Corpus Linguistics (pp. 105–128): Proceedings of Nobel Symposium 82. Berlin; New York, NY: Mouton de Greyter.
7. Quirk, R. et al. (1985). A Comprehensive Grammar of the English Language. London: Pearson Longman.
8. Apresyan, Yu. D. (1982). Explanatory collocation dictionary in the formal language model and polysemy extension. Relevant questions of the practical realisation of automatic translation systems (part 2, pp. 108–128). Moscow: MSU. (In Russ.)
9. Martin, B., Ringham, F. (2006). Key Terms in Semiotics. London & New York: Continuum.
10. Borzilov, A. D. (2024). Family matters: the FAMILY noun and the semantic and syntactic specifics of agreement. In Anglistics in the XXI century: in juventute veritas (pp. 64–69). The digest of articles of the conference. Moscow: MSLU. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борзилов Александр Дмитриевич

аспирант кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

Салькова Марина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент
заведующая кафедрой грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Borzilov Aleksandr Dmitrievich

Post-graduate student of the Chair of the Grammar and the History of the English language
the Department of the English language, Moscow State Linguistic University

Salkova Marina Alexeevna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Chair of the Grammar and the History of the English language
the Department of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 81'367:004.738.5

Синтаксический аспект коммуникации Веб 2.0

Т. Р. Ванько

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,
bestgrammar@yandex.ru*

Аннотация. Целью работы является описание синтаксиса цифровой коммуникации Веб 2.0, допускающей сосуществование двух типов контента: адаптированного традиционного и пользовательского. Актуальность исследования определяется недостаточной изученностью их синтаксических характеристик, а новизна обусловлена выбранным вектором сопоставительного анализа синтаксических параметров и синтаксических средств реализации субъективно-модального потенциала пользовательского контента и его традиционного аналога на материале профессиональных и любительских кинокритических рецензий. Результаты исследования свидетельствуют о тенденции к сближению синтаксических черт адаптированного и пользовательского контента коммуникации Веб 2.0.

Ключевые слова: коммуникация Веб 2.0, адаптированный контент, пользовательский контент, синтаксические характеристики, невербальные средства коммуникации, профессиональные кинокритические рецензии, любительские отзывы, синтаксические средства реализации субъективной модальности

Для цитирования: Ванько Т. Р. Синтаксический аспект коммуникации Веб 2.0 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 26–32.

Original article

Syntax of Communication Web 2.0

Tatiana R. Vanko

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,
bestgrammar@yandex.ru*

Abstract. The purpose of the work is to describe the syntax of Web 2.0 digital communication, which allows the coexistence of two types of content: adapted traditional and user-generated content. The relevance of the study is determined by the insufficient study of their syntactic characteristics, and the novelty is due to the chosen vector of comparative analysis of syntactic parameters and syntactic means of realizing the subjective-modal potential of the user-generated content and its traditional analogue based on the material of professional and amateur film reviews. The results of the study indicate a trend towards convergence of syntactic characteristics of adapted and user-generated content of Web 2.0 communication.

Keywords: Web 2.0 communication, adapted content, user-generated content, syntactic characteristics, non-verbal means of communication, professional film reviews, amateur reviews, syntactic means of implementing the subjective modality

For citation: Vanko, T. R. (2025). Syntax of communication Web 2.0. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 26–32. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Начало эпохи Веб 2.0, пришедшей на смену статичным сайтам Веб 1.0, стало прорывом в цифровой коммуникации, полностью изменившим ее характер. Веб 2.0 создал эру пользовательской генерации контента, социальных сетей, онлайн-сотрудничества и коллективного интеллекта. Экосистема нового вида цифровой коммуникации Веб 2.0 образована различными типами и жанрами дискурса. Сложная архитектура цифровой коммуникации, предполагающая сосуществование различных типов контента с различными синтаксическими характеристиками, а также недостаточная их изученность, определили задачи исследования, а именно: сопоставительный анализ основных синтаксических характеристик и синтаксических средств реализации субъективной модальности пользовательского контента и его традиционного аналога с целью установления основных тенденций развития синтаксиса цифровой коммуникации Веб 2.0.

Материалом исследования послужили англоязычные профессиональные кинокритические рецензии (в качестве примера адаптированного контента) и пользовательские отзывы (пользовательский контент) с общим объемом 10 403 слова.

Результатом исследования является описание сходства и различия синтаксических параметров адаптированного и пользовательского контента, а также тенденции на их сближение, что свидетельствует о формировании нового языка цифровой коммуникации Веб 2.0.

КОММУНИКАЦИЯ ВЕБ 2.0 В ЛИНГВИСТИКЕ

С. Херринг заложила основу науки о компьютерно-опосредованной коммуникации (computer-mediated communication). Она описывает Веб 2.0 как систему веб-платформ, предполагающих публикацию пользовательского контента и социальное взаимодействие. Пользовательский контент сосуществует параллельно с контентом, предоставляемым самими сайтами, а иногда пользовательский контент преобладает или полностью вытесняет его, что и происходит в социальных сетях, представляющих собой пользовательский дискурс в виде текста, аудио, видео и фото [Herring, 2013].

Цифровая коммуникация в Веб 2.0 характеризуется сложной архитектурой. С. Херринг выделяет в ней три вида дискурса: традиционный (familiar или reproduced), адаптированный (reconfigured) и новый вид дискурса (emergent). Традиционный тип дискурса заимствован в коммуникации Веб 1.0. К нему относятся тексты, генерируемые с помощью

текстовых редакторов в автономном режиме и загружаемые в Интернет (научные публикации, переписка по электронной почте, в чатах, в мессенджерах и т. п.). Сегодня традиционные типы коммуникации также видоизменяются и адаптируются к новым техническим условиям и возможностям Веб 2.0, используя комментарии пользователей, мультимедиа, гиперссылки и т. п.

Адаптированные (reconfigured) жанры коммуникации Веб 2.0 включают новостные сайты, которые при сохранении признаков офлайн-коммуникации адаптированы комментариями пользователей и гиперссылками.

С. Херринг считает новым (emergent) видом онлайн-коммуникации персональные страницы, блоги, комментарии к фотографиям и видео на YouTube, текстовые (и голосовые) чаты онлайн-игр, текстовые сообщения с мобильных телефонов, комментарии читателей к новостям, переписку и комментарии в соцсетях и мессенджерах.

Указывая на сложность и малую изученность цифрового дискурса Веб 2.0, С. Херринг подчеркивает необходимость описать новые жанры коммуникации Веб 2.0 и проанализировать видоизменения, произошедшие в традиционных жанрах, сопоставляя их с характеристиками адаптированных жанров [Herring, 2013].

Исследователи цифровой коммуникации Веб 2.0 неоднократно отмечали актуальность изучения ее языковых параметров, поскольку технологические изменения в эпоху Веб 2.0 влекут за собой изменения языковых характеристик цифрового контента, что в конечном счете приводит к рождению нового «дигитального» / цифрового языка [Горошко, 2009; Herring, 2013; Tannen, 2013; Клушина, 2018]. Цифровой язык коммуникации Веб 2.0 – это уникальное явление. Существовая в онлайн-пространстве, он имитирует реальное общение в офлайн-среде. Непринужденность, диалогичность, спонтанность коммуникации Веб 2.0 ведет к преобладанию разговорно-просторечного стиля общения, где игнорируются языковые нормы, широко используются заимствованные слова, клише и неологизмы. Генерируемый пользователями контент копирует спонтанную разговорную речь и активно опирается на визуальные невербальные средства реализации идеи (эмодзи, эмодзики и интернет-мемы и т. п.) [Клушина, 2018].

Говоря о трансформации языка в интернет-коммуникации, ученые отмечают появление устно-письменного языка, т. е. письменной формы отражающей такие особенности устной речи, как упрощенный синтаксис, эллипсис, парцелляцию, которые служат для экономии языковых и мыслительных усилий. Специфические свойства языка

цифровой коммуникации: поликодовость, расширенное использование графических невербальных средств (шрифта, цвета, разрядка, знаки препинания), а также эмодзи, смайликов, становятся нормой общения и ведут к упрощению языка и речи.

Несмотря на научный интерес к языковым характеристикам коммуникации Веб 2.0, изучение синтаксических параметров находится на начальном этапе. При фокусе внимания на синтаксисе цифровых СМИ [Ванько, 2022] делались попытки рассмотреть синтаксис других жанров цифровой коммуникации: в мессенджерах, по электронной почте, соцсетях, блогах и т. п. [Tannen, 2013; Трофимова, Барабаш, 2020].

Очевидно, что рассмотрение синтаксических параметров коммуникации Веб 2.0 носит фрагментарный характер. Не учитывается разнообразие экосистемы цифровой коммуникации, образуемой различными типами и жанрами. Архитектура онлайн-коммуникации Веб 2.0 включает медиакommunikation в цифровых СМИ, блогинг, повседневную коммуникацию в соцсетях, мессенджерах, электронной почте и т. п. Более того, цифровая коммуникация Веб 2.0 допускает сосуществование традиционных, адаптированных и новых типов контента, что предполагает различие их языковых, в частности, синтаксических характеристик. В этой связи актуален сопоставительный анализ синтаксических параметров новых типов пользовательского контента с их традиционными аналогами. Такой вектор исследования позволяет выявить сходство и различие нового пользовательского и адаптированного традиционного контента, а также установить основные тенденции развития синтаксиса цифровой коммуникации.

Примером корреляции двух видов цифрового контента (традиционного, пусть даже адаптированного, и нового пользовательского) в одной плоскости онлайн-коммуникации Веб 2.0 является современный критический онлайн-дискурс, представленный двумя видами онлайн-кинорецензий: профессиональными кинорецензиями и любительскими отзывами интернет-пользователей. Языковые свойства данных типов цифрового контента чаще всего описывались изолированно без сравнительного анализа. Добавим, что именно адаптированный тип цифрового контента в виде профессиональных онлайн-кинорецензий находился в фокусе исследований [Шкайдерова, 2014]. Языковые свойства пользовательского цифрового контента, представленного в интернет-пространстве пользовательскими отзывами о фильмах, остаются недостаточно изученными. Сопоставительное рассмотрение синтаксических характеристик

адаптированного и пользовательского контента на примере онлайн-кинорецензий не проводилось. Представляется перспективным синтаксический ракурс сопоставительного анализа двух типов цифрового контента, а именно, адаптированного (профессиональные онлайн-кинорецензии) и нового пользовательского (любительские онлайн-отзывы о кинофильмах), формирующих значительный пласт цифровой коммуникации Веб 2.0.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АДАПТИРОВАННОГО И НОВОГО ДИСКУРСА КОММУНИКАЦИИ ВЕБ 2.0

Материалом для сопоставительного анализа адаптированного и нового типов цифрового дискурса Веб 2.0 послужили публикации на сайте IMDb.com (Internet Movie Database), являющемся базой данных о кинематографе. Сайт IMDb.com размещает публикации любого посетителя сайта, прошедшего регистрацию и модерацию. В качестве примера адаптированного дискурса были случайно отобраны 10 публикаций общим объемом 7 211 слов (34 210 печатных знаков) профессиональных критиков или блогеров из рубрики «Внешние рецензии» (external reviews). Новый тип цифрового дискурса представлен пользовательскими отзывами в количестве 20 общим объемом 3 192 слова (14 208 печатных знаков) из рубрики «Пользовательские рецензии» (user reviews). Источником языкового материала послужили кинорецензии на американский мини-сериал «Идеальная пара» («The Perfect Couple»), вышедший на платформе Netflix в сентябре 2024 года.

Сопоставительный анализ синтаксических параметров адаптированного и нового типов цифрового дискурса выявил существенные различия.

Очевидно значительное преобладание размера публикаций адаптированного типа, количество слов в которых в четыре раза превышает среднее количество слов в пользовательских отзывах (соответственно 690 и 172 слова). Разница в размере зависит от содержания контента. Адаптированный контент имеет стандартизированную регламентированную структуру, соответствующую общепринятым канонам индустрии. Предложения в нем длиннее и информативнее. Они содержат в среднем в 1,3 раза больше слов, чем предложения в пользовательском контенте (30 и 21 слово соответственно). Наоборот, рядовой пользователь не обязан соблюдать определенную структуру отзыва о кинофильме. Он размещает свой отзыв с целью самовыражения и общения в онлайн-пространстве, а не вследствие профессиональной необходимости. Предложения пользовательского контента менее

информативны, но более эмоционально окрашены. Они передают эмоциональный сиюминутный отклик на просмотренный сериал. О спонтанности пользовательского контента свидетельствуют эллиптические структуры с пропущенным подлежащим или сказуемым (22 % предложений пользовательского контента). Такие предложения придают динамизм контенту и отражают стремление автора к реализации своего эмоционального отклика, пусть даже с нарушением языковых норм.

Boring story, boring actors, except maybe Liev Schreiber. Aging well... Eve Hewson absolutely characterless.¹

Что касается коммуникативных типов предложений, то в нашем материале оба типа анализируемого цифрового контента демонстрируют одинаковое предпочтение к использованию повествовательных предложений (91 % в адаптированном и 77 % в пользовательском контенте). Вопросительные предложения в три раза чаще встречаются в адаптированном дискурсе (здесь они составили 7 %), чем в пользовательском (2 %). В тексте профессиональной кинокритики вопросы зачастую служат способом заинтересовать читателя, ввести новую для обсуждения тему, побудить реципиента к прочтению рецензии или просмотру сериала.

Who did it, and why does someone want to ruin Amelia and Benji's most special day?²

Восклицательные структуры, которые традиционно считаются синтаксическим средством обозначения повышенной экспрессивности, встречаются в основном в генерированном пользователями контенте (21 % в пользовательском и 2 % в адаптированном контенте), реализуя субъективно-оценочную позицию автора любительского киноотзыва.

It's good! Grab a friend and enjoy. Ignore the silly reviews someone's hating on Nicole!³

Наиболее значительные различия между адаптированным и новым типом контента в коммуникации Веб 2.0 наблюдаются в различных структурных типах предложений. Профессиональные кинокритики, являющиеся примером адаптированного цифрового контента, в равной

степени часто используют простые (27 %), сложноподчиненные (22 %), сложносочиненные (30 %) и смешанные (с сочинительной и подчинительной связью) (21 %) предложения. Применение разнообразных структурных типов предложений делает адаптированный дискурс более информативным, отражающим всевозможные связи и причинно-следственные взаимоотношения компонентов, что является общепризнанной чертой публицистического жанра.

Новый цифровой контент, генерируемый пользователями-непрофессионалами, напротив, демонстрирует диаметрально противоположную тенденцию к преимущественному использованию простых предложений (71 %), что, во-первых, облегчает процесс создания отзыва, во-вторых, придает динамизм дискурсу и, в-третьих, повышает скорость его чтения и восприятия. Новый цифровой тип контента напоминает разговорную речь в реальной офлайн-коммуникации. Сложноподчиненные (15 %), сложносочиненные (11 %) и смешанный тип (3 %) предложений также встречаются в пользовательском контенте, но значительно реже, чем простые предложения.

Адаптированный и пользовательский контент различаются используемыми паралингвистическими невербальными средствами, которые считаются неотъемлемой составляющей цифровой коммуникации и применяются при отсутствии непосредственного контакта с получателем и невозможности выразить эмоциональное состояние мимикой, жестами и интонацией [Турко, 2024]. Наши данные подтверждают предположение ученых о зависимости выбора невербальных средств коммуникации от коммуникативной цели и содержания контента. Адаптированный дискурс профессиональных кинокритиков носит прагматический информационно-побудительный характер – проинформировать о сериале и побудить к просмотру, чему способствуют в изобилии представленные фото- и видеокомпоненты. Пользовательский контент, выполняющий функцию самовыражения чувств и эмоций, использует невербальные средства цифровой коммуникации для краткой и наглядной передачи своего эмоционального состояния. В обследуемых любительских отзывах о сериале зафиксировано употребление таких графических невербальных средств, как жирный шрифт, выделение курсивом и цветом, капитализация и мультипликация, которые считаются паралингвистическими средствами эмоционализации и экспрессивизации речи. Участники онлайн-коммуникации Веб 2.0 на данном этапе развития технологий не могут обмениваться голосовыми сообщениями в реальном времени,

¹URL: https://www.imdb.com/review/rw10012323/?ref_=tturv_perm_18 (дата обращения: 20.04.2025).

²URL: <https://joshatthemovies.com/2024/09/05/tv-review-the-perfect-couple/> (дата обращения: 20.04.2025).

³URL: https://www.imdb.com/review/rw10000440/?ref_=tturv_perm_12 (дата обращения: 20.04.2025).

поэтому используют графические паралингвистические средства для выражения эмоционального состояния.

Boring. Booooring. The other guys too¹.

Сравнительный анализ типов придаточных предложений, используемых в адаптированном и пользовательском контенте, выявил схожие тенденции к преимущественному употреблению определительных придаточных (46 % в адаптированном и 44,5 % в пользовательском контенте) и дополнительных придаточных (30 % в адаптированном и 33 % в пользовательском контенте), что отвечает цели проинформировать читателя и описать сериал, его детали, или свое мнение. Ниже приведем предложение смешанного типа с сочинительной и подчинительной связью с бессоюзным придаточным дополнительным и придаточным определительным, вводимым союзом *whom* (авторская пунктуация сохранена).

I think they all do quite well and Nicole Kidman whom I have never quite taken to actually surprises me.²

В нашем материале зафиксировано употребление различных типов обстоятельственных придаточных (24 % в адаптированном и 22,5 % в пользовательском контенте): времени, условия, уступки, сравнительные, образа действия, а также предикативные придаточные, однако их частотность значительно ниже в обоих типах цифрового контента.

Нами зарегистрировано сближение адаптированного и пользовательского контента в плане структурного оформления. В публикациях обоих типов присутствует заголовок и разбивка на параграфы (количество которых варьируется от 2 до 9, и состоит из одного предложения), что ранее не отмечалось исследователями пользовательского контента. Это явление свидетельствует о векторе развития пользовательского контента в сторону улучшения формы и содержания. В то же время адаптированный контент перенимает у пользовательского некоторые черты свойственные спонтанной офлайн-коммуникации: отсутствие строго регламентированной структуры, а также разбивки на параграфы или, наоборот, значительное их количество (от 4 до 13 параграфов, состоящих из одного-двух предложений).

¹URL: https://www.imdb.com/review/rw10012323/?ref_=tturv_perm_18 (дата обращения: 24.04.2025).

²URL: https://www.imdb.com/review/rw10000898/?ref_=tturv_perm_6 (дата обращения: 24.04.2025).

Принимая во внимание высокий модально-оценочный потенциал анализируемого жанра цифровой коммуникации Веб 2.0, мы сопоставили синтаксические средства реализации авторской оценочной субъективной модальности. Адаптированный контент чаще всего для этой цели используется вопросительными и восклицательными предложениями, а также параллельными структурами. Встречаются единичные случаи употребления парентетических структур, инвертированного порядка слов и предложений с так называемым вводным *it*.

Наиболее частотным синтаксическим средством реализации субъективной модальности адаптированного контента являются вопросительные предложения (7 % адаптированного контента), служащие средством диалогизации текста, привлечения внимания читателя и вовлечения его в коммуникацию.

....one of the party has been killed. Who did it, and why does someone want to ruin Amelia and Benji's most special day?³

Наряду со специальными вопросами, побуждающими к размышлению, просмотру сериала или чтению рецензии, риторические вопросы эксплицитно или имплицитно формулируют модально-оценочную позицию автора контента, как, например, в следующем контексте, где автор профессиональной рецензии выражает свое скептическое отношение к сюжету сериала и поведению его героев.

Oh, and in episode 2, amongst the murder situation, the cops start making jokes about dead people, in front of one of the family members. Seriously?!⁴(*Dom Robinson, The Perfect Couple – The DVDfever Review - Nicole Kidman, Sept. 5, 2024*).

Параллельные структуры (32 случая использования) одинаково часто с вопросительными формулируют субъективную авторскую модальность адаптированного контента. Будучи средством наращивания экспрессивности, эмоциональности и оценочности, при включении в текст профессиональной кинорецензии синтаксические повторы увеличивают эмоциональную нагруженность контента и, следовательно, степень воздействия на реципиента.

³URL: <https://joshatthemovies.com/2024/09/05/tv-review-the-perfect-couple/> (дата обращения: 24.04.2025).

⁴URL: <https://dvd-fever.co.uk/the-perfect-couple-the-dvdfever-review-netflix-nicole-kidman/> (дата обращения: 24.04.2025).

The Perfect Couple has a tonal issue. Sometimes, it seems like a situational comedy... Other times, it feels like an overtly self-serious soap opera... it seems like the director's team keeps changing midway through the episodes, thereby leading to this tonal whiplash.¹

Пользовательский контент в отличие от адаптированного использует эллиптические структуры (22 % предложений) и восклицательные предложения (21 %) в качестве основных синтаксических средств реализации субъективной модальности. Другие синтаксические средства реализации субъективной модальности в нашем материале не встретились.

Эллиптические структуры, изначально являвшиеся элементом устной речи, ориентированным на собеседника, широко используются в пользовательском контенте коммуникации Веб 2.0 не только в целях экономии времени и усилий по созданию контента, но и как мощный инструмент эмоционального воздействия на партнера по коммуникации, эмоциональной аргументации.

Эллиптические вопросительные предложения, считающиеся средством речевой экспрессии, в пользовательском контенте служат для эффективной аргументации, позволяют структурировать рассуждение и акцентировать внимание на определенном аспекте сериала.

Kidman, Fanning, and Fahy? Sure, they shine. But the material? It just doesn't rise to their level. And the worst part? You're left thinking it could've been more - should've been more.²

Восклицательные предложения, как повествовательные, так и вопросительные, используются в пользовательском контенте для обозначения субъективно-оценочного отношения к описываемому феномену. Они создают интонацию излишней

эмоциональности и убедительности и, следовательно, обладают большей силой воздействия на адресата.

A lot of hating on here! ... I was worried because of the awful reviews but it genuinely was really good!.. It's good!³

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставительный анализ синтаксических параметров адаптированного и пользовательского контента цифровой коммуникации Веб 2.0 на примере профессиональных онлайн-кинорецензий и любительских онлайн-отзывов выявил тенденцию на сближение их синтаксических черт. Оба типа цифрового контента используют преимущественно повествовательные предложения, а также одинаковый ассортимент типов придаточных. Однако установлены существенные различия между ними в размере публикаций, частотности простых, сложноподчиненных и сложносочиненных предложений, а также наборе используемых невербальных паралингвистических средств. Наблюдаемые процессы свидетельствуют об изменениях в ранее строго регламентированном профессиональном дискурсе и его тенденции на сближение и имитацию интонации пользовательского дискурса, который можно рассматривать как устно-письменную речь.

Анализ синтаксических средств реализации субъективно-модального потенциала адаптированного и потребительского контента выявил кардинальные различия. Профессиональные кинокритики (авторы адаптированного дискурса) в основном пользуются вопросительными предложениями и параллельными структурами для обозначения субъективно-оценочной модальности. Напротив, обычные интернет-пользователи, создатели пользовательского дискурса, употребляют эллиптические и восклицательные структуры для усиления экспрессивности размещаемого отзыва.

³Wandasvision. URL: https://www.imdb.com/review/rw10000440/?ref=tturv_perm_12 (дата обращения: 24.04.2025).

¹The Perfect Couple' Netflix Review. URL: <https://dmtalkies.com/the-perfect-couple-netflix-review-2024-show/> (дата обращения: 24.04.2025).

²9 Julieshotmail. URL: https://www.imdb.com/review/rw10004985/?ref=tturv_perm_5 (дата обращения: 24.04.2025).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Herring S. Discourse in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent // Discourse 2.0. Language and New Media. 2013. С. 1–27.
2. Горошко Е. И. Текст эпохи Веб 2.0: психолингвистический анализ // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 267–280.
3. Tannen D. The Medium is the Metamessage: Conversational Style in New Media Interaction // Discourse 2.0. Language and New Media. 2013. PP. 99–117.
4. Клушина Н. И. О дигитализации языка // Филологические беседы. Русская речь. 2018. Вып. 6. С. 52–56.

5. Ванько Т. Р. Синтаксис «digital native media» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2022. Вып. 3 (858). С. 16–22.
6. Трофимова Г. Н., Барабаш В. В. Языковое послевкусие интернет-эпохи в России: эффект бумеранга (актуальные процессы в русскоязычной цифровой медиакоммуникации). М.: РУДН, 2020.
7. Шкайдерова Т. В. Адаптация кинорецензии к новым медиа условиям // Коммуникативные исследования. 2014. № 2. С. 141–145.
8. Турко У. И. Смайлик, эмоджикон и эмодзи как невербальные средства общения в интернет-коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 9. С. 3005–3011.

REFERENCES

1. Herring, S. (2013). Discourse in Web 2.0: Familiar, Reconfigured, and Emergent. Discourse 2.0. Language and New Media (pp. 1–27). Georgetown University Press. Washington DC.
2. Goroshko, E. I. (2009). Tekst ehpokhi Veb 2.0: psikholingvisticheskiy analiz = Text of the Web 2.0 Era: Psycholinguistic Analysis. Voprosy psikholingvistiki, 9, 267–280.
3. Tannen, D. (2013). The Medium is the Metamessage: Conversational Style in New Media Interaction. Discourse 2.0. Language and New Media (pp. 99–117).
4. Klushina, N. I. (2018). O digitalizatsii yazyka = On the digitalization of language. Philological conversations. Russian Speech, 6, 52–56. (In Russ.)
5. Vanko, T. R. (2022). 'Digital native media' syntax. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 3(858), 16–22. (In Russ.)
6. Trofimova, G. N., Barabash, V. V. (2020). The Linguistic Aftertaste of the Internet Era in Russia: the Boomerang Effect (Current Processes in Russian-Language Digital Media Communication). Moscow: RUDN University. (In Russ.)
7. Shkaiderova, T. V. (2014). The Adaptation of a Film Review to New Media Conditions. Communicative Research, 2, 141–145. (In Russ.)
8. Turko, U. I. (2024). Smiley, emoticon, and emoji as nonverbal communication tools in internet communication. Philological Sciences. Questions of Theory and Practice, 17(9), 3005–3011. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ванько Татьяна Ростиславовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры грамматики и истории английского языка

факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vanko Tatiana Rostislavovna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of English Grammar and the History of the English Language

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.03.2025
17.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Onomatopoeia Throughout Time

Ekaterina E. Golubkova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

katemg@yandex.ru

Abstract. The article explores the tendencies in the system of contemporary onomatopes relying on the methodology of frame analysis. It is aimed at investigating the dynamics in the system of onomatopoetic words and sound symbolism in English and Russian. The study is based on forums and social media, as well on as corpora of the two languages. It unveiled that onomatopoeic words exhibit a dynamic semantic nature, with the potential to acquire new meanings and connotations over time, particularly in multimodal discourse. Languages showcase varying frequencies and types of onomatopoeia based on their word-building mechanisms. It was observed that onomatopes often retain a connection to the original sound they imitate, forming a crucial element that influences the evolving meanings of these words.

Keywords: onomatopoeia, frame semantics, metaphor, derivation, polysemy

For citation: Golubkova, E. E. (2025). Onomatopoeia throughout the time. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 33–41. (In Eng.)

Научная статья
УДК 81'373.612.4

Динамика системы современных ономапопов

Е. Е. Голубкова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

katemg@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются тенденции развития системы ономапопов с опорой на методологию фрейм-модовой семантики. Цель работы – проследить динамику системы звукоподражательных слов и звукового символизма в английском и русском языках. Материалом исследования выступают данные форумов, социальных сетей и лингвистических корпусов двух языков. Исследование подтвердило, что ономапопы обладают динамической семантической природой и потенциалом развития новых значений и коннотаций с течением времени, особенно в визуализированных типах дискурса. Языки различаются по частотности употребления и деривационным типам ономапопов. Отмечено, что ономапопеи, как правило, сохраняют семантическую связь с звукоподражательным фреймом-прототипом, что оказывает влияние на развитие их значений.

Ключевые слова: ономапопея, фрейм-модовая семантика, метафора, деривация, полисемия

Для цитирования: Голубкова Е. Е. Динамика системы современных ономапопов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 33–41.

INTRODUCTION, TERMINOLOGY AND MATERIAL

Onomatopoeia and sound symbolism are widely used in speech, in fiction from novels to comics and internet-memes. This universal phenomenon has its own specificities, studied by a number of linguists from different angles: onomatopes across non-related languages [Алиева, 2009], iconicity in onomatopes [Кривошеева, 2014], conceptual domains of onomatopoeic words [Алькенова, 2021], adaptation of onomatopes in translation [Семенова, 2024], onomatopoeia in early language development [Linking language to sensory experience: onomatopoeia in early language development, 2021], in early children's songs [Laili, Putri, 2021], in avatar comics [Tiara, 2013], in fiction [Сычев, 2021], in advertising texts, etc.

Sound symbolism is a broader and more flexible phenomenon that does not only serve to express emotions, but also can denote objects, their features, actions and create a mood of the whole text. In the paper we will use the two terms, onomatopoeia and sound symbolism, interchangeably and would define onomatopoeia as the use of words that imitate the sounds associated with the objects or actions, a name for an object which is associated with its sound, since its phonological feature seems to represent its meaning [Tiara, 2013].

In subsequent sections of the paper, it will be illustrated that sounds possess not only inherent meanings but also have the capacity to acquire new meanings and assume diverse roles both semantically and syntactically. According to the study conducted in Lund University, onomatopes extend their meanings typically by their metaphorical usage [Levin, Maricic, 2010]. This aspect was also studied in reference to the Russian language [Рахилина, Резникова, Орехов, 2015].

Over the last decade due to certain shifts in the style of communication, such as its visualization and digitalization some palpable changes can be traced down in the usage and semantics of onomatopes: some of which seem to be falling out of use, while the new ones are making their way into the language. Thus, the purpose of this paper is to investigate the dynamics in the system of onomatopoeic words and sound symbolism in two languages (English and Russian), and trace the way from a sound to an independent word. Our hypothesis is that this group of words has significantly enlarged with time and seems to be evolving in the future. The specific subtopics of the research will also include the following issues:

- drawing comparison between onomatopoeia and interjections;

- tracing the origin of some new onomatopes;
- observing the trends in the semantic development of onomatopes in English and Russian;
- looking into the dynamics of onomatopes among different types of discourse.

As for material, we draw examples from forums and social media. Extracts from fiction, series, cartoons, blogs and films, will be also used here with the aim to show that onomatopoeia was also highly popular before the era of social media. Statistical data on the frequency of onomatopes and their derivatives will be provided from corpora (COCA, HKPЯ).

RESEARCH METHODOLOGY

Among the methods which could account for the choice and, most importantly, the shift in meaning and derivational potential of onomatopes we rely on Charles J. Fillmore's frame semantics. The well-tested theory in cognitive linguistics holds that one cannot understand the meaning of a word without access to all the essential knowledge that relates to that word. Frame as a tool for semantic analysis, is defined as "any system of concepts related in such a way that to understand any of them you have to understand the whole structure in which it fits; when one of the things in such a structure is introduced into a text or a conversation, all of the others are automatically made available. So, frames are knowledge configurations in long-term memory, depicting the schematisation of recurrent types of daily situations" [Fillmore, Baker, 2009] and prototypical objects. In this paper, we follow up on this tradition by adopting a frame-semantic approach to metaphor [Neumair et al., 2025].

Frames are applied in this paper to describe the semantics of onomatopes, which are connected to the image of the source of a sound (an animal, a person, a thing etc.) in a culture. It is argued that this very prototypical image can be described by a frame structure engaged in naming of an action. This is what sets the boundaries upon the usage of an onomatope and restricts the amount of meaning change. For example, it is impossible to *грозно мурлыкать* or *печально хихикать*. As well is in English it is impossible to *give a muffled jingle* or *groan quietly*. In other words, frame is used here to account for the metaphorical usage of onomatopes. Other methods include etymological data analysis, contextual analysis, and frequency analysis.

THE ORIGIN AND STATUS OF ONOMATOPOEIA

Onomatopoeia can originate from literally every sound in the world and is restricted only by communicational aims of the speaker. However, there is

some uncertainty as to the difference between onomatopoeia and another sound-producing category in the language – the interjection.

The classical point of view is based on the fact that these phenomena belong to different categories: interjections serve to express emotions, onomatopoeia – to reproduce the sounds of nature, which makes onomatopoeia a far more flexible and informative language phenomenon. The differences between them sometimes are hard to determine, especially when an onomatope does not only imitate sounds, but also conveys some emotions. For example, Russian ха-ха, уф, ай. If we need to highlight the intensity of the emotion: ха-ха and уха-ха-xax indicate different intensity of laughter. Grammatically and semantically, these are onomatopes, since they are imitators of sounds. At the same time, they convey certain emotions. Moreover, the emotions expressed by a sound can also change or develop with the time. Thus, depending on the context, *heh* can denote, depending on the context, a half laugh, annoyance, sarcasm, or serve just as a filler when the speaker does not know what to say [Гусева, Попова, 2020].

M.A. Droga, too, notes that referring onomatopes to some part of speech is problematic, since interjections sometimes include onomatopoeic words (*теов-теов, кик-кик*). Thus, *ouch* can function both as an interjection shouted out when someone is hurt (*Ouch! She slapped me!* (Gilmore Girls, “Nag Hammadi Is Where They Found the Gnostic Gospel”, by Chris Long, 2004), and the expression of sympathy, empathy or reaction in any kind of unpleasant situation (*Ouch. Want to talk about it?* (The Vampire Diaries, “Days of the Future Past” by Ian Somerhalder, 2016). I’m gonna say *ouch* for Madonna. (The Simpsons, “Who Shot Mr. Burns? Part 2” by Jeffrey Lynch, 1995).

Interestingly, in some languages onomatopoetically-formed verbs are grouped into a separate class [Воронин, 1990]. A closer look at the verbs shows that some of them, like Russian плюхать or бахать have onomatopes плюх and бах. However, in English, according to corpus studies, onomatopoetic verbs develop more meanings when they become phrasal verbs. Based on 2773 instances of phrasal verbs, the conclusion was made that only 4.4 % of onomatopoetic phrasal verbs were direct onomatopoeia, while all the rest are derivatives [Levin, Maricic, 2010]. As a result, it can be said that the vast majority of these phrasal verbs obtained new meanings when they became phrasal or due to associated onomatopoeia.

OBSERVING THE TRENDS IN THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF ONOMATOPE: POLYSEMY

Sound symbolism presents a valuable resource for innovating vocabulary, with onomatopoeia poised

for rapid development and the development of meanings. Recent instances showcase the emergence of new onomatopoeic expressions, such as *bu-weee* for vacuum cleaners and *pochin* for pressing a button. Specific situations are also assigned sound representations, like zu-zu-zu for the action of a vacuum cleaner sucking hair, and *kyun* for its release [Нуруллова, 2013]. Our study also unveiled that onomatopoeic words exhibit a dynamic nature, with the potential to acquire new meanings and connotations over time. In this section we will show that onomatopoeia is omnipresent in both languages (English and Russian) and can affect any part of speech, but still has some individual peculiarities in languages. We confine our illustrations to two cases: *zap* and *бац*, and *achoo* and *ачхи*.

The so-called **technophonations**, i.e. sounds that originate from technologies and machines seem to be the ‘youngest’ type of onomatopes. Here belong *zap* (English) and *бац* (Russian). Both sounds originate from a blow by a gun, which seems to be the prototypical frame structure for the two languages. However, it should be mentioned that *бац* is a shorter version of *ба-бац*, that have the same origin of a gunshot and this fact must be taken into account when we come across *бац* in a context where it is not connected to machines.

Table 1

PART OF SPEECH DISTRIBUTION OF ZAP AND БАЦ

	English <i>zap</i>	Русский <i>бац</i>
Noun	+	+
Adjective	+	+
Adverb	+	+
Verb	+	+
Phrasal verb	+	-
Interjection	+	+
Participle 1	+	
Participle 2	+	+

In bold below we marked the parts in dictionary definitions which reflect the links of onomatope with its figurative meanings. In both languages, these features include the sudden and powerful character of sound production.

Zap

1. to **attack** or **destroy** something in a **fast and powerful** way
- 1.1 to zap back – in fiction a verb that is used for time travelling (rare).

I can get out of here and *zap* you back into existence. (*It's a Wonderful Life (Without You)* by Chris Hibler, “Weird Science”, (IMDB), 1996).

2. a sudden **forceful** blow
3. used to express a sound made by or as if by a gun
4. used to indicate **a sudden or instantaneous** occurrence
5. to propel **suddenly or speedily**
6. to avoid watching (something, such as a television commercial) by changing channels especially with a remote control or by **fast-forwarding**
7. to move with **speed or force**¹

Бац (with the derivatives taken into account)

1. о коротком **сильном и резком** звуке
2. ударил, бацнул
предикатив *разг.*
3. **резкий и короткий** звук, возникающий при ударе или выстреле, как действие.
4. *перен.* Неожиданное, **внезапное** появление, проявление чего-л. как действие.
5. употребляется при обозначении **резкого и короткого** звука, возникающего при ударе, выстреле и т. п.
6. *звукоподр.* о коротком **сильном и резком** звуке.
7. *в знач. сказ.* ударил, бацнул (*разг.*)
8. предваряет сообщение о возникновении такой ситуации, к-рая в высшей степени **неожиданна**.
*Бывает любишь его, любишь... А он бац, и подстригся*²
9. **неожиданно**, необдуманно сказать что-л. неуместное, лишнее.³

Corpus examples of metaphorical meanings coincide in Russian⁴ and in English⁵:

- S.H.I.E.L.D. *zapped* your brain when you were in the memory enhancer. (*"Principia", Agents of S.H.I.E.L.D. by Brad Turner, 2018*);
- Едешь куда-нибудь, вроде бы все в порядке, и вдруг – бац! – незапланированная остановка... (*Ольга Зуева. Скажи, что я тебе нужна... // Даша. 2004*);

¹Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/zap> (дата обращения: 01.02.2025)

²Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 2006.

³Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского 2-е изд., Москва: Астрель: АСТ. 2005.

⁴Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.02.2025)

⁵Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 01.02.2025)

- I saw this nutty old and zap! She gave Cinderella the beautiful gown (*Frank Nissen, 2007, Cinderella 3: A Twist in Time, Disney*).

The most interesting meaning is revealed in the phrasal verb *to zap back*, which preserved two frame slots of the initial sound, namely, sudden, instantaneous action or a loud, unpredictable sound.

The prototypical source frames of both *zap* and *бах* can be defined as "something sudden, loud and / or unexpected / abrupt." Moreover, even if the meaning seems to be completely new and unpredictable, like *zap back* or *zap channels*, there is still an inherited slot of the source frame: unexpectedness and abruptness of the action. However, interestingly, *zap* can be motivated by prolonged sound *zzz* that describes movement or process. For example, *zzz* is used in comic books to express the sound of sniffing or horizontal interference in television. As it is seen, *zap back* and *zap the channels* are also connected to motion. As a result, *zap* develops one more feature in the manner slot, i.e. that of prolonged action. It is interesting that *z-z-z* can be «stretched» in time, meanwhile, there is no prolonged action, or movement, for *бах*.

The category of onomatopoes imitating **human sounds** is one of the most interesting. Typically, Russian verbs undergo the processes of affixation, while English easily switches from one part of speech to another due to conversion. Here, suppletion appears in both languages.

Table 2

PART OF SPEECH DISTRIBUTION
OF *ACHOO* AND *АПЧХИ*

	<i>English</i> <i>achoo</i>	<i>Русский</i> <i>апчхи</i>
Noun	sneezing, achoo	чих, чихун, апчхи
Adjective	sneezing	чихающий
Adverb	–	–
Verb	to sneeze	чихать, начихаться, расчихаться и т. д.
Phrasal verb	+ (sneeze at)	– (BUT! <i>colloquial</i> начхать)
Interjection	+ (achoo)	+ (апчхи)
Participle 1	+ (sneezing)	+ (чихнувший,
Participle 2	(sneezed out)	чихавший, чихающий и т. д.)

Achoo (with the derivatives taken into account, i. e. *to sneeze* and *a sneeze*):

- 1) used to represent the sound of a **sneeze**¹
- 2) to make a sudden violent **spasmodic audible** expiration of breath through the nose and mouth especially as a **reflex act**
- 3) an act or instance of **sneezing**²
- 4) (sneeze at) to make light of always used in negative statements to indicate something that is **not important** or deserves attention³

Чих (with the derivatives taken into account):

1. процесс действия по *знач. глгг.*: чихать
2. **звуки**, возникающие в процессе такого действия.
3. **чихание как действие**.
4. употр. при обозначении звука чихания.⁴
5. отнестись с **пренебрежением**, выказать полное безразличие к кому-чему-нибудь.⁵

Both languages, in their symbolic representations, emphasize the automatic, spontaneous nature of sneezing, which occurs without effort, resulting in a connotation of the insignificance of the action. An interesting parallel in the meanings of a phrasal verb *sneeze at* and Russian *начхать* is observed here, too. They literally mean the same thing, i.e. to consider something so unimportant that you ignore it.

Левка вовсе не был таким уж принципиальным, и на судьбу Аструга ему было *начхать* – уж Глебов-то знал Шулепу до донышка! – но, видно, тот парень как-то его задел, то ли развязностью, то ли еще чем-то (Юрий Трифонов. *Дом на набережной*. 1976)⁶

Air Jordan's offer, which would have paid him \$5.5 million a year, was nothing to *sneeze at*. (*Bleacher*

Report, 18-07-24. Jordan Brand to Part Ways ... by Kawhi Leonard)⁷

Thus, the study revealed the intrinsic flexibility and evolution of onomatopoeia, emphasizing its capacity to communicate vivid imagery, evoke specific emotions, and create distinctive lexical formations in language.

UPS AND DOWNS IN ONOMATOPOEIC WORDS FREQUENCY

When analyzing the evolution of onomatopoeia, it can be concluded that there are two main reasons why the original motivation behind the words might be lost: a) the term's sound name may have originated from a language that is now extinct; b) the sound name itself may have evolved over time or been substituted with a different term. Upon analysing onomatopoeias *zap*, *purr*, *splash*, *atchoo*, *crack*, *roar*, *hiss*, *pop*, combined with the list of 20 words from the EnglishClub⁸ source and 86 onomatopoes from [Семенова, 2024], and incorporating additional terms into the study, such as *ouch*, *snap*, *chirp*, *meow*, *whoosh*, *sizzle*, *fizz*, *yawn*, and *clack*, the conclusion was made that a significant proportion of onomatopoeic words are exhibiting a discernible trend towards increased prominence in contemporary discourse due to their semantic flexibility and word-formation potential. It became evident that only 3 out of the 35 most frequent onomatopoes demonstrate a noticeable decline in usage (*sizzle* is replaced by a more popular *hiss*, *beep* just lost its popularity). A more interesting trend emerges from characteristics of the word *pop*. According to etymonline.com, this word is not used as frequently as it used to (see Graph 1).

However, it is interesting that *pop* has one of the most extended networks of meanings. One plausible explanation of the decline in usage is that, despite the array of onomatopoeic connotations associated with the term *pop* (varying in the nature of the popping sound, as produced by a toy-gun, a popping

¹Britannica Dictionary. URL: <https://www.britannica.com/dictionary/achoo> (дата обращения: 01.02.2025).

²Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sneeze> (дата обращения: 01.02.2025).

³Merriam-Webster online dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/sneeze%20at> (дата обращения: 01.02.2025).

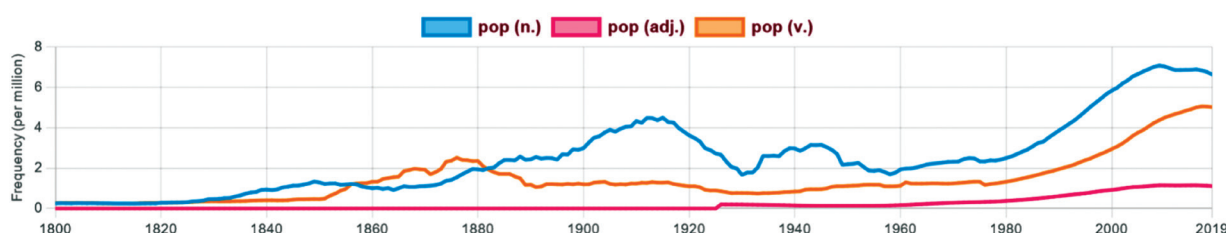
⁴Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского 2-е изд., Москва: Астрель: АСТ. 2005.

⁵Ожегов С. И., Н. Ю. Шведова. Толковый словарь русского языка. Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 2006.

⁶Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁷Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 01.02.2025).

⁸20 Common Onomatopoeic Words. URL: <https://www.englishclub.com/vocabulary/onomatopoeia-common.php> (дата обращения: 01.02.2025).

Graph 1. The frequency of the word "pop"

champaign cork, or the sound of popping ads on the screen), it is more commonly employed as a shorthand notation (homonymous to the word *popular*) or as a component of a longer phrase or compound expression. The specific sound itself oftentimes gets substituted by other synonymous onomatopoeic terms, such as *clack*, *click*, *wham*, among others. Subsequently, an impression may arise that the once widely recognized *pop* is diminishing in frequency; however, it is predominantly the primary meaning of *pop* that is now experiencing a decline in usage, while secondary interpretations persist and flourish in everyday conversational exchange and various forms of discourse, such as *hit a pop-fly in baseball* or *bulge outward* (COCA).

Many onomatopoeic expressions are experiencing a clear rise in popularity over the past two decades or maintaining a consistent level of usage. Consequently, a mere 1.4% of the onomatopoeic vocabulary under scrutiny appear susceptible to obsolescence or substitution in the foreseeable future based on the trends observed. Thus, the patterns of developing new meanings of onomatopoeic words seem to follow the following rules:

1. The meanings develop from the primary meaning that is usually fixed and physically determined – for example, a loud sudden sound. Moreover, usually in new meanings the slots of prototypical frame are preserved or implied semantically.
2. New meanings are developed to fit into the spheres that lack words to describe a phenomenon and can serve as a new term (like *jingle*) or euphemism (like *bang*), i.e. they fill in a certain semantic gap.
3. If the initial motivation is lost or washed out, new meanings are developed to be somehow semantically related to the current central meaning.

The general tendency of the language to develop polysemy based on human ability to spot similarities among objects and the sounds produced or linked to them does seem to work in onomatopoes. People think metaphorically and abstractly that allows to simplify the process of distribution of meanings. Two primary factors that constrain the evolution of new meanings are the cultural background of the speaker and the contextual setting. To encapsulate the aforementioned points, it can be posited that in English, onomatopoeic verbs are likely to constitute a substantial category, with the entire realm of onomatopoeic vocabulary experiencing swift advancement owing to oral communication. Conversely, the prediction of such linguistic developments in Russian presents more challenges. The ambiguity in forecasting arises

from the uniform nature of word formation across various parts of speech in Russian, where onomatopoeic words alter their meanings through affixation. Consequently, it appears probable that semantic shifts in Russian will occur at a more gradual pace, enabling a more straightforward tracing of the word-building progression compared to English.

ONOMATOPOEIA IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

Transitioning from formal discourse to a less formal one, such as comic books, blogs, texting and everyday speech, serves as a fertile ground for the evolution of new meanings for onomatopoeic words. For instance, onomatopoeia found significant use in comic books, in which, Kevin Smith introduced a character named Onomatopoeia, whose dialogue solely consisted of sounds represented by text found in comic books in 2008.

I have a new book, 'Batman: Cacophony.' Batman faces off against a character called Onomatopoeia. His shtick is that he doesn't speak; he just mimics the noises you can print in comic books (*Kevin Smith, Newsweek, Oct. 27, 2008*).

Picture 1. The character

Among all sources, the internet stands out as the predominant space for the generation of novel interpretations of onomatopoeia. In the era of meme culture, existing onomatopoeic words are given new connotations, develop derivatives and forge new onomatopoeic units. For instance, the term *пунь* or its variant *пуньк*, missing in the Russian National Corpus, originated on the internet, denoting a gentle and pleasing sound which results from a light touch or

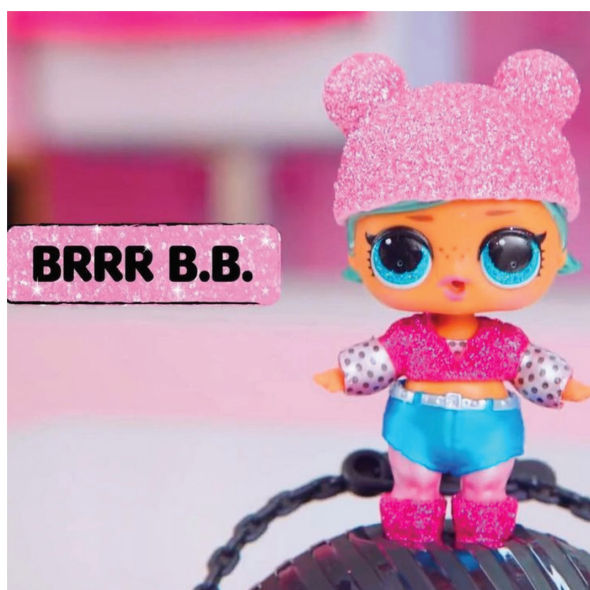
tap. Over time, this newly coined word has evolved to include related forms: *пунькать, перепунькать, пуньканье* (see picture 2).

**БЕСЯТ ПОСТОЯННО ПУНЬКАЮТ В НОСИК,
Я НЕ ПРОСИЛ МЕНЯ ПУНЬКАТЬ, НЕ
ОДОБРЯЛ ПУНЬКАНЬЕ. ВОТ ОНИ УСНУТ, Я
ИМ ТОЖЕ БУДУ ПУНЬКАТЬ БЕЗ
РАЗРЕШЕНИЯ. ВСЕХ ПЕРЕПУНЬКАЮ**

Picture 2. Morphological changes in onomatopoeic words

The cases of onomatopoeia in multimodal discourse are more often spotted among young people, such as millennials or zoomers as they actively engage with social media, and are actually both creators and consumers of memes, and also they use slang more often and modify it if necessary. The characters in comics, games and films can also use sounds as their catch phrases, and companies sometimes use onomatopoeia to name their characters.

Picture 3. The doll "Brrr B.B." (L.O.L. Surprise! Series 2) MGA Entertainment, 2017

As a result, there are numerous instances of onomatopoeic words in every language that have deviated from their initial origins, as is in case of the name of the doll *Brrr B.B.*

To sum up, some factors contributing to the increasing usage of onomatopoeic words are the following:

1. **Spread of comics and pop art.** Onomatopoeic words are an enormous part of comic books as they have to deliver the information rapidly, expressively and with no extra details (*boom, zok, thwip*)
2. **Growing popularity of compressed content.** Nowadays there is a visible switch to a shorter format. YouTube Shorts, TikTok and other platforms are designed to consume less time with the reader, so it is obvious that manufacturers, or content-makers are likely to use shorter expressions to describe emotions or deliver a message.
3. **Need to attract attention.**

Picture 4. New onomatopes

Growing popularity of mass media, emoji, slogans and «fast reactions» (see neologisms, *arf* – barking of a dog; *sheek!* – the noise made when a superheroine nails a villain; *skreee!* – the sound made by a car skidding around an obstacle; *ftoom!* – a huge explosion) contribute to the spread of onomatopes.¹ Associations provoked in our mind by onomatopoeic words made this way of naming a tidbit for advertisements and companies as well as for journalists. Onomatopoeia can also provoke curiosity, especially if the name of the sound is used for the first time or in an unusual context.

¹New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/1985/06/30/magazine/on-language-from-arf-to-zap.html> (дата обращения: 01.02.2025).

4. Stylistic primitivization

Unfortunately, the common desire to save time became one of the reasons for «stylistic degradation», which popularized onomatopoeia as one of the tools to deliver the same idea or message by saving up space. Compare:

John heard a loud, low sound of explosion above his head vs John heard a loud BOOM above his head.

Despite the enduring demand for classical literature, the accessibility and escapism that fiction and fanfiction provide to their readers are making them increasingly popular, especially among young people.¹

CONCLUSION

The study unveiled that onomatopoeic words exhibit a dynamic nature, with the potential to acquire new meanings and connotations over time. Languages

¹New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/10/09/books/colleen-hoover.html> (дата обращения: 01.02.2025).

showcase varying frequencies and types of onomatopoeia based on their word-building capabilities. Through a detailed examination of 114 onomatopes in English, it was observed that they often retain a connection to the original sound they imitate, being loyal to the prototypical frame that underlies the evolving meanings of these words.

The research underscores the intrinsic flexibility and evolution of onomatopoeia, emphasizing its capacity to communicate vivid imagery, evoke specific emotions, and create distinctive lexical formations in language. By tracing the trajectory of onomatopoeic words and exploring their polysemy, this study contributes some insights into the intricate interplay between sound, meaning, and expression in linguistic contexts.

Onomatopoeia continues to serve as a fertile ground for word creation, as individuals frequently reinterpret existing words and readily imbue those rooted in sound with additional connotations. The digital age facilitates the rapid sharing and dissemination of onomatopes created by individuals, accelerating their adoption.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алиева С. А. Ономатопы в разносистемных языках: структурно-семантическое описание // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 110. С. 126–132.
2. Кривошеева Е. И. Исследования проявления иконизма в звукоподражаниях (на материале японского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014.
3. Алькенова С. Н. Концептуальные домены звукоизобразительных слов английского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 7. С. 2113–2117.
4. Семенова М. О. Аллюзии и другие проявления интертекстуальности в локализации игр // Вестник московского лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 90–96.
5. Linking language to sensory experience: onomatopoeia in early language development / Y. Motamedi et al. // Developmental Science. 2021. Vol. 24. Issue 3. DOI: 10.1111/desc.13066.
6. Laili N., Putri F. Phonological Study of Onomatopoeia in Children's Song // Journal of English Language Teaching and Linguistics. 2021. Vol. 6 (1). P. 211–224.
7. Tiara E. An Analysis of Onomatopoeias in Garfield Comic // Vivid: Journal of Language and Literature. 2013. Vol. 2. No 2. DOI: <https://doi.org/10.25077/vj.2.2.%25p.2013>.
8. Сычев А. М., Потаенко Т. Д., Капитонова Н. С. Особенности звукоподражания (ономатопеи) на примере испанской и английской художественной литературы // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. 2021. Вып. 1. С. 32–37.
9. Levin M., Maricic I. Onomatopoeic phrasal verbs: a corpus study of their meanings and usage in American English. Lund University: Centre for Languages and Literature, 2010.
10. Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Орехов Б. В. И хрюкотали зельюки: предварительные замечания о глаголах звуков животных и их семантике // Глаголы звуков животных: типология метафор. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 9–37.
11. Fillmore C., Baker C. A frames approach to semantic analysis // The Oxford handbook of linguistic analysis / Ed. by B. Heine, H. Narrog. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 313–340.
12. Neumair P. A., Gehrecke F. M., Hartmann S., Ziem A. A frame-semantic approach to conceptual metaphors in the domain of emotion // Language and Cognition. Cambridge University Press, 2025. P. 1–18.
13. Гусева О. А., Попова Е. А. Обозначение смеха в интернет-общении (на материале английского и русского языков) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 6 (835). С. 33–46.
14. Воронин С. В. Английские ономатопы: фоносемантическая классификация. 2-е изд. СПб.: Геликон Плюс, 2004.
15. Нуруллова, А. А. Ономатопея в современном английском, русском и немецком языках: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.

REFERENCES

1. Alieva, S. A. (2009). Onomatopoes in multi-system languages: structural and semantic description. *Bulletin of the Russian State Pedagogical University, named after A. I. Hertsen*, 110, 126–132.
2. Krivosheeva, E. I. (2014). The study of iconicity in sound imitations (based on Japanese and Russian). PhD thesis in Philology. Kemerovo. (In Russ.)
3. Alkenova, S. N. (2021). Conceptual Domains of Onomatopoeic Words in the English language. *Phylological sciences. The issues of theory and practice*, 14-7, 2113–2117.
4. Semenova, M. O. (2024). Allusions and other manifestations of intertextuality in the localization of games. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 90–96. (In Russ.)
5. Motamedi, Y., et al. (2021). Linking language to sensory experience: onomatopoeia in early language development. *Developmental Science*, 24(3). 10.1111/desc.13066.
6. Laili, N., Putri, F. (2021). Phonological Study of Onomatopoeia in Children's Song. *Journal of English Language Teaching and Linguistics*, 6(1), 211–224.
7. Tiara, E. (2013). An Analysis of Onomatopoeias In Garfield Comic. *Vivid: Journal of Language and Literature*, 2(2). <https://doi.org/10.25077/vj.2.2.%25p.2013>.
8. Sychev, A. M., Potaenko, T. D., Kapitonova, N. S. (2021). Features of onomatopoeia (onomatopoeia) on the example of Spanish and English fiction. *International Journal of Advanced Studies in Language and Communication*, 1, 32–37. (In Russ.)
9. Levin, M., Maricic, I. (2010). Onomatopoeic phrasal verbs: a corpus study of their meanings and usage in American English. Lund University: Centre for Languages and Literature.
10. Rakhilina, E. V., Reznikova, T. I., Orekhov, B. (2015). And oinked the zeluks: preliminary remarks on the verbs of animal sounds and their semantics. *Verbs of animal sounds: typology of metaphorical extensions* (pp. 9–37). Moscow: Languages of Slavic Cultures.
11. Fillmore, C., Baker, C. (2009). A frames approach to semantic analysis. In Heine, B., Narrog, H. (Eds.), *The Oxford handbook of linguistic analysis* (pp. 313–340). Oxford: Oxford University Press.
12. Neumair, P. A., Gehrecke, F. M., Hartmann, S., Ziem, A. (2025). A frame-semantic approach to conceptual metaphors in the domain of emotion. *Language and Cognition* (pp. 1–18). Cambridge University Press.
13. Gouseva, O. A., Popova, E. A. (2020). Laughter in Russian and English internet-communication. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(835), 33–46. (In Russ.)
14. Voronin, S. V. (2004). English onomatopoes: phonosemantic classification. 2nd edition. St. Petersburg: Gelikon Plus. (In Russ.)
15. Nurullova, A. A. (2013). Onomatopoeia in modern English, Russian and German: PhD thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Голубкова Екатерина Евгеньевна

доктор филологических наук, профессор
 профессор кафедры лексикологии английского языка
 факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета
 профессор кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации
 факультета международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве РФ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Golubkova Ekaterina Evgenievna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
 Professor at the Department of English lexicology of the Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University
 Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication
 Faculty of International Economic Relationship, Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Conceptual Metaphor in Chinese Idioms: Lexicographic Data

Elizaveta A. Krasikova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
 krasikova.liza@mail.ru

Abstract. The article discusses the metaphorical concepts that underlie the formation of phraseological units of the Chinese language, and determines their activity proceeding from information provided by lexicographic sources. The point of departure is the consideration of the scope of phraseology in the Chinese language which comprises various groups of stable word combinations. So, one of the objectives of the study is to clarify the classification of the phraseological units in Chinese, as well as look at the principles of the selection of stable phrases in the Chinese linguistic tradition. The research proves that Chinese linguists strive to combine the structural and semantic criteria of phraseological classification. An attempt is made to analyze the models of metaphorization and the most frequent metaphorical concepts forming phraseological images in the Chinese language.

Keywords: metaphor, metaphoric concepts, conceptual metaphor, lexicography, Chinese language, phraseology

For citation: Krasikova, E.A. (2025). Conceptual metaphor in Chinese idioms: lexicographic data. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 42–48. (In Eng.)

Научная статья
 УДК 81'373.612.2(510)

Концептуальная метафора в китайских идиомах: лексикографические данные

Е. А. Красикова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
 krasikova.liza@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются метафорические концепты, лежащие в основе образования фразеологических единиц китайского языка. Определяется их активность, исходя из информации, предоставленной лексикографическими источниками. Отправной точкой исследования стало рассмотрение сферы применения фразеологии в китайском языке, которая включает в себя различные группы устойчивых словосочетаний. Целью исследования является уточнение классификации сверхсловных единиц в китайском языке, а также рассмотрение принципов отбора устойчивых словосочетаний в китайской лингвистической традиции. Исследование показывает, что китайские лингвисты стремятся сочетать структурные и семантические критерии классификации фразеологизмов. Предпринята попытка проанализировать модели метафоризации и наиболее частотные метафорические концепты, формирующие фразеологические образы в китайском языке.

Ключевые слова: метафора, метафорический концепт, концептуальная метафора, лексикография, китайский язык, фразеология

Для цитирования: Красикова Е. А. Концептуальная метафора в китайских идиомах: лексикографические данные // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 42–48.

INTRODUCTION

This article is devoted to the consideration of metaphoric concepts that underlie the formation of phraseological units of the Chinese language, with special reference to their classification and the degree of their activity in the language system. First, it seems necessary to conduct a theoretical review of the scientific literature on the issue under study and clarify the conceptual and terminological apparatus, which includes such concepts as “metaphoric concept”, as well as various approaches to identifying different types of phraseological units. Following E.G. Belyaevskaya, who develops the classical approach to understanding metaphor proposed by V.N. Telia, by the metaphoric concept we mean “models of semantic transfer that function in the language system, providing the necessary conceptual basis for forming the language units and generally underlying the process of speech production” [Беляевская, 2020, p. 173]. Thus, it is metaphoric concepts that are often the cognitive basis for the formation of paroemias and other phraseological units, including idioms. As V.N. Telia pointed out, “the phraseological set up of a language is a mirror in which a linguistic and cultural community can see its national identity” [Телия, 1996, p. 9]. Therefore, one of the important aspects of phraseological research is the study of the conceptual foundations of phraseological signs or, in the terminology of I.V. Zyкова, “macrometaphoric conceptual models” [Зыкова, 2014, p. 6], on the basis of which this or that phraseological image is formed.

PROBLEM STATEMENT

Consideration of the material of the Chinese language phraseology requires, as a first step, the clarification of what is meant by phraseology in Russian linguistics and in the Chinese linguistic tradition. The approaches in these cases are different as the languages in question are structurally different and they require special attention to provide common ground.

As V. N. Telia, one of the leading scholars in Russian phraseology, notes, the emergence of phraseology as a science is associated with the publication of the famous book by S. Bally “French Stylistics” (1909), where the features of stable combinations of words were formulated for the first time. In Russian linguistics, one of the most significant works devoted to the identification and classification of phraseological units belongs to Academician V.V. Vinogradov [Виноградов, 1977]. Based on the ideas of the existence of “indivisibility of a word-combination” by A.A. Shakhmatov, academician V.V. Vinogradov singled out three main types of stable phrases. First, there are

unmotivated and semantically indivisible, non-derivative phraseological units, the main feature of which is absolutely opaque semantics where it is impossible to deduce the meaning of the whole proceeding from the meaning of the component word. Such units were termed - phraseological fusions (*кузькина мать*). Second, these are phraseological units characterized by the potential divisibility of their semantics which is partially motivated by the meanings of the component words. Such phrases are termed phraseological unities (*из огня да в полымя, нет худа без добра, переливать из пустого в порожнее, валить с больной головы на здоровую*). Finally, there are phraseological collocations in which the meanings of component words retain their original meanings, but, however, they are not free in forming new word-combinations and are “bound” to certain particular contexts. For example: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство*, etc. (but is impossible to say *щекотливая мысль, щекотливое намерение*, etc.) [Виноградов, 1977].

Describing the scope of phraseology and types of phraseological units in analytical and synthetic languages, V. N. Telia identifies six classes of phraseological units: 1) idioms 2) phraseological combinations 3) paroemias (proverbs and sayings), 4) stamps 5) clichés 6) catch phrases [Телия, 1996, p. 58].

In Chinese linguistics, other approaches to the description of phraseology and the typology of stable word-combinations are being implemented.

The process of formalizing phraseology as a science began in China after the 50s of the XX century. In modern Chinese, phraseology is denoted by the term 熟语学 *shuyuxue*. As 孙维张 Sun Weizhang notes in the work “Phraseology of the Chinese Language” 汉语熟语学 [孙维张, 1989], the term 熟语 “phraseology, idiomatic expression” came to Chinese from Russian or English [周荐, 2007, p. 255]. The beginning of the development of phraseology as an independent branch of science in the Chinese linguistic tradition dates back to 1956, when the 语言学概论讲义 “Course of Lectures on Introduction to Linguistics” was published, where 俞敏 Yu Ming and 黄智显 Huang Zhixian were among the first to introduce the term *shuyu*, which is understood as “stable phrases unique to certain languages”.

At the beginning of the 21st century it can be stated that Chinese stable word-combinations have so far escaped close attention of linguists in China and elsewhere, especially when the application of new methodology came to the fore. The main approaches here are description and classification (which we are going to consider further on). So at present, in our opinion, the topical issue to be considered is working out grounds for a theoretical and practical approach

to research in Chinese phraseology, and, moreover, grounds that would make the results obtained comparable to what is already known through the study of phraseology in European languages.

RESEARCH QUESTIONS

The main questions of the study include:

1. Description of the basic principles of identifying stable word-combinations and their classification in the Chinese linguistic tradition.
2. Analysis and comparison of the conceptual components underlying the semantics of idioms of the Chinese language, which, in particular, determine their use in film discourse.
3. Comparison of the metaphorical concepts underlying the semantics of Chinese idioms, implemented in discourse and recorded in lexicographic sources to (possibly) indicate significant coincidences in the foundations of systemic and discursive metaphors.

PURPOSE OF THE STUDY

The objectives of our research included the study of the main directions of metaphorization characteristic of Chinese phraseological units. To this end, we have fixed the metaphorical concepts that ensure the formation of phraseological images in the material under study. Taking into account the need to distinguish between the systemic and discursive activity of metaphorical concepts underlying the semantics of Chinese phraseological units, at the first stage of the study we analyzed Chinese *guanyongyu*, based on the material of the lexicographic source “101 惯用语”, which included the most frequent, according to Chinese lexicographers, three-syllabic phrases. The material of our study included 100 *guanyongyu*, one idiom was excluded from consideration because it is based on homonymy.

RESEARCH METHODS AND THE THEORETICAL FRAMEWORK

The point of departure in the study carried out was explaining the choice of Chinese *guanyongyu* as research material. For this purpose we considered the existing point of view on the typology of Chinese phraseological units.

Starting with 1956, during the second half of the 20th century, Chinese linguists conducted a number of studies aimed at finding principles for distinguishing different types of stable linguistic units in the Chinese language. Here one can cite such works as 马国凡 Ma Guofan “Yanyu and xiehouyu” 谚语与歇后

语, 1961, Liu Guanghe 刘广和 “Shuyu qianshuo” 熟语浅说, 1989, Sun Weizhang 孙维张 “Chinese phraseology” 汉语熟语学, 1989, 周荐 Zhou Jian “Issues in the study of the classification of shuyu” 熟语分类问题研究, 1997. After the term *shuyu* was borrowed into Chinese, there were great differences in its understanding and application. For example, 邢福义 Xing Fuyi insists that in modern Chinese phraseology the following main types of phraseological units may be distinguished: 谚语 *yanyu*, 歇后语 *xiehouyu*, 成语 *chengyu*, 惯用语 *guanyongyu* [邢福义, 2016, p. 228]. Let us take a closer look at the peculiarities of this typology.

Within the framework of this classification, the first group includes 谚语 *yanyu* – superlative formations that have a sentence structure and are similar (or, at least, very close) in their characteristics to proverbs and sayings in the Russian language. For example: 爱徒如子, 尊师如父 – *to love the student as a son, to respect the teacher as a father* [谚语俗语惯用语 1800 条, 2022, p. 2].

The second group includes 歇后语 *xiehouyu* or omissions, which have a special structure specific to Chinese culture alone: this is a saying or allegory based on comparison and interpretation, consisting of two parts, namely, an allegory and its disclosure, while disclosure is usually omitted. In other words, *xiehouyu* has a double structure: full and truncated. An example of *xiehouyu* is 鸡蛋碰石头 – (不量力). *To break a stone with an egg – (to overestimate your strength)*.

The next type of stable phrases is 成语 *chengyu* (literally “ready-made expressions”) which are semantically indivisible phraseological units, most often having a four-syllable structure, formed according to the norms of the ancient Chinese language and functionally being a member of the sentence. Let's give an example: 程门立雪 – *to stand in the snow at the door of (scientist) Chen* (fig. *respectfully expect instructions; pay due respect to the teacher, respect the teachers*) [成语大词典, 2022 p. 190].

The final type of stable phrases 惯用语 *guanyongyu* are well-established, habitually used units of a three-part structure that are closest to figurative expressions that relate to the phraseology (or idiomatics) of other languages. For example: 挨板子 – *to receive censure, to be criticized, to get nuts* (literally *to get whips*), [谚语俗语惯用语 18 1800 条, 2022, p. 1].

The classification of stable phrases and set phrases discussed above is far from the only one in the Chinese linguistics. There are still numerous diverse points of view on the scope and boundaries of the phraseological fund of the Chinese language. It is noteworthy that Chinese scholars have proposed

various principles for classifying stable multi word linguistic units, thus demonstrating different understanding of Chinese phraseology.

One of the most comprehensive and authoritative classifications belongs to 孙维张 Sun Weizhang, who distinguished four ways of determining the boundaries and the scope of the phraseological set up of the Chinese language. Let's look at this classification in more detail. Based on the data of the above given scheme, it can be concluded that the author suggests several possible classifications of the phraseological stock of the Chinese language.

The first option (or in the first classification) called 熟语 *shuyu* the author proposes to combine units like 成语 *chengyu* (ready expressions), 习惯语 *xiguanyu* (the usual expressions), 谚语 *yanyu* (people's expressions, proverbs and sayings), 格言 *geyan* (aphorisms), and 歇后语 *xiehouyu* (shortened figurative phrases).

Developing the second typological option, the author considers the *chengyu* (ready-made expressions) separately from the *shuyu*. In the second classification 熟语 *shuyu* include 惯用语 *guanyongyu* (habitual common idioms), 谚语 *yanyu* (proverbs), 格言 *geyan* (aphorisms), 歇后语 *xiehouyu* (shortened figurative phrases).

In the third option of classifying stable word-combinations the general name for the units in question is 惯用语 *guanyongyu*, and these set phrases are divided into the following types: 成语 *chengyu*, 熟语 *shuyu*, 谚语 *yanyu*, 格言 *geyan*, 歇后语 *xiehouyu*. In the fourth option 成语 *chengyu*, 惯用语 *guanyongyu*, 熟语 *shuyu*, 谚语 *yanyu*, 格言 *geyan* and 歇后语 *xiehouyu*. We are going to consider them separately further on.

But before we do that, we would like to point out that in the classification model considered the author identifies a total of six (6) types of stable word-combinations and, grouping them in different ways, distributes them into four possible classification options. As a result, these groups overlap with each other and the hierarchy of different types in each classification option is different. So, for the author, it is important not so much to identify different types of stable verbal complexes in the Chinese language, as to clarify how they relate to each other.

As follows from the above description, the boundaries of terms nominating set phrases in the Chinese language are very blurred, and in some cases their differentiation presents a number of difficulties for researchers. For example, the boundaries between the terms 成语 *chengyu* and 惯用语 *guanyongyu* remain obscure.

The difficulties of classifying set phrases in the Chinese language, in our opinion, are largely due to

the fact that Chinese authors are trying to simultaneously take into account three bases or parameters of their classification: the semantics of the multi word unit, the scope of its use, as well as the structural features of these formations, which reflect the lexical and grammatical specifics of the Chinese language, and which are difficult to find parallels to in European languages. As a result, the above-mentioned multiple bases for the classification of stable verbal complexes begin to overlap, and therefore, for our study, we found it possible to single out only one group of units as material, namely 惯用语 *guanyongyu*, which are most closely related to the phraseological units of the English and Russian languages, more precisely, phraseological fusions and phraseological unities in the classification of V.V. Vinogradov. Let's focus in more detail on the distinctive features of this class of phraseological units differentiating them from other groups of set phrases that were singled out by Chinese researchers.

For the first time in 1956 the term 惯用语 *guanyongyu* was introduced by 俞敏 Yu Min and 黄智显 Huang Zhixian proposing to deal with 熟语 *shuyu* (idioms), 成语 *chengyu* (ready-made expressions), 歇后语 *xiehouyu* (shortened figurative expressions) and other units as separate subclasses of 惯用语 *guanyongyu* (habitual common idioms).

In "Yanyu, xiehouyu, guanyongyu" (谚语·歇后语·惯用语, 1961) 马国凡 Ma Guofan defines 惯用语 *guanyongyu* as "stereotyped phrases with integrated value", which include idioms like: 露马脚 (lit. *to stick out the horse's hooves*; fig. *to swim out*; *to give himself away with his head*; *the secret became clear*), 吃不消 (lit. *not to digest, not to assimilate*; fig. *not to endure, unbearable*). The above examples confirm that the semantics of these stable language units is based on metaphorical transfer. However, not all authors agree here. For example, the famous Chinese linguist 王德春 Wang Dechun, in the book "Studies in Lexicology" (词汇学研究, 1983), notes that "惯用语 is a kind of familiar stable phrases in the language." These shall include such commonly used phrases of everyday communication, as 招呼用语 *speech greeting formula* and 口头用语 *colloquial expressions*: 你好 *Hello*, 再见 *goodbye*, 对不起 *I'm sorry*, 碰钉子 (lit. *to run into the nail*; fig. *mainly to failure, to whistle, to fail, to run into trouble*), etc. (et al).

A significant contribution to the clarification of the term *guanyongyu* was made by 张宗华 Zhang Zonghua [张宗华, 1985], who rejects the arguments of 马国凡 Ma Guofan [马国凡, 1961] and other authors about the structural and semantic features of *guanyongyu*. In his opinion, the structure of *guanyongyu* should consist of at least two words, and at least one of them should be 双音词 *a two-syllable* (binomial).

Thus, more than three hieroglyphic characters are needed to form the *guanyongyu* structure.

The above presented ideas are developed by 周荐 Zhou Jian, who notes that there are different opinions on how, i.e. on the basis of which criteria one should distinguish between *chengyu* and *guanyongyu*. First, outlining the boundaries of idiomatic and non-idiomatic word-combinations the author relies on the relationship between expressions consisting of four hieroglyphic signs and expressions consisting of three hieroglyphic signs. Second, the researcher focuses on the fact that phraseological units can be classified depending on the presence or absence of a covert or figurative meaning. The author refers 惹火烧身 (lit. *to get burned by lighting a fire*; fig. *to bring trouble on one's own head*) and 背黑锅 (lit. *to carry a black cauldron on one's back*; fig. *to take the blame for someone else's guilt, to be responsible for someone else's misdeeds*) to the units with figurative meaning (ready-made expressions). At the same time 周荐 Zhou Jian refers 望闻问切 *medical examination, including listening, questioning and palpation of the pulse, the four main methods of examination of the patient* to units that have only direct meaning [周荐1997, pp. 26–31].

Thus, summarizing all of the above said, the following distinctive characteristics of such a class of stable language units as *guanyongyu* can be noted making them units which most closely correspond to what is referred to as phraseology (idiomatics) in the Russian linguistic tradition where the following translation options have been established for their Chinese counterparts: “folk sayings”, “familiar expressions”, “everyday idioms”. First, *guanyongyu* in the vast majority of cases have a clear three-morphemic structure (however, there may be exceptions), the main components of which are a two-syllable (binomial) and a monosyllable. Second, the semantic organization of *guanyongyu* is characterized by imagery and at the same time is not characterized by such a high degree of stability as that of *chengyu*.

It should also be noted that determining the semantic scope and the semantic peculiarities of these multi word units seems openended today, and therefore, the discussion of the nature and scope of the phraseological set up of the Chinese language is a topical area of modern linguistic research.

Having chosen Chinese *guanyongyu* as research material we set out to discuss the metaphoric models underlying their semantics. In our work we proceed from the method of linguistic and cultural reconstruction of conceptual models of phraseological units formation, developed by I. V. Zykova, see for more details [Зыкова, 2015].

FINDINGS

Having analysed the material of the lexicographic source “101 惯用语”, which included the most frequent, according to Chinese lexicographers, three-syllabic phrases, we could state that in the course of the study, it was found that the most frequent *guanyongyu* included in this dictionary are used both to characterize a person (30 units) and to describe a situation (46 units). The third group of idioms was also identified which included units referring both to a person and a situation (23 units). It should be noted that the vast majority of the analyzed *guanyongyu* are culturally specific and historically conditioned. For example, 东道主 (lit. *the owner of roads in the eastern direction*; fig. *the owner who receives; the host country, the organizing state, the organizer*) takes its origins from the famous peice of historical prose of Ancient China, which is a detailed commentary on the short chronicle 春秋 *chunqiu* about the events of the Spring and Autumn period – 春秋左傳 *chunqiu zuohuan*, which was described by the historian of this period Zuo Qiuming [101惯用语, 2017, p. 59]. The material studied also contains units (however, they are few) based on modern images; for example, the phrase 挤牙膏 (lit. *to squeeze out toothpaste*; fig. *to squeeze out information, to do something reluctantly, through force, a teaspoon per hour*) may be mentioned in this connection.

At the next stage of the analysis, 15 metaphorical concepts characteristic of Chinese phraseology were identified and analyzed, which form the cognitive basis of the imagery of most frequent Chinese stable phrases. According to the data obtained we have determines 15 active conceptual metaphors (“Zoometaphor”, “Somaticisms”, “Nature”, “Gastronomy”, “Spatial Relations”, “Money”, “Doors”, “Theatrical Art”, “War”, “Clothing and Accessories”, “Medicine”, “Religion”, “Sport”, “Traffic”, “Cold”), the most 5 productive conceptual metaphors in Chinese phraseology turned out to be:

1. “Zoometaphor” (19 units): 旱鸭子 (lit. *a dry duck*; fig. *a landlubber*), 驴脾气 (lit. *the temper of a donkey*; fig. *stubbornness*).
2. “Somaticisms” (18 units): 胆小鬼 (lit. *a ghost with a small gallbladder*, fig. *coward*), 一根筋 (lit. *having one tendon only*; fig. *, not flexible*), 有眉目 (lit. *have eyebrows and eyes*; fig. *be in a hopeful situation*).
3. “Nature” (15 units): 飘飘然 (lit. *feel like floating*; fig. *puffed up*), 桃花运 (lit. *peach-blossom luck*; fig. *good luck in romance*).
4. “Gastronomy” (14 units): 醋坛子 (lit. *a jug with vinegar*; fig. *jealous*), 黄粱梦 (lit. *the golden millet dream*; fig. *day-dream of success*).

5. "Spatial Relations" (10 units): 占上风 (lit. *occupy the upper wind*; fig. *take an advantageous position*), 钻空子 (lit. *squeeze in the gap*; fig. *take advantage of the loopholes*).

It should be noted that the most active cognitive bases of figurative multi word units in the Chinese language represent the spheres closest to everyday empirical experience of representatives of Chinese culture. Based on the above examples, it can be concluded that "Zoomethora", concepts related to "Somaticisms", as well as natural metaphoric concepts play the greatest role in the formation of the most frequent phraseology in the Chinese language system. The metaphoric concepts of average activity are more concrete; however, they are in many ways close to the generalized metaphoric models of the set phrases of the first group. Thus, the metaphorical concept of "Door" is close to spatial concepts and, above all, to the metaphorical concept of "Container", since it brings to the fore the idea of a boundary and the desire to enter or leave some enclosed space. The metaphoric concept of "Cold" can be considered to belong to the 'natural' metaphoric concepts. In addition, it should be noted that this metaphoric concept correlates with such metaphoric concepts as "Fire" – "Water" and "Light" – "Darkness", often acting as one of their conceptual components underlying phraseological meaning. The 'game' metaphorical concepts of "War", "Sport", and "Theatre" are used to represent a person's daily work and social activities. Of particular interest is the metaphorical concept of "Money", since it is closely related to the metaphor of "Quantity", which is not presented separately in our lexicographic material, but is often combined with other metaphoric concepts that form phraseological images, very

often to denote an object of small size (or to denote small amount).

It is well known that the 'system' makes use of imagery most suitable to ensure effective communication, but different types of discourse may be characterized by the selective approach to metaphors chosen to be realised in concrete cases.

CONCLUSION

To sum up, the analysis conducted on the material of lexicographic sources allowed us to identify the specifics of those metaphorical concepts characteristic of the Chinese language that underlie the formation of phraseological images in the language system. Thus, the metaphoric concepts "Zoometaphor", "Somaticisms", "Nature", "Gastronomy", "Spatial Relations" show the most active productivity, the metaphoric concepts "Money", "Doors", "Theatrical Art", "War", "Clothing and Accessories", "Medicine", "Religion" show the average productivity, the metaphoric concepts "Sport", "Traffic", "Cold" show low productivity in Chinese linguoculture.

The data obtained allowed us to formulate a hypothesis that the activity of metaphorical concepts, on the basis of which imagery is formed in Chinese lexicographic data, may be related to the specific cultural and historical conditions.

In order to further expand the understanding of the culturally conditioned features of realizing the potential of metaphorical conceptual models of the Chinese language, it is necessary to continue a comprehensive study based on other varieties of Chinese discourse including polymodal discourse.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Беляевская Е. Г. Метафоризация как механизм конструирования образов в языке и тексте // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия. Москва: Гнозис, 2020. С. 170–180.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
3. Сунь Вэйчжан. Ханьюй шуйсюэ. [孙维张. 汉语熟语学. 吉林: 教育出版社]. Фразеология китайского языка. Чанчунь: Цзяоюй чубаньшэ, 1989. (на кит. яз.)
4. Зыкова И. В. Роль концептосферы культуры в формировании фразеологизмов как культурно-языковых знаков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2014.
5. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977.
6. Син Фуи. Ханьюй юйфасюэ [邢福义. 汉语语法学]. Китайская грамматика. Пекин: Шанью иньшугуань, 2016. (на кит. яз.)
7. Суйюэ Вэньхуа. Яньюй суйюэ гуаньюньюй 1800 тiao [随园文化. 谚语俗语惯用语 1800 条]. 北京: 北京工艺美术出版社. 1800 поговорок, пословиц и устойчивых выражений. Пекин: Бэйцзин гуаньимэйшу чубаньшэ, 2022. 212 с. (на кит. яз.)
8. Чэньюй да цидянь. [成语大词典: 彩色本/《成语大词典》编委会编 一2版. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2022.10重印]. Большой словарь чэньюев. Пекин: 2022. (на кит. яз.)
9. Чжан Цзунхуа. Гуаньюй сугуаньюньюй цидянь дэ шоуци вэньти. [张宗华. 关于惯用语词典的收词问题. 辞书研究]. К вопросу о принципах отбора и включения в словарь гуаньюньюев // Цишу яньцзю. 1985. № 5. С. 70–71. (на кит. яз.)

10. Ма Гофань. Яньюй сехоууй гуаньюньюй [马国凡. 谚语·歇后语·惯用语. 辽宁:人民出版社]. Пословицы, недоворки, привычные выражения. Шэньян: Жэньминь чубаньшэ, 1961. (на кит. яз.)
11. Чжоу Цзянь. Лунь саньцзыюй хэ сыцзыюй. [周荐. 论三字语和四字语:语文研究]. Об устойчивых языковых сочетаниях, состоящих из трех и четырех иероглифических знаков // Юйвэнь яньцзю. 1997. № 4. С. 26–31. (на кит. яз.)
12. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015.
13. Чжан Цзиньюй. 101 Гуаньюньюй [张锦玉. 惯用语101. 北京: 华语教学出版社]. 101 Привычное выражение. Пекин: Хуаюй цзяосюэ чубаньшэ, 2017. (на кит. яз.)

REFERENCES

1. Belyaevskaya, E. G. (2020). Metaphorization as a mechanism for constructing images in language and text. *Language. Culture. Art* (pp. 170–180). A collection of scientific works dedicated to the memorable anniversary of Veroniki Nikolaevny Teliya. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Teliya, V. N. (1996). *Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty = Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects: monograph*. Moscow: Shkola "Language of Russian culture". (In Russ.)
3. Sun Weizhang (1989). *Phraseology of the Chinese language* [孙维张. 汉语熟语学. 吉林:教育出版社]. *Phraseology of the Chinese language, Jilin: jiaoyu chubanshe*. (In Chin.)
4. Zyкова, I. V. (2014). *Roľ konceptosfery kul'tury v formirovanii frazeologizmov kak kul'turno-jazykovyh znakov = The role of the 'conceptosphere of culture in the formation of phraseological units as cultural and linguistic signs: Senior Doctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)
5. Vinogradov, V. V. (1977). *Izbrannye trudy. Leksikologija i leksikografija = Selected works. Lexicology and lexicography*. Moscow. (In Russ.)
6. Xing Fuyi 邢福义. *Chinese Grammar* [邢福义. 汉语语法学]. Beijing, shangshuguan. (In Chin.)
7. Suiyue Wenhua (2022). 1800 proverbs, sayings and idioms [随阅文化. 谚语俗语惯用语 1800 条. 北京: 北京工艺美术出版社]. Beijing: Beijing gongyi meishu chubanshe. (in Chin.)
8. Cheng yu da cidian (2022). [成语大词典: 彩色本/《成语大词典》编委会编 一2版. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2013.1 (2022.10重印)]. *Big Dictionary of Chinese Idioms*. (In Chin.)
9. Zhang Zonghua (1985). On the question of the principles of selection and inclusion in the dictionary of guanyunyu. [张宗华. 关于惯用语词典的收词问题. 辞书研究]. *Cishu yanjiu*, 70–71. (In Chin.)
10. Ma Gofan (1961). *Proverbs, omissions, familiar expressions*. [马国凡. 谚语·歇后语·惯用语. 辽宁:人民出版社]. Liaoning: renmin chubanshe. (In Chin.)
11. Zhou Jian (1997). About stable language combinations consisting of three and four hieroglyphic signs. [周荐. 论三字语和四字语:语文研究]. *Yuwen yanjiu*, 26–31. (In Chin.)
12. Zyкова, I. V. (2015). *Konceptosfera kul'tury i frazeologija: Teorija i metody lingvokul'turologicheskogo izucheni-ja = Conceptosphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguoculturological study*. Moscow. (In Russ.)
13. Zhang Jinyu (2017). *101 Modern Chinese Phrases* [张锦玉. 惯用语101. 北京: 华语教学出版社]. Beijing: huayu jiaoxue chubanshe. (In Chin.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Красикова Елизавета Александровна

кандидат филологических наук, доцент кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krasikova Elizaveta Aleksandrovna

PhD (Philology), Associate Professor at the Department of Rare Languages Teaching Methodology
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.03.2025
14.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Региональные акценты в сценической речи (на материале современного британского кинематографа)

К. С. Куликова

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
xenia_kulikova@inbox.ru*

Аннотация. Цель исследования – анализ региональных вариантов в речи британских актеров, отражающих культурные и социальные характеристики персонажей с точки зрения фонетической корректности и достижения высокой степени правдоподобия. В работе рассматриваются методы, применяемые актерами для освоения необходимого или желаемого акцента и его интеграции в роль. В качестве материала исследования используются образцы сценической речи известных британских актеров в рамках таких типов аудиовизуального нарратива, как полнометражный и многосерийный художественный фильм. Новизна исследования заключается в том, что прежде фонетического анализа образцов сценической речи с точки зрения правильности ее артикуляционных характеристик, присущих тому или иному региональному варианту, не проводилось.

Ключевые слова: региональные акценты, сценическая речь, британский кинематограф, актерское мастерство, артикуляция, фонетические характеристики, просодические характеристики

Для цитирования: Куликова К. С. Региональные акценты в сценической речи (на материале современного британского кинематографа) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 49–54.

Original article

Regional Accents in Stage Speech (based on contemporary British cinema)

Xenia S. Kulikova

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
xenia_kulikova@inbox.ru*

Abstract. The study aims to analyze regional accents in the speech of British actors, used to convey the cultural and social characteristics of their characters in terms of phonetic accuracy aimed to achieve a high degree of plausibility. The study assesses the overall efficiency of the methods used by actors to master the necessary or desired accent and integrate it into the role. The research material includes samples of stage speech of famous British actors within the framework of such types of audiovisual narrative as a feature film and a series. The novelty lies in the fact that scientific literature offers no previous phonetic analysis of stage speech samples from the point of view of articulatory precision regarding a particular regional variant.

Keywords: regional accents, stage speech, British cinema, acting, articulation, phonetic characteristics, prosodic characteristics

For citation: Kulikova, X. S. (2025). Regional Accents in Stage Speech (based on contemporary British cinema). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 49–54. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с культурными особенностями и спецификой рынка киноиндустрии, создатели американских блокбастеров всегда тяготели к экшену, фантастике и комедийным жанрам, тогда как британские режиссеры часто фокусируются на драмах, биографиях и социальных проблемах и предлагают зрителю более сложные и многослойные истории. Итак, пока Голливуд стремится к массовому успеху и глобальной популярности, британское кино выбирает путь художественного эксперимента и авторского высказывания.

Одной из наиболее ярких характеристик «островного» кинематографа является любовь британских актеров к использованию различных вариантов английского языка для придания своим персонажам аутентичности и глубины с целью воздействия на зрительскую аудиторию. Иными словами, правильное владение выбранным акцентом позволяет исполнителю глубже проникнуть в характер своего персонажа и передать нюансы социального положения и культурного фона, что особенно важно для британских кинозрителей, и успех во многом зависит от проявленного актером фонетического мастерства [Sharpe, Rowles, 2021; Meier, 2022].

Используемые британскими актерами авторские «стратегии» с точки зрения произношения могут быть различны. Так, Шон Бин, являющийся почетным выпускником Королевской академии драматического искусства (Royal Academy of Dramatic Art, RADA) и лауреатом множества престижных кинопремий, во многих кинопроектах в своей речи использует британскую орфоэпическую норму (BBC English) с сохранением характерной черты вокализма йоркширского английского, а именно: замены краткого гласного звука /ʌ/ кратким гласным звуком /ʊ/ – актер родился в Шеффилде в семье рабочего и очень гордится своим происхождением.

Отличительным профессиональным приемом еще одного известного британского актера, также обладателя внушительной фильмографии и различных наград Кристиана Бэйла является то, что практически для каждого своего проекта он выбирает новый акцент даже в рамках одного региона – например, в фильмах трилогии о Бэтмене режиссера Кристофера Нолана, актер разговаривал на американской орфоэпической норме (General American), однако в криминальной черной комедии «Афера по-американски» («American Hustle») режиссера Дэвида О. Расселла речь персонажа Бэйла звучит с ярким акцентом, характерным для жителя Бронкса. Эта своеобразная мистификация привела к тому, что даже преданные поклонники актера не

уверены, какой из множества акцентов Бэйл использует в повседневной жизни. Режиссер и продюсер Брайан Сингер, один из создателей культового сериала «Доктор Хаус» («House, MD»), снискавшего мировую популярность и неоднократно отмеченного престижными теленаградами «Пибоди» и «Эмми», категорически не желал видеть в главной роли неамериканца, однако утвердил Хью Лори, прославленного актера, комика и писателя, поскольку не знал, что тот является британцем, и принял его блестящий американский акцент за подлинный.

По мнению Дэвида Алана Штерна, профессора драматического искусства, тренера по диалекту / акценту и речи для профессиональных актеров и создателя продуктов по речевому коучингу, первым главным критерием успешного изображения акцента является разборчивость речи, если только региональный вариант не служит для создания комического эффекта, как в фильме Эдгара Райта «Типа крутые легавые» («Hot Fuzz»). Вторым немаловажным фактором является последовательность – когда актер сначала придерживается определенного акцента, а затем возвращается к своему типичному произношению, это звучит неестественно, портит образ персонажа и раздражает зрителей [Stern, 2022].

Итак, несомненно, что успешность исполнителя в достижении высокой степени правдоподобия изображаемого акцента (и как следствие, точной передачи культурных и социальных характеристик персонажа) в значительной степени, хотя и не полностью, зависит от корректности артикуляционных характеристик речи; можно сказать, что фонетические черты являются своеобразными стилистическими приемами для большей аутентичности. Для овладения тем или иным региональным акцентом или диалектом, оттачивания артикуляционных и просодических навыков и дальнейшего поддержания мастерства существуют следующие техники и методы: теоретически изучить фонетические особенности желаемого варианта, обращая особое внимание на вокализм, прослушивать аудиозаписи образцов аутентичной речи носителей, а также просматривать видеоматериал, чтобы улавливать особенности лицевой мимики и «маннеризмы», записывать собственные аудио отрывки для лучшей тренировки, и при необходимости обращаться к справочным материалам [Barrett, Cramer, McGowan, 2022; Hughes, Trudgill, Watt, 2022; Crystal, Crystal, 2024]. Фонетический анализ результата представляется наилучшим способом подтвердить эффективность используемых актерами методик.

Тем не менее ранее в научной литературе попыток подобного профессионального анализа принято не было, и в этой связи автор настоящего

исследования выделил следующие задачи: провести перцептивный профессиональный фонетический анализ отрывков звучащей речи персонажей кинофильмов и сериалов в исполнении британских актеров и дать оценочные характеристики прослушанным вариантам английского языка, а также оценить возможность использования данных образцов речи в качестве альтернативного учебного материала, специфика которого может способствовать повышению заинтересованности и, как следствие, мотивации обучающихся.

АНАЛИЗ АКЦЕНТОВ И ДИАЛЕКТОВ В РЕЧИ АКТЕРОВ

Для проведения фонетического анализа речевых отрывков на материале англоязычного аудиовизуального нарратива и оценки успешности применения актером различных методик для освоения того или иного варианта английского языка был проведен эксперимент с привлечением носителей языка.

Участниками эксперимента стали 3 мужчины и 3 женщины в возрасте от 32 до 42 лет, проживающие в Лондоне, Шотландии и Уэльсе и имеющие высшее профессиональное образование в области фонетики, ораторского искусства, сценического мастерства и логопедии. Респондентам были предложены к индивидуальному просмотру отрывки из нескольких полнометражных художественных фильмов и сериалов с участием таких британских актеров, как Бенедикт Камбербэтч (48 лет), Киллиан Мерфи (48 лет), Томас Харди (47 лет) и Эмма Томпсон (65 лет), с последующей профессиональной оценкой степени аутентичности акцентов и диалектов, изображаемых данными актерами. Продолжительность каждого отрывка рассматриваемых региональных вариантов составляла 15 минут. Степень правдоподобия определялась по соответствию спискам, содержащим характерные черты вокализма, консонантизма и просодии каждого варианта, описанные в научной литературе [Meier, 2022; Bower, 2022; Lam, 2024].

Первый из актеров, чья речь была отобрана в качестве материала звукового эксперимента, Бенедикт Камбербэтч, широко использовал IPA (International Phonetic Alphabet, международный фонетический алфавит), чтобы помочь себе изучить и совершенствовать различные акценты. В интервью «The Independent» актер рассказал, что работает с преподавателем по вокалу и от руки записывает транскрипцию слов с помощью IPA, разбивая длинные реплики на мелкие части, а затем практикуется с записями носителей этого акцента. За свою карьеру Бенедикт Камбербэтч использовал

впечатляющее количество акцентов – BBC, американский английский, кокни, шотландский, валлийский, ирландский, южноафриканский, русский и даже вымышленный акцент Средиземья для своей роли (озвучка) дракона Смауга в кинотрилогии Питера Джексона «Хоббит» («The Hobbit»).

Киллиан Мерфи в одном из интервью также изданию «The Independent» поделился своей техникой, которая помогла ему овладеть, в частности, акцентом брумми, на котором говорит Томас Шелби, один из главных персонажей британского криминального драматического сериала «Острые козырьки» («Peaky Blinders»), собравшего огромную аудиторию и удостоенного высоких оценок критиков и ряда наград. Актер проводил вечера в пабах Бирмингема, где записывал речь завсегдатаев с одобрения одного из создателей сериала Стивена Найта, также родом из Бирмингема. Мерфи впоследствии прослушивал все записи, повторял вслед за говорящими и записывал собственные версии брумми, которые потом отсылал Стивену Найту для проверки. В своих проектах актер разговаривал на BBC, американском английском, упомянутом выше брумми и на ирландском английском.

Томас Харди известен среди кинокритиков и поклонников своей страстью к изображению на экране самых разных акцентов – BBC, американский, австралийский и южноафриканский английский, кокни, русский и даже румынский. В работе над тем или иным акцентом Харди в основном полагается на слуховое восприятие и интуицию, и отмечает такие индивидуальные особенности, как поза, жесты и мимика, поскольку уверен, что физические характеристики и манеры поведения оказывают влияние на звучащую речь человека.

За время продолжительной карьеры в кино и на телевидении, Эмма Томпсон продемонстрировала способность владеть широким спектром акцентов – BBC, кокни, шотландский, североанглийский, ирландский, американский и немецкий, точно улавливая суть каждого и заставляя его звучать аутентично. В фильме «Моя ужасная няня» («Nanny McPhee») Томпсон использовала уэст-кантри, а ее шотландский акцент в анимационном фильме студии «Disney Pixar» «Храбрая сердцем» (Brave) удостоился высокой оценки критиков и единодушного одобрения зрительской аудитории, в том числе носителей данного акцента. Для подготовки к ролям Томпсон работает с тренерами по вокалу, прослушивает записи речи носителей акцентов и диалектов, и много практикуется.

Результаты фонологического анализа, проведенного респондентами, представлены в таблицах.

Таблица 1

БЕНЕДИКТ КАМБЕРБЭТЧ (в %)

Акцент / диалект	Успех	Досто- верно	Непоследо- вательно	Провал
BBC	88,5	8	3,5	–
кокни	20	25	30	35
джорди	32,5	30	25	12,5
валлийский	70	29	1	–
шотланд- ский	42,5	35	17,5	5
уэст-кантри	75	20	5	–
северно- английский	79	17,5	3	0,5
американ- ский	47,5	45	6,5	1

По мнению респондентов, орфоэпическая норма в исполнении Камбербэтча (см. табл. 1) практически безупречна. Кокни и джорди были охарактеризованы как правдоподобные с точки зрения просодических характеристик, однако непоследовательные с точки зрения артикуляционных особенностей, например *th-fronting*, и использования глоттальных смычек. Валлийский акцент Камбербэтча хвалили за внимание к деталям – респонденты отметили, что актер прекрасно передал певучую интонацию. Американский акцент удался актеру больше, нежели шотландский, а североанглийский и Уэст-Кантри были, несомненно, успешны.

Таблица 2

КИЛЛИАН МЕРФИ (в %)

Акцент / диалект	Успех	Досто- верно	Непоследо- вательно	Провал
BBC	86	11,5	2,5	–
брумми	89	6	5	–
ирландский	92	5,5	2,5	–
американский	77,5	15	6,5	1

Почти все варианты английского языка в исполнении Мерфи респонденты сочли достойными высочайших похвал. Аутентичность ирландского акцента объясняется происхождением актера, хотя в разных фильмах Мерфи изображал различные вариации ирландского говора, а монотонную интонацию и характерные гласные брумми респонденты назвали «идеальной» и «практически идеальными», соответственно. Немного менее удался актеру американский вариант – респонденты отметили непоследовательность в эрности и использовании флэпа /t/, однако оценили правдоподобие с точки зрения просодического оформления речи.

Таблица 3

ТОМАС ХАРДИ (в %)

Акцент / диалект	Успех	Досто- верно	Непоследо- вательно	Провал
BBC	84	13,5	2	0,5
кокни	94	6	–	–
американский	76	16,5	6	1,5

Мастерство Харди в изображении правдоподобной нормативной британской речи и американского говора отметили все респонденты, однако по их единодушному мнению, наилучшим образом фонетический талант актера раскрывается тогда, когда его персонажи разговаривают на кокни. Исполнение Харди этого акцента в фильме «Легенда» (*Legend*), где он сыграл близнецов Ронни и Реджи Крэй, настолько убедительно, что буквально погружает в атмосферу криминального Лондона шестидесятых. Респонденты сочли все характерные черты кокни, такие как *th-fronting*, *h-dropping*, глоттальные смычки, вокализацию /l/, замена гласного звука /æ/ на /e/ и другие «идеальными».

Таблица 4

ЭММА ТОМПСОН (в %)

Акцент / диалект	Успех	Досто- верно	Непоследо- вательно	Провал
BBC	97	3	–	–
cockney	86	9	4,5	0,5
валлийский	68	25	6	1
шотландский	97	3	–	–
Западный Мидленд	90	10	–	–
северно- английский	73	17,5	8	1,5

Орфоэпическую норму Эммы Томпсон респонденты назвали практически идеальной, а акцент кокни впечатляющим и убедительным. Валлийский и североанглийский также отличаются правдоподобием с точки зрения просодических характеристик и вокализма, однако Мидленд удался актрисе гораздо лучше. Что касается шотландского акцента, респонденты сочли исполнение Томпсон академичным и признали актрису «абсолютной чемпионкой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный профессионалами анализ региональных вариантов в речи британских актеров с точки зрения фонетической корректности и аутентичного звучания показал, что изучение

актерами артикуляционных и просодических характеристик того или иного акцента или диалекта играет важную роль в достижении естественности произношения. Имитация речи носителей с опорой на слух и интуицию также является полезным инструментом для актера, однако для высокой точности в изображении того или иного варианта английского языка желательно иметь более глубокое понимание фонетической структуры, поскольку оно помогает избежать ошибок, связанных с неверной артикуляцией отдельных звуков или их комбинаций. Как известно, знание международных фонетических символов (IPA) позволяет точно воспроизводить звуки, даже если они отсутствуют в родном языке человека, и несомненно является большим подспорьем и для носителей английского, поскольку этот язык обладает

чрезвычайно богатой звуковой, особенно вокалической, системой, а осознание фонологических процессов повышает беглость речи и приближает произношение к уровню носителя акцента.

Таким образом, сочетание методов подражания и изучения правил, а также ежедневные тренировки помогли актерам добиться максимально естественного и правильного произношения многих вариантов английского языка. Это дает возможность использовать отрывки из фильмов и сериалов с их участием как дополнительный дидактический материал, демонстрирующий необходимость теоретического освоения дисциплины и овладения навыками самоконтроля и последовательности, а также важность постоянных тренировок для правильной и естественной артикуляции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Sharpe E., Rowles J. H. How To Do Accents (The Actor's Toolkit). London: Methuen Drama, 2021.
2. Meier P. Accents & Dialects for Stage and Screen. Amazon: Kindle Edition, 2022.
3. Stern D. A. Acting with an Accent. Amazon: Kindle Edition, 2022.
4. Barrett R., Cramer J., McGowan K. B. English with an Accent. London: Routledge, 2022.
5. Hughes A., Trudgill P., Watt D. English Accents & Dialects. Amazon: Audible, 2022.
6. Crystal B., Crystal D. You Say Potato: A Book About Accents. Amazon: Audible, 2024.
7. Meier, P. Accent Your Character – Irish: Dialect Training. Amazon: Audible, 2022.
8. Bower R. English Pronunciation Secrets: The Game-Changing Guide to Mastering the General American Accent. Amazon: Audible, 2022.
9. Lam S. Mastering the Cockney Accent: An Interactive Guide to Developing a Cockney Accent for the Stage or Screen. Amazon: Audible, 2024.

REFERENCES

1. Sharpe, E., Rowles, J. H. (2021). How To Do Accents (The Actor's Toolkit). London: Methuen Drama.
2. Meier, P. (2022). Accents & Dialects for Stage and Screen. Amazon: Kindle Edition.
3. Stern, D. A. (2022). Acting with an Accent. Amazon: Kindle Edition.
4. Barrett, R., Cramer, J., McGowan, K. B. (2022). English with an Accent. London: Routledge.
5. Hughes, A., Trudgill, P., Watt, D. (2022). English Accents & Dialects. Amazon: Audible.
6. Crystal, B., Crystal, D. (2024). You Say Potato: A Book About Accents. Amazon: Audible.
7. Meier, P. (2022). Accent Your Character – Irish: Dialect Training. Amazon: Audible.
8. Bower, R. (2022). English Pronunciation Secrets: The Game-Changing Guide to Mastering the General American Accent. Amazon: Audible.
9. Lam, S. (2024). Mastering the Cockney Accent: An Interactive Guide to Developing a Cockney Accent for the Stage or Screen. Amazon: Audible.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Куликова Ксения Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры фонетики английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации факультета

международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulikova Xenia Sergeevna

Candidate of Philology, Associate Professor

Associate Professor at the Department of English Phonetics

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Associate Professor at the Department of Foreign Languages and Intercultural Communication

Faculty of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	21.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Концепт «любовь» в британском поэтическом дискурсе XVII века: содержательные особенности и дисперсия грамматических средств

Ю. Б. Маркова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
julia@themarkovgroup.com

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные особенности и дисперсия грамматических средств выражения концепта «любовь» в британском поэтическом дискурсе XVII века. Целью исследования было изучить репрезентацию категории эмотивности на материале 500 эмотивных предложений ранненовоанглийского периода. В работе были использованы методы контекстного анализа и количественных подсчетов. Автор приходит к выводу, что самой частотной конструкцией, репрезентирующей категорию эмотивности на синтаксическом уровне, оказалась восклицательное предложение с междометиями и восклицательными частицами в начале. Лексические средства рассматриваются автором как способ формирования у читателя определенного образа объекта любви.

Ключевые слова: концепт, любовь, синтаксис, синтаксические конструкции, эмотивные конструкции, эмоции, эмотивность, поэтический дискурс

Для цитирования: Маркова Ю. Б. Концепт любовь в британском поэтическом дискурсе XVII века: содержательные особенности и дисперсия грамматических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 55–62.

Original article

The Concept of Love in the XVII Century British Poetic Discourse: Content Features and Dispersion of Grammatical Means

Yulia B. Markova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
julia@themarkovgroup.com

Abstract: The article focuses on the content features and the dispersion of grammatical means expressing the concept of "love" in the British poetic discourse of Early New English. It pursues the goal of studying the representation of emotiveness on the example of 500 emotive sentences of Early New English. The basic methods of research applied by the author were those of context and quantitative analysis. The most frequently used structure in 17th-century British poetic discourse, representing the category of emotiveness on the syntactic level, is the exclamatory sentence with interjections and exclamatory particles at the beginning. The author views lexical means as a way of forming a certain image of the object of love.

Keywords: concept, love, syntax, syntactic structures, emotive structures, emotions, emotiveness, poetic discourse

For citation: Markova, Yu. B. (2025) The concept of Love in XVII century British poetic discourse: content features and dispersion of grammatical means. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 55–62. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Любое художественное произведение воспроизводит эмоциональную жизнь человека. Проявление, выражение эмоций формируются культурой народа или отдельного привилегированного социального класса внутри него, а культура, в свою очередь, находит свое отражение в языке. Эмоции концептуализируются и вербализуются в национальном языке. Поэт в момент создания поэтического текста не свободен от общепринятых социокультурных шаблонов и глубинных представлений нации о том, в какой манере следует делать достоянием публики свои сугубо частные, личные, сокровенные чувства и переживания. Об этом пойдет речь в статье, которая ставит своей целью изучить содержательные характеристики концепта любовь в британской любовной лирике XVII века и описать доступный авторам избранного для анализа периода арсенал грамматических и лексических средств для выражения эмоций.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить терминологический аппарат и изучить подходы в современной лингвистике к понятиям «концепт», «эмотивность», «эмотивная интенция», «эмотивные предложения»;
- 2) определить основные типы выражения концепта любовь в зависимости от адресата любви, преобладающие по частотности в поэзии XVII века;
- 3) проанализировать распространение лексико-грамматических средств для реализации концепта в синтаксической конструкции.

Для решения поставленных задач нами были избраны методы контекстного анализа, количественных подсчетов и непосредственного наблюдения и применены к 500 эмотивным предложениям поэзии ранненовоанглийского периода, которые были отобраны методом сплошной выборки.

Актуальность работы обусловлена интересом к изучению выражения чувств в поэзии, в частности любви, в самом начале новоанглийского периода, когда современный английский язык только формировался под влиянием таких авторов, как В. Шекспир, К. Марлоу и др. Лингвистическое направление, изучающее эмоции (эмотиология), сегодня одно из самых актуальных, ввиду интереса к изучению человека чувствующего [Шаховский, 2008; Ленько, 2015].

Новизна работы заключается в раскрытии механизмов репрезентации категории эмотивности на синтаксическом уровне. Практическая ценность работы состоит в том, что результаты исследования

представляют интерес с точки зрения изучения грамматики и истории английского языка, так как позволяет детально изучить содержательную сторону концепта «любовь», который является одной из самых противоречивых и многогранных.

ОБЗОР АКТУАЛЬНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В данном исследовании, основным предметом изучения является концепт «любовь». В работе мы опираемся на труды отечественных лингвистов, в которых концепт рассматривается максимально многосторонне. Концепт может быть единицей ментальности, сознания, мысли, языковой картины мира [Прохоров, 2008; Карасик, 2007; Грузберг, 2003]. Нам в рамках статьи интересны выводы о том, что концепт может быть «универсальным для всего человечества, и детерминирован национальной спецификой мышления говорящего, его культурными устоями» [Прохоров, 2008, с. 24]. Он также динамичен во времени, так как отражает картину мира говорящего в определенную эпоху, но у него обязательно должна быть стабильная составляющая, не подверженная влиянию времени. В этой связи нам представляется интересным изучить концепт «любовь» как отражение информации о мире и культуре в определенный срез времени.

Крайне важно понимать, чем концепт может быть выражен: словом [Аскольдов, 1997], корнем слова [Зиновьева, 2003], категориями и формами языка [Колесов, 2000], гештальтом и фрейм-структурами [Желтухина, 2003], текстами и синтаксическими конструкциями [Ляпин, 1997]. В нашем исследовании мы понимаем «концепт» как ментальную структуру в сознании индивида, которая обеспечивает выход на концептосферу социума и культуру [Прохоров, 2008]. Мы провели анализ «концепта» с точки зрения его создания синтаксическими структурами в сочетании с лексическими средствами, которые вместе и отражают языковое видение мира и национально-культурной ментальности. Вслед за современными лингвистами мы будем считать главной целью речевой деятельности поэта вербальную манифестацию эмоций, которая, в свою очередь, является, с одной стороны, стилем автора, с другой – отражением картины мира изучаемого периода, ведь концепт как лингвокогнитивное явление выступает «единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [Кубрякова и др., 1996, с. 90]. Эмоции проявляются и передаются в тексте через материальные репрезентативные языковые знаки: лексику и синтаксис, которые способны выполнять экспрессивную функцию.

С тех пор как начала формироваться новая антропоцентричная лингвистическая парадигма, лингвистические теории не могут игнорировать сферу человеческих эмоций. В современной лингвистике эмоциональные переживания рассматриваются как социально осознанные и типизированные В. И. Шаховским. Автор одним из первых определял понятие эмотивности как имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики, а также отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции [Шаховский, 2004; Шаховский, 2008]. Язык служит для рациональной обработки знаний, для хранения и дальнейшей передачи их следующим поколениям, но этот процесс сопровождается эмоциональными переживаниями, поскольку в человеке всё движимо эмоциями. Другими словами, эмотиология как наука о вербализации эмоций тесно связана с когнитологией, наукой о структуре знаний. Данное исследование имеет лингвокогнитивный вектор, так как изучение работ конкретных авторов помогает выявить общие закономерности развития поэзии в изучаемый период.

Для создания более глубокого лингвокогнитивного концепта автору поэтического текста и его читателю необходимо иметь общий набор компонентов фонового знания, в том числе межкультурного. Оpozнание эмоции происходит за счет домысливания при наличии у читателя необходимых знаний и эмоциональной компетенции. Слово, кодирующее эмоцию, хранит все лингвистические и экстралингвистические знания человека об этой эмоции, т. е. хранит его эмоциональную компетенцию. Под эмоциональной компетенцией подразумевается способность выражать свои собственные эмоции и понимать эмоции других людей.

Эмотивные элементы одного уровня в большинстве случаев сопровождаются элементами других уровней: лексического, фонетического и грамматического. Так, например, в восклицательном предложении может быть одновременно несколько знаков препинания или несколько эмфатических конструкций, а сама эмоция может выражаться лексическими средствами, которые являются ключом к пониманию эмоции. Другими словами, одного восклицательного знака недостаточно для понимания эмотивного намерения / эмотивной интенции автора в его стремлении воздействовать на читателя [Орлова, 2009].

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ»

В основе нашего исследования лежат типы любви, выделенные в работе Э. Фромма: родительская (чаще материнская), любовь детей к родителям и эротическая / романтическая любовь, братская

любовь, любовь к себе и любовь к Богу, любовь как ответ на проблему человеческого существования [Фромм, 2023]. Однако эта классификация не смогла охватить все существующие категории любви, обнаруженные нами в поэзии изучаемого периода. Нами были обнаружены примеры, которые можно условно отнести к любви к видному государственному деятелю или известной личности, к природе / деревне / родине.

Методом сплошной выборки для проведения анализа были подобраны 500 эмотивных предложений, восклицательных, вопросительных и повествовательных, выражающих концепт любовь, в поэтическом дискурсе XVII века¹. Исследование показало, что весь поэтический дискурс эмотивен, нет эмоционально нейтральных предложений, более того, 98 % предложений про любовь. Однако «любовь» может быть разной степени интенсивности и направлена на разные объекты любви, может быть в мажорной или минорной тональности [Карасик, 2007].

В рамках исследования мы провели количественный анализ того, кто или что чаще всего является объектом любви в поэзии XVII века, а также за счет каких грамматических и лексических средств поэтам удается достичь эмоционального воздействия на слушателя и какие тенденции здесь можно наблюдать. Полученные нами данные представлены ниже в таблицах 1 и 2 в порядке убывающей частотности.

Таблица 1

ВИДЫ АДРЕСАТОВ ЛЮБВИ В БРИТАНСКОЙ ЛИРИКЕ XVII ВЕКА

Адресат / объект	Частотность упоминания (в %)
романтическая любовь	75
любовь к Богу	23,8
любовь к видному деятелю	5
любовь к родине	4,4
любовь к жизни	3,8
любовь к другу	3
любовь к себе	1,6
любовь к семье	1,6
материнская любовь	0
любовь к природе	0
любовь к родителям	0

¹An Anthology of English and American Verse. М.: Прогресс, 1972.

Приведем краткие примеры, дающие нам возможность определить объект любви, например:

- к женщине (романтическая любовь): *Be she sitting I desire her, ... and admire her;*
- к Богу: *Does his Creator's pow'r display;*
- к видному деятелю: *O Cromwell, Heaven's Favourite!*
- к родине / природе: *The valleys, hills, and woods in rich array Welcome the coming of the long'd-for May u m. d.*

Как видно из таблицы 1, любовь к женщине превалирует в 75 % случаев упоминания в поэтическом дискурсе, далее следует любовь к Богу и государственному деятелю. Даже любовь к природе в поэзии этого времени служит лишь привычной метафорой для признания в любви женщине. Примеров признания в любви к природе как таковой обнаружено не было. Отсутствие упоминания материнской любви, возможно, связано с гендерным неравенством в обществе того времени [Неборсина, 1997].

Далее мы проанализировали какими синтаксическими конструкциями и стилистическими приемами автор создает концепт «любовь» на уровне предложения. В рамках исследования мы

опирались на работы Н. Н. Орловой и С. Гринбаума [Орлова, 2009; Greenbaum, 1996].

В XVII веке основная часть предложений – это сложные предложения с большим количеством придаточных с достаточно свободной пунктуацией по сравнению с современной (частые многоточия, запятые и точки с запятой вместо точки, часто создающей ощущение разговорной речи и бесконечного потока, что связано с тем, что синтаксис находился на этапе своего формирования). Замечено некоторое количество восклицательных предложений, в которых наличествует несколько восклицательных знаков, иногда в скобках, иногда через запятую. Однако в целом эмотивные предложения XVII века проявили тенденцию к употреблению без восклицательного знака. А восклицательные же предложения в 80 % случаев начинаются с междометия, добавляющего возвышенности и усиливающего воздействие, как бы сигнализирующие о дальнейшем употреблении восклицательного знака, например: *O, strange effect!* Ниже представлены самые распространенные типы синтаксических конструкций и стилистических приемов, приведенные в порядке убывающей частотности:

Таблица 2

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ»
В БРИТАНСКОЙ ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ XVII ВЕКА

Название конструкции	Пример	Частотность употребления (в %)
Восклицательные предложения с междометиями и восклицательными частицами	<i>O, strange effect!</i> (<i>Anne Bradstreet. A Letter to Her Husband</i>)	51,4
Повествовательные предложения с лексическим повтором или синтаксический параллелизм	<i>My head, my heart, mine eyes, my life...</i> (<i>A. Bradstreet. A Letter to Her Husband</i>)	11,6
Восклицательные предложения	<i>Divine image!</i> (<i>J. Wilmot. A Song</i>)	8,2
Побудительные предложения без обращения к адресату действия	<i>Welcome, welcome, do I sing</i> (<i>W. Browne. Welcome, Welcome, Do I Sing</i>)	7,6
Побудительные предложения с обращением к адресату действия	<i>Lucasta! stay!</i> (<i>R. Lovelace. To Lucasta</i>)	6
Восклицательные предложения, состоящие из <i>How</i> + прилагательное / наречие + простое двусоставное предложение	<i>How careful was I!</i> (<i>W. Shakespeare. Sonnet XLVIII</i>)	3,4
Вокативные предложения – обращения	<i>O, my Muse!</i> (<i>J. Addison. Marlborough at Blenheim</i>)	3,4
Восклицательные / побудительные предложения с глаголом «let»	<i>Let him rightly study you!</i> (<i>W. Browne. Welcome, Welcome, Do I Sing</i>)	3
Восклицательно-вопросительные предложения, содержащие междометия и представляющие собой риторические вопросы	<i>What do I here?</i> (<i>H. Vaughan. Come, Come-What Do I Here</i>)	3
Восклицательные предложения с инверсией	<i>To none have such high honours from above been shown!</i> (<i>A. Marvell. The Death of Cromwell</i>)	2,4

Данные, суммированные в таблице 2, позволяют нам сделать вывод о том, что любое предложение по цели высказывания может достаточно эффективно использоваться для выражения эмотивной интенции автора стихотворного текста, но наиболее приспособлены для этого восклицательные предложения, которые суммарно превысили 74 % всех проанализированных нами эмотивных предложений. Это неудивительно, так как в XVII веке английский синтаксис проходил важный этап своего формирования. В этом столетии авторы стихотворных текстов прибегали к использованию устоявшегося арсенала синтаксических конструкций. Восклицательные предложения воспринимались ими и их читателями как традиционное средство выражения категории эмотивности в языке. Интересно также отметить тот факт, что большая часть проанализированных нами эмотивных предложений XVII века проявила тенденцию к употреблению без восклицательного знака. Побуждения и риторические вопросы находились на периферии номенклатуры средств выражения концепта «любовь». Последнее утверждение справедливо и для повествовательных предложений, в которых использовался синтаксический параллелизм или лексический повтор.

Проанализируем следующие два стихотворения поэтов XVII века У. Брауна и Э. Марвелля. Первого можно отнести к поэтам-кавалерам, следовавшим канонам возвышенного, мажорного классицизма. Второй являлся представителем течения метафизиков. Их творчеству была свойственна минорная тональность, патетика отчаяния.

For her gait if she be walking,
Be she sitting I desire
For her state's sake, and admire her
For her wit if she be talking:
Gait and state and wit approve her;
For which all and each I love her.
Be she sullen, I commend her
For a modest; be she merry,
For a kind one her prefer I.
Briefly, everything doth lend her
So much grace and so approve her
That for everything I love her.

W. Browne of Tavistock. Song¹

Как видно, У. Браун любит глазами, т.е. визуальный образ возлюбленной очень важен для него. Он начинает с телесной привлекательности: походки (*gait*), статности (*state*), изящества (*grace*), но отмечает также живой ум, остроумие (*wit*). У. Браун подробно рисует идеальный образ

¹URL: <https://www.publicapdeal.org/library/dps/obev/obev068.html> (дата обращения: 27.11.2024).

красавицы, клянется ей в вечной любви, потому что другой ему не надо (*I desire, I admire, I approve her, I commend her, I prefer her, that for everything I love her*). В XVII веке женщине позволялось быть объектом любви, но не дозволялось самой рассказывать кому-либо о своих любовных чувствах, это было бы нескромно. Ей разрешено кокетничать, капризничать (*be she sullen – be she merry*). Стихи У. Брауна написаны в эпоху «холодного» классицизма и царства канонов, которые нарушать было нельзя. В них царят пропорция (синтаксический параллелизм и лексические повторы) и гармония: *for her gait / for her state's sake, for her wit, for which all, for a modest, for a kind one; if she be walking, be she sitting, if she be talking, be she sullen, be she merry*.

Теперь рассмотрим стихотворение другого автора XVII века Э. Марвелля, не воспеваящего достоинства любимой женщины, а оплакивающего смерть Оливера Кромвелля. Естественным образом данная элегия проникнута минорной, трагической тональностью. В отличие от предыдущего мажорного признания в любви игривость здесь неуместна, скорее уместно философское осмысление жизни и страданий. Здесь, как никогда, чувствуется исторический контекст произведения, стоящий за ним напряженный социально-политический конфликт в период транзита власти и смуты после смерти О. Кромвелля. Автор сочувствует О. Кромвеллю и его политическому наследию, признавая, тем не менее как сильные, так и слабые стороны диктатора.

Стихотворение начинается с риторического вопроса:

What day should him eternize but the same
That had before immortalized his name?
That so who ere would at his death have joyed,
In their own griefs might find themselves employed;
But those that sadly his departure grieved,
Yet joyed, remembering what he once achieved.
And the last minute his victorious ghost
Gave chase to Ligny on the Belgic coast.
Here ended all his mortal toils: he laid
And slept in place under the laurel shade.
O Cromwell, Heaven's Favourite! To none
Have such high honours from above been shown:
For whom the elements we mourners see,
And heaven itself would the great herald be,
Which with more care set forth his obsequies
Than those of Moses hid from human eyes,
As jealous only here lest all be less,
That we could to his memory express.

B. Marvell. The Death of Cromwell

О. Кромвель предстает противоречивым государственным деятелем. Общество разделилось на

тех, кто радовался его смерти *who ere would at his death have joyed*, и тех, кто оплакивал его уход *but those that sadly his departure grieved*. Отношение поэта к адресату создается при помощи лексики, описывающей достоинства – *he once achieved, victorious, gave chase, the laurel shade, heaven's favourite, to none have such high honours from above been shown, heaven itself would the great herald be, with more care set forth his obsequies than those of Moses hid from human eyes*. Сильную сторону его личности характеризуют стремительные военные победы, отсюда – лавровый венок и высокие военные почести главнокомандующего, баловня судьбы и любимчика небес, превзошедшего Богоизбранного Моисея. Свою роль в создании образа играют и лексические повторы, которые создают переход от радости к горю и обратно:

That so who ere would at his death have **joyed**,
In their own **griefs** might find themselves employed;
But those that sadly his departure **grieved**
Yet **joyed**...

На основе в высшей степени положительной оценки Кромвеля, граничащей с обожествлением предмета любви, говорящий формирует свое отношение к объекту любви и пытается повлиять на языковую картину мира читателя или слушателя, так эмоции формируют картину мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прежде всего нами были изучены понятия эмотивности, эмотивной интенции, эмотивных предложений, современные и классические научные работы, посвященные понятию «концепт», а также «любовь» с психологической и философской точки зрения. Далее методом сплошной выборки был отобран корпус примеров в количестве 500 единиц (повествовательные, вопросительные и восклицательные предложения, выражающие концепт «любовь») из британского поэтического дискурса XVII века и определены наиболее часто

упоминаемые адресаты любовных строк. Нами был сделан вывод о том, что поэзия XVII века пронизана романтикой, так как любовь к женщине в содержательном плане затмевает собой по частоте упоминания других адресатов любовной лирики. Помимо этого, нами был проведен количественный и качественный анализ синтаксических структур и лексических средств, служащих для формирования концепта «любовь». Мы пришли к ряду выводов:

Любое предложение по цели высказывания может достаточно эффективно использоваться для выражения эмотивной интенции автора стихотворного произведения, но наиболее приспособлены для реализации концепта «любовь» восклицательные предложения, которые суммарно превысили 74 % всех проанализированных нами эмотивных предложений. Поэтический дискурс весь, по сути, своей эмотивный, но к восклицательному знаку авторы того времени прибегали нечасто, так как синтаксические нормы в тот период еще формировались, тем более в поэтическом дискурсе.

Восклицательные предложения в XVII веке начинаются, в основном, с междометия, добавляющего возвышенности. Мы можем объяснить данное явление стремлением авторов XVII века к более эксплицитному выражению своей эмотивной интенции.

На основе в высшей степени положительной оценки, граничащей с обожествлением предмета любви, говорящий формирует свое отношение к объекту любви и пытается повлиять на языковую картину мира читателя или слушателя. Подобное влияние было бы невозможным без использования патетической лексики, формирующих языковую картину мира у читателя или слушателя. Тем не менее лексические средства, а именно лексические повторы, являются вторичным, периферийным, менее частотным средством выражения эмотивности в поэзии XVII века (всего 11 % употребления).

В будущем представляется интересным рассмотреть концепт «любовь» в английской поэзии в динамическом развитии от XVII столетия к веку двадцатому.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
2. Ленько Г. Н. Анализ категории эмотивности и смежных с нею понятий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. № 1. С. 84–91.
3. Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М.: Флинта, 2008.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
5. Грузберг Л. А. Концепт // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 181–184.

6. Аскольдов С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Наука, 1997. С. 267–279.
7. Зиновьева Е. И. Понятие «концепт» в рамках спецкурса «Языковая картина мира: концептосфера русского языка» // Лингвистика, методика и культурология в преподавании русского языка как иностранного. Сборник статей. СПб.: Политехника, 2003. С. 16–21.
8. Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб., Петербургское востоковедение, 2004.
9. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.: Институт языкознания РАН; Волгоград, 2003.
10. Ляпин С. Х. Концептология к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центркоцепта. Архангельск. 1997. Вып. 1. С. 11–35.
11. Кубрякова Е. С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
12. Шаховский В. И. Эмоционально-смысловая доминанта в естественной и художественной коммуникации // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Сб. науч. трудов. Волгоград: Центр, 2004. С. 147–168.
13. Орлова Н. Н. Языковые средства выражения эмоций: синтаксический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
14. Фромм Э. Искусство любить. М.: АСТ, 2023.
15. Неборсина Н.П. Синтаксис стихотворной речи как предмет лингвопоэтического исследования (на материале английской поэзии XVI–XX вв.): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1997.
16. Greenbaum S. The Oxford English Grammar. Oxford: Oxford University Press, 1996.

REFERENCES

1. Shahovskij, V. I. (2008). Lingvisticheskaya teoriya emocij = Linguistic theory of emotions. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
2. Len'ko, G. N. (2015). Analiz kategorii emotivnosti i smezhnyh s neyu ponyatij = Analysis of the category of emotivity and similar notions. Vestnik of LGU named after A. S. Pushkin, 1, 84–91. (In Russ.)
3. Prohorov, Y. J. (2008). V poiskah kontsepta = In the search for concept. Moscow: Flinta. (In Russ.)
4. Karasik, V. I. (2007). Yazykovye klyuchi = Language keys. Volgograd: Paradigma. (In Russ.)
5. Gruzberg, L. A. (2003). Concept. In Kozhina, M. N. (Ed.), Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language (pp. 181–184). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russ.)
6. Askol'dov, S. A. (1997). Koncept i slovo = Concept and word. In Russkaya slovesnost': Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya (pp. 267–279). Moscow. (In Russ.)
7. Zinov'eva, E. I. (2003). Ponyatie «koncept» v ramkah speckursa «Yazykovaya kartina mira: konceptosfera russkogo yazyka» = The term “concept in the course “Language map: the sphere of concepts in the Russian language. Lingvistika, metodika i kul'turologiya v prepodavanii russkogo yazyka kak inostrannogo. Collection of articles (pp. 16–21). St.Petersburg: Politekhnik. (In Russ.)
8. Kolesov, V. V. (2004). Yzyk i mental'nost' = Language and mentality. St.Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie. (In Russ.)
9. Zheltukhina, M. R. (2003). Tropologicheskaya suggestivnost' mass-medial'nogo diskursa: o probleme rechevogo vozdejstviya tropov v yazyke SMI = Tropologic suggestivity in mass media discourse. Moscow: Institut yazykoznaniya RAN; Volgograd. (In Russ.)
10. Lyapin, S. H. (1997). Konceptologiya k stanovleniyu podhoda. Concept. Scientific works of the concept center. Arhangel'sk, 1, 11–35. (In Russ.)
11. Kubryakova, E. S. et al. (1996). Kratkij slovar' kognitivnyh terminov = Concise dictionary of cognitive terms. Ed. by E. S. Kubryakova. Moscow: Faculty of Philology. Lomonosov MSU. (In Russ.)
12. Shahovskij, V. I. (2004). Emocional'no-smyslovaya dominanta v estestvennoj i hudozhestvennoj kommunikacii = Emotional semantic dominant in casual and belles-lettres communication. In Yazyk i emocii: lichnostnye smysly i dominanty v rechevoj deyatel'nosti = Language and emotions: Personal meanings and dominants in speech. Collection of scientific works. Volgograd: Center. (In Russ.)
13. Orlova, N. N. (2009). Yazykovye sredstva vyrazheniya emocij: sintaksicheskij aspekt = Language means of expressing emotions: syntactic aspect: Senior Doctorate of Philosophy. Rostov-on-Don. (In Russ.)
14. Fromm, E. (2023). Isskustvo lyubit' = The art of love. Moscow. (In Russ.)

15. Neborsina, N. P. (1997). Sintaksis stihotvornoj rechi kak predmet lingvopoeticheskogo issledovaniya (na materiale angliiskoi poezii XVI–XX vv.) = Syntax of poetic discourse as a subject of linguistic analysis (English poetry of 16–20 cc.). Doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
16. Greenbaum, S. (1996). The Oxford English Grammar. Oxford University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Маркова Юлия Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Markova Yulia Borisovna

PhD in Philology

Associate Professor at the Department of English Grammar and the History of the English Language,

Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Конструирование эффективной научной карьеры в немецком академическом нарративе

А. И. Милостивая

*Российский государственный социальный университет, Москва, Россия
amilostivaya@inbox.ru*

Аннотация. В статье исследованы вербальные способы конструирования эффективной карьеры в сфере науки в немецком академическом нарративе сериального типа, включающем нарративное ядро (видео) и нарративную периферию (комментарии в блогах, официальные заявления чиновников, публикации в СМИ). Выявлен персуазивный потенциал конвергентного фикционального и нефикционального поликадрового повествования посредством интерпретации модально-оценочной тональности хронотопа наррации, голосов нарратора и описываемых персонажей, а также при помощи анализа взаимодействия нарративных акторов с аудиторией сквозь призму особенностей описываемой тематики, связанной с обсуждением резонансного в немецкой академической среде Закона о заключении и времени действия трудовых договоров для научных сотрудников.

Ключевые слова: академический нарратив, фикциональный нарратив, нефикциональный нарратив, хронотоп наррации, аукториальный повествователь, персонаж нарратива

Для цитирования: Милостивая А. И. Конструирование эффективной научной карьеры в немецком академическом нарративе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 63–69.

Original article

Construction of an Effective Scientific Career in the German Academic Narrative

Alexandra I. Milostivaya

*Russian State Social University, Moscow, Russia
amilostivaya@inbox.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of verbal ways of constructing an effective career in science in the German academic narrative of a serial type, including a narrative core (video) and a narrative periphery (comments in blogs, statements of officials, publications in the media). The persuasive potential of convergent fictional and non-fictional polyframe narrative is revealed through the interpretation of the modal-evaluative tonality of the chronotope of the narration, the voices of the narrator and the described characters, as well as through the analysis of the interaction of narrative actors with the audience through the prism of the described topic, related to the discussion of the Academic Fixed-Term Contract Act, which is resonant in the German academic community.

Keywords: academic narrative, fictional narrative, non-fictional narrative, chronotope of narration, authorial narrator, narrative character

For citation: Milostivaya, A. I. (2025). Construction of an Effective Scientific Career in the German Academic Narrative. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 63–69. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования детерминирована такими доминантными атрибутами современной лингвистической парадигмы, как экспансионизм, антропоцентризм и междисциплинарность. Экстраполяция человеческого фактора в сферу исследовательской рефлексии лингвиста способствует возникновению холистического подхода к анализу языка [Художественный текст, 2022], а также к вовлечению коммуникативных и когнитивных факторов в лингвистические исследования, что неизбежно ведет к укрупнению исследуемых объектов: от микроединиц (фонем, морфем и т. д.) к коммуникативно-прагматическим макрознакам (тексту, дискурсу и нарративу) [Милостивая, 2022a], от собраний или массивов текстов к электронным лингвистическим корпусам [Горожанов, 2021].

Многоаспектность вербальных макрознаков детерминирует необходимость синтеза различных гуманитарных дисциплин в процессе их изучения. Так, в последнее время предпринимаются попытки интеграции лингвистики и литературоведения: в немецкоязычной терминологической традиции укоренилась номинация «Literaturlinguistik», или «Linguistische Literaturwissenschaft» [Literaturlinguistik ... 2015]. Отделение английского языка и лингвистики (Department of English and Linguistics) Майнцского университета им. И. Гутенберга с 2012 года издает журнал «International Journal of Literary Linguistics».

При таком подходе литература понимается в широком смысле и не сводится к фикциональным / художественным текстам. Подобная терминологическая инновация восходит к трактовке сущности литературного произведения российским филологом Б. В. Томашевским: «Литературное произведение обладает двумя свойствами: 1) независимостью от случайных бытовых условий произнесения и 2) закрепленной неизменностью текста. Самый характер этих признаков показывает, что твердой границы между речью практической и литературой нет» [Томашевский, 1996, с. 23]. Тем самым в современной эпистеме имеет место конвергенция лингвистики и литературоведения, что, с нашей точки зрения, верифицирует возможность экстраполяции литературоведческой теории и методологии в сферу интерпретации нехудожественных текстов и трактовку их в качестве нарративов. Как представляется, данное обстоятельство свидетельствует о научной новизне нашего исследования.

Социальная актуальность и практическая ценность исследования обусловлена необходимостью объективной оценки эффективности политики

в научной сфере, которая может быть осуществлена посредством сопоставительного анализа преимуществ и недостатков правового регулирования в академической сфере, а также его оценки дискурсивными акторами на материале различных лингвокультур.

Объектом исследования является, исходя из сказанного, академический нарратив сериального типа, в ходе анализа которого нами ставится задача исследовать то, как происходит конструирование образа эффективной карьеры в сфере науки в немецком социуме. Ядром нарратива, где сконцентрирована наиболее обсуждаемая квинтэссенция повествования, является короткий рекламный ролик социальной направленности, который анализируется в сочетании с комментариями к нему в блогах, а также с публикациями в СМИ, являющимися откликами на затронутые в ролике проблемы. Кроме того, к данному нарративу относятся три текста-комментария к Закону о заключении и времени действия трудовых договоров для научных сотрудников (Wissenschaftszeitvertragsgesetz) чиновников Министерства образования и науки ФРГ и журналистов.

НАРРАТИВ: ФИКЦИОНАЛЬНЫЙ VS НЕФИКЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Считаем целесообразным рассмотреть точки конвергентного соприкосновения лингвистических исследований текста, теории дискурса и нарратологии в их аппликации к трактовке понятия «академический нарратив», а также к его делимитации по отношению к иным языковым макрознакам, т. е. к тексту и дискурсу. Аксиоматично, что текст ассоциируется как с физическими (завершенность / объективированность в форме материального артефакта, включающего разноуровневые языковые единицы), так и с когнитивно-коммуникативными свойствами (обработка в соответствии с конвенциональным текстотипом / когезивно-когерентная интеграция / целенаправленность и прагматическая установка) [Гальперин, 2004]. Дискурс, инкорпорирующий в своем составе текст в совокупности с прагматическими, когнитивно-коммуникативными, психологическими и другими факторами, представляет собой вероятностную потенцию, в отличие от текста, его неотъемлемым параметром является объективация в форме физического материального носителя информации [Милостивая, 2022a].

Нарратив – это еще одна из макроединиц вербальной коммуникации, наряду с текстом и дискурсом, которая изучается филологами. Для

нарратива в узком смысле типичной характеристикой является опосредованное повествование об истории сквозь призму мировидения повествователя. Нарратив в широком смысле, однако, может существовать без опосредующей инстанции. Так, в частности, исследователями делимитируются нарративы, в которых события излагаются как при посредничестве нарратора (роман, рассказ, повесть и т. д.), так и без него (пьеса, кинофильм, балет и т. д.) [Шмид, 2008].

В современном гуманитарном знании нарратологическая теория и методология применяется также в ходе анализа нефикциональных дискурсов, к примеру, газетного дискурса [Милостивая, 2022б], сетевого медиадискурса [Парамонова, 2022], юридического дискурса [Stern, 2020], документального биографического фильма [Пусаков, 2024], экономического дискурса [Kleeberg, 2020] и даже квитанции об оплате штрафа [Martínez, 2023]. Подобная экспансия нарратологического подхода осуществляется на базе тезиса известных немецких филологов М. Мартинеса и М. Шеффеля, постулирующих возможности наррации в следующих комбинациях: повествование о событиях реальных vs фикциональных и повествование в литературном произведении vs в бытовой речи [Martínez, Scheffel, 2019].

В составе нарратива имеется два обязательных конституента: описываемая денотативная ситуация и ситуации повествования, при этом имеет место конструирование повествования из определенной обработанной нарратором истории. Нарратив инкорпорирует в своем составе «материально-физическую текстовую составляющую» и «идеально-дискурсивную среду, связанную с процессом повествования» [Милостивая, 2022а, с. 37].

Нефикциональный академический нарратив – это секвенция текстов, отдельный текст или его фрагмент, обладающий тематическим единством и информирующий об отдельном событии с общими участниками и хронотопом. Таким образом, нарратив – это не просто единица анализа лингвиста, следующая по объему в секвенции: фонема – слово – речевой акт – текст – дискурс, а качественно новый объект рефлексии языковеда.

Длительная временная протяженность типичного события из жизни академического социума ведет зачастую к тому, что отдельный текст является лишь «кадром» из секвенции, конституирующей нарратив. Подобное сериальное построение нарративной структуры обладает наиболее высокой частотностью. Анализируемый в данной статье академический нарратив об эффективной карьере в научной сфере также сериального типа.

СПЕЦИФИКАЦИЯ ХРОНОТОПА НАРРАТИВА ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАРЬЕРЫ В СФЕРЕ НАУКИ В НЕМЕЦКОМ СОЦИУМЕ

Как мы уже упоминали, ядром анализируемого нарратива является ролик (снят в 2018 году), включающий социальную рекламу, который синхронизирован в плане временной перспективы и повествует о фикциональных событиях в одном из немецких университетов. Ролик, снятый Министерством образования и науки ФРГ и опубликованный первоначально на его сайте, конструирует образ эффективности построения научной карьеры в Германии на базе Закона о заключении и времени действия трудовых договоров для научных сотрудников.

Ролик сразу вызвал волну протеста среди немецких ученых. Вскоре под давлением общественности его удалили с данного сайта, однако он остается доступным на некоторых видеохостингах. Протагонист, изображенный в данном коротком анимационном рекламном фильме, аспирантка Ханна, занимается биологией в Германии. Фикциональная фигура аспирантки-биолога Ханны отлично вписывается в систему временных контрактов, которая существует в немецких университетах и других научных организациях.

Место, где конкретно работает Ханна, в повествовании не конкретизируется. Ханна предстает как обобщенный фикциональный персонаж, идеальный образ работника данной сферы, намеренно лишенный нарратором личностных черт с тем, чтобы оптимизировать персуазивность повествования, адресовав его всем тем, кто занимается наукой в Германии. В языковом отношении ролик очень простой, примерно соответствует уровню A2. Скорее всего, это сделано намеренно для привлечения в немецкие научные организации иностранцев, не очень хорошо владеющих немецким языком.

К нарративу о конструировании эффективной научной карьеры в Германии мы также относим официальный комментарий сотрудника Министерства образования и науки ФРГ В.-Д. Лукаса в пользу валидности упомянутой выше законодательной инициативы, включающий ответ чиновников протестующим сотрудникам вузов в форме видеоролика на сайте министерства от 17 июня 2021 года¹.

Кроме того, примерно с этого же периода на страницах немецких СМИ и в комментариях к анимационному ролику под хэштегом #IchBinHanna начинается волна критики образа эффективной научной карьеры в науке, пропагандируемой немецкими чиновниками.

¹URL: <https://www.bmbf.de/bmbf/shareddocs/kurzmeldungen/de/ichbinhanna.html> (дата обращения: 01.11. 2024).

НАРРАТИВ #IchBinHanna: ГОЛОС НАРРАТОРА И ПЕРСОНАЖЕЙ

В плане повествовательной перспективы анализируемый рекламный ролик является «кадром» сериального нарратива с аукториальным повествователем от третьего лица (указанным эксплицитно в концовке – www.bmbf.de). Нарратор подобного типа «сильно выявлен, выступая с оценками и комментариями» [Зусева-Озкан, 2022, с. 25], что акцентирует безапелляционность его суждений, их привязку к позиции Министерства образования и науки ФРГ и перформативную претензию на образцовый характер карьерной траектории протагониста. При этом голос самой Ханны отсутствует в повествовании, даже в фикционально-сконструированной форме, что еще раз, на наш взгляд, свидетельствует об определенной директивности и прескриптивности повествования.

Однако данный фикциональный фрагмент повествования – это лишь кадр, генерированный нефикциональным нарратором-представителем Министерства образования и науки ФРГ. В незавуалированной форме позиция коммуникативного субъекта предстает в видеообращении статс-секретаря министерства В.-Д. Лукаса. В частности, в следующем ниже фрагменте сделан упор на то, что обсуждаемая проблема более не стоит на повестке дня:

Zudem: Das Video spiegelt nicht mehr den aktuellen Sachstand zu den Arbeitsbedingungen und den Arbeitsverträgen in der Wissenschaft wider¹.

Конкретные шаги в данном направлении в официальном заявлении не упоминаются, эвфемистически подчеркивается, что создана «finanzielle Plansicherheit für Länder und Hochschulen» (безопасность финансового планирования для федеральных земель и университетов), что перенесло фактически ответственность за развитие научной сферы из центра в эти инстанции. Подчеркивается также прогностический эффект законодательных инициатив министерства в будущем:

Diese Anstrengungen haben bereits jetzt Früchte und werden in den nächsten Jahren ihre volle Wirkung entfalten².

Однако чиновник из Министерства образования и науки ФРГ твердо стоит на своей позиции:

Befristungen in der Qualifikationsphase sind notwendig³.

¹Там же.

²Там же.

³Там же.

Кроме того, по мнению статс-секретаря министерства нужны «klare Kriterien für den wissenschaftlichen Aufstieg» (четкие критерии академического карьерного продвижения). Парадоксально, но на фоне протестов со стороны немецких ученых разных поколений звучит тезис представителя министерства в начале официального заявления о том, что критикуется именно видео о Ханне, а не Закон о заключении и времени действия трудовых договоров для научных сотрудников и кадровая политика ФРГ в сфере науки и образования в целом.

Еще одним текстом-кадром нарратива об успешности карьеры в сфере немецкой науки стал материал программы, прозвучавший на Радио Баварии 27 марта 2024 года под названием «Universitäten: Ist #IchBinHanna gescheitert?» Автор текста и нарратор здесь одно лицо – корреспондент данной медиакомпании Сара Бехам (Sarah Beham). С позиции аукториального повествователя от третьего лица она констатирует отсутствие улучшений с того времени, как в 2018 году был снят ролик про Ханну:

Dauerstellen sind rar, wie es von Gewerkschaften und Verbänden heißt, neue werden mit der Reform nicht geschaffen⁴.

Среди цитируемых нарративных персонажей следует отметить министра образования и науки Германии Беттину Штарк-Вацингер, которая, как и ее предшественники, всё еще обещает провести реформу временных трудовых договоров в вузах для того, чтобы «im Wettbewerb um die klügsten Köpfe talentierte junge Menschen für Wissenschaft und Forschung zu gewinnen» («выиграть в гонке за привлечение талантливой молодежи к науке и исследованиям») ⁵, а также controversialную ей позицию бывшего сотрудника университета, ныне депутата баварского ландтага Себастьяна Кубона (Sebastian Kubon), который так характеризует положение немецких ученых:

So wie es jetzt ist, ist es Mist⁶.

В статье «Hanna ist bald weg», входящей в нарратив об эффективном построении научной карьеры в ФРГ, корреспондент Лотар Мюллер (Lothar Müller), выполняющий функцию нарратора, приходит к логичному выводу, конституирующему лид газетной публикации, о провале реформы:

⁴URL: <https://www.br.de/nachrichten/deutschland-welt/universitaeten-ist-ichbinhanna-gescheitert,U8Et1ZP> (дата обращения: 01.11. 2024).

⁵Перевод наш. – А. М.

⁶Там же.

Die Bundesregierung muss die "Postdoc"-Phase an deutschen Unis reformieren. Doch ihre Pläne werden Nachwuchswissenschaftler ins Ausland drängen – oder aus der Wissenschaft (*Süddeutsche Zeitung*, 12.03.2024).

Тем самым звучит неоптимистичный вывод о том, что Ханна как субъект немецкой академической жизни скоро вообще перестанет существовать.

РЕЦЕПЦИЯ НАРРАТИВА *#IchBinHanna* В НЕМЕЦКОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ СООБЩЕСТВЕ

Лейтмотивом рекламного видео об аспирантке Ханне является слоган:

So kommt es zur Fluktuation, und die fördert die Innovationskraft¹.

Персуазивное воздействие данного утверждения усиливает помещение его в позицию, близкую к гармоническому центру рекламного ролика, который располагается в точке 0,68 от начала показа. Прочитанный лейтмотивный текстовый пассаж помещен нарратором в позиционный интервал 0,53–0,55, что, исходя из указанных соображений, представляется не случайным.

В комментариях блогов данный пассаж вызвал особый резонанс. Общий настрой коммуницирующих по поводу ролика субъектов выражает следующий пассаж, где риторический вопрос способствует «вовлечению реципиента в совместное рассуждение с автором» [Каменский и др., 2024, с. 82]:

Fluktuation fördert die Innovationskraft»?? Diese arg schwammige Aussage ist so richtig Manager-Sprech. Das hat in der Wissenschaft nix zu suchen².

В плане особенностей реакции реципиентов ролика социальной рекламы, к которым относятся, прежде всего, сотрудники немецких вузов и научных организаций, интересен тот факт, что предметом дискуссии, в первую очередь, становится трудовой договор, а не его прекращение (и тем самым уход сотрудника из сферы науки вообще) в случае не достижения квалификационных показателей, т. е. защиты докторской или кандидатской диссертаций.

Ярким примером критики образа эффективной карьеры в немецкой научной академической среде, создаваемого чиновниками Министерства образования и науки ФРГ, являются комментарии

¹URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Plq5GIY4h4E> (дата обращения: 01.11. 2024).

²Там же.

к информационному ролику *#IchBinHanna*. Очевидна их направленность, осуждающая практику коротких трудовых договоров как критерий повышения эффективности деятельности в сфере науки: нет ни одного комментария или даже лайка в поддержку данной законодательной инициативы министерства.

В плане локализации хронотопа рассматриваемого нарратива показателен намек пользователя видеохостинга с ником @TASCOLP (сентябрь 2024 года):

Hannah weiß das die Arbeitsbedingungen für Wissenschaftler:innen hier bei uns in Deutschland miserabel sind. Deswegen nimmt sie das erste Angebot einer Universität aus dem Ausland wahr und wandert ab³.

Тем самым прогнозируется экспансия локальной структуры хронотопа о Ханне за пределы Германии. Следует отметить, что актуальность рассматриваемого ролика социальной рекламы верифицируется тем, что последний комментарий датируется сентябрем 2024 года и всего имеется более 49 700 просмотров данного контента (и более 120 комментариев к нему), размещенного в сети пользователем Йорг Томсен 17 июня 2021 года, т. е. после его удаления с сайта Министерства образования и науки ФРГ.

Комментарии в прессе последних лет также наглядно демонстрируют негативную реакцию реципиентов из немецкой академической среды как на пропагандистский видеоролик о Ханне, так и на сложившуюся правовую практику организации трудовых отношений в ФРГ. При этом начало наррации стартует с лета 2021 года, а ее концовка до сих пор открыта, см., например, статью под заголовком «Gesetz soll Kurzzeitverträge in der Forschung beenden». Примечателен лид данной статьи, который свидетельствует о том, что обсуждаемая в ней проблема далека от своего окончательного разрешения:

Junge Forschende hangeln sich jahrelang von einem Kurzzeitvertrag zum nächsten. Eine Reform soll nun die Arbeitsbedingungen verbessern. Kritiker bezweifeln, dass das so gelingt (*Spektrum.de*, 27.03.2024).

Характерно, что с марта 2024 года в рамках нарратива, критикующего действия немецкого правительства по реформированию системы коротких трудовых контрактов для научных работников, появился новый хэштег *#ProfisFürHanna*, под которым профессура присоединяется к начинающим исследователям и выражает недовольство ходом реформы кратких трудовых контрактов:

³Там же. Орфография и пунктуация оригинала сохранена. – А. М.

Die Novellierung des Wissenschaftszeitvertragsgesetzes führt vor, wie Gesetzgebung nicht laufen sollte¹.

Это новый этап протестного движения, где в качестве лейтмотива выдвигается тезис:

Die wissenschaftliche Qualifizierung ist mit der Promotion abgeschlossen².

Тем самым постулируется, что по завершению данной процедуры должна стать нормой постоянная занятость, как и в любой другой профессии.

Таким образом, проблематика рассматриваемого в данной статье нарратива продолжает оставаться актуальной, а следовательно, темпоральная протяженность его хронотопа до сегодняшнего дня не завершена в блогах и немецких СМИ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Доминантой нарратива конструирования научной карьеры в Германии является фикциональный

¹Die Kabinettsvorlage zur Novellierung des Wissenschaftszeitvertragsgesetzes (März 2024): Stellungnahme von #profsfuerhanna, <https://www.histsem.uni-kiel.de/de/material-gz/stellungnahme-profsfuerhanna> (дата обращения: 01.11. 2024).

²Там же.

рекламный ролик, вплетенный в нефикциональный нарратив о данной проблеме. В процессе повествования звучат как голоса нарраторов (в большинстве своем реально существующих личностей – ученых, немецких работников вузов, чиновников министерства), так и голоса персонажей (как реальных, так и фикциональных). Конвергенция оценок ситуации со стороны фикциональных и нефикциональных участников наррации, а также их эмоционально-оценочных суждений эксплицирует две противоположные аксиологические тональности: поддержку Закона о заключении и времени действия трудовых договоров для научных сотрудников как инструмента эффективной конструкции научной карьеры в Германии и осуждение практики подобных кратких трудовых контрактов в вузах.

Перспективой данного исследования является экстраполяция нарратологических методологических процедур на изучение персуазивного воздействия и связанных с ним манипулятивных техник в других жанрах немецкоязычного дискурса (см. [Гусейнова, Горожанов, 2023]), а также дигитализация полученных результатов в форме корпуса нормативно-правовых нарративов различных государств, который может быть задействован в консалтинговых целях при оптимизации трудового права в сфере образования и науки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Художественный текст: формулы смысла / В. А. Андреева и др. М.: Флинта, 2022.
2. Милостивая А. И. Немецкий газетный нарратив как кооперативное действие: коммуникативные субъекты и механизм смыслообразования: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2022а.
3. Горожанов А. И. Метод компаративного анализа группы текстов (на материале немецкоязычных научных статей) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 5 (847). С. 48–59. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_48. EDN ZIFRSN.
4. Literaturlinguistik – philologische Brückenschläge. J. A. Bär, J.-K. Mende, P. Steen (Hrsg.). Frankfurt am Meine: Peter Lang, 2015.
5. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект пресс, 1996.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2004.
7. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2008.
8. Милостивая А. И. Особенности изображения нарратива «COVID-19» в немецкой качественной и массовой прессе // Гуманитарные и юридические исследования. 2022б. Т. 9 (4). С. 667–677.
9. Парамонова М. И. Функционирование гипертекстовых переходов в сетевом новостном политекстовом нарративе (на материале веб-версий англоязычных газет) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1927–1934.
10. Stern S. Factuality, Evidence and Truth in Factual Narratives in the Law // Narrative Factuality: A Handbook. Berlin/Boston: De Gruyter, 2020. P. 391–400.
11. Русаков И. П. Семиотические аспекты в нарративной стратегии документального биографического фильма // Вестник филологических наук. 2024. № 4 (4). С. 137–141.
12. Kleeberg B. Factual Narrative in Economics // Narrative Factuality: A Handbook. Berlin – Boston: De Gruyter, 2020. P. 379–390.
13. Martínez M. Nullstufen und Vorstufen des Erzählens: Überlegungen zu einer liminalen Narratologie // Anglistik: International Journal of English Studies. 2023. № 34 (2). S. 155–163.
14. Martínez M., Scheffel M. Einführung in die Erzähltheorie. 11. Auflage. München: Beck, 2019.
15. Зусева-Озкан В. Б. Аукториальное повествование в прозе А. А. Бестужева-Марлинского в свете исторической нарратологии // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 485. С. 24–34.

16. Каменский М. В. [и др.]. Потенциал дискурсных маркеров диалогичности медиатекста в СМИ / М. В. Каменский, С. Н. Бредихин, О. С. Шибкова, Т. В. Марченко // Вопросы журналистики. 2024. № 15. С. 71–89.
17. Гусейнова И. А., Горожанов А. И. Коннотированный образ как способ конструирования информационного противостояния в художественно-публицистическом жанре // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16. № 6. С. 911–920. EDN HZMXIN.

REFERENCES

1. Andreeva, V. A. et al. (2022). Khudozhestvennyi tekst: formuly smysla = Fiction: formulas of meaning. Moscow: FLINTA. (In Russ.)
2. Milostivaya, A. I. (2022a). Nemetskii gazetnyi narrativ kak kooperativnoe deistvie: kommunikativnye sub"ekty i mekhanizm smysloobrazovaniya = German newspaper narrative as a cooperative action: communication actors and mechanism of meaning generation: Doctorate in Philology. Kazan. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I. (2021). Method of comparative analysis of a group of texts (on the material of German-language research papers). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(847), 48–59. DOI 10.52070/2542-2197_2021_5_847_48. EDN ZIFRSN. (In Russ.)
4. Bär, J. A., Mende, J.-K., Steen, P. (Hrsg.). (2015). Literaturlinguistik – philologische Brückenschläge. Frankfurt am Meine: Peter Lang.
5. Tomashevsky, B. V. (1996). Teoriya literatury. Poetika = Literary Theory. Poetics. Moscow: Aspekt press. (In Russ.)
6. Galperin, I. R. (2004). Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Text as an object of linguistic research. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
7. Schmid, V. (2008). Narratologiya = Narratology. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
8. Milostivaya, A. I. (2022b). Features of the narrative "Covid-19" in the German quality and mass press. Humanities and law research, 9(4), 667–677. (In Russ.)
9. Paramonova, M. I. (2022). Functioning of Hypertext Transitions in the Online News Polytext Narrative (by the Material of Web Versions of English-Language Newspapers). Philology. Theory & Practice, 15(6), 1927–1934. (In Russ.)
10. Stern S. (2020). Factuality, Evidence and Truth in Factual Narratives in the Law. Narrative Factuality (pp. 391–400): a handbook. Berlin – Boston: De Gruyter.
11. Rusakov, I. P. (2024). Semiotic aspects of narrative strategy of biographical documentary film. Philological Sciences Bulletin, 4(4), 137–141. (In Russ.)
12. Kleeberg, B. (2020). Factual Narrative in Economics. Narrative Factuality (pp. 379–390): a handbook. Berlin–Boston: De Gruyter.
13. Martínez, M. (2023). Nullstufen und Vorstufen des Erzählens: Überlegungen zu einer liminalen Narratologie. Anglistik: International Journal of English Studies, 34(2), 155–163.
14. Martínez, M., Scheffel, M. (2019). Einführung in die Erzähltheorie. 11. Auflage. München: Beck.
15. Zuseva-Ozkan, V. B. (2022). Authorial narrative situation in the prose by Alexander Bestuzhev-Marlinsky in the light of historical narratology. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 485, 24–34. (In Russ.)
16. Kamensky, M. V., Bredikhin, S. N., Shibkova, O. S., Marchenko, T. V. (2024). Potential of dialogization discourse markers of the media text in mass media. M. V. Kamensky, Voprosy zhurnalistiki – Russian Journal of Media Studies, 15, 71–89. (In Russ.)
17. Guseinova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2023). Connotated image as a way of constructing informational opposition in the fictional and publicistic genre. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 16(6), 911–920. EDN HZMXIN. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Милостивая Александра Ивановна

доктор филологических наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков и культуры
Российского государственного социального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Milostivaya Alexandra Ivanovna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Associate Professor
Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Culture, Russian State Social University

Статья поступила в редакцию	22.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Множественные модальные глаголы в ольстерско-шотландском диалекте – желаемое или действительное? (в поисках подхода к проблеме)

А. Е. Павленко¹, Н. В. Гукалова²

¹Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия, alex_pavlenko@inbox.ru

²Южный федеральный университет, Таганрог, Россия, nadegda-ni@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – оценить, в какой мере конструкции с множественными модальными глаголами и аналитические формы модальных глаголов в ольстерско-шотландском диалекте освещаются в справочно-учебных грамматиках и могут ли данные феномены рассматриваться как дифференциальные признаки системы этого идиома. Материалом исследования послужили грамматика и описание шотландского языка, при этом, в качестве основного источника была отобрана работа Ф. С. Робинсона «Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language». Использовались методы наблюдения, описания, сравнения, а также элементы количественного и качественного контент-анализа. Результаты исследования: конструкции с множественными модальными глаголами (*might could do* и др.) и аналитические формы модальных глаголов являются элементами системы и дифференциальными признаками описываемого идиома, а также могут быть охарактеризованы как шотландизмы. Они присутствуют в обиходной речи, но в языке литературы представлены слабо.

Ключевые слова: конструкции с множественными модальными глаголами, ольстерско-шотландский диалект, переселенческий островной диалект, справочно-учебные грамматика, дифференциальный признак

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00049, <https://rscf.ru/project/24-28-00049>.

Для цитирования: Павленко А. Е., Гукалова Н. В. Множественные модальные глаголы в ольстерско-шотландском диалекте – желаемое или действительное? (в поисках подхода к проблеме) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 70–75.

Original article

Multiple Modals in Ulster-Scots – Wishful Thinking or Reality? (in search of an approach to the problem)

Alexander E. Pavlenko¹, Nadezhda V. Gukalova²

¹A. P. Chekhov Institute of Taganrog (branch) Rostov State University of Economics (RINH), Taganrog, Russia alex_pavlenko@inbox.ru

²Southern Federal University, Taganrog, Russia, nadegda-ni@yandex.ru

Abstract. The aim of the study is to assess the extent to which constructions with multiple modal verbs (MMs) and analytical forms of modal verbs in Ulster-Scots are covered in reference and student's grammars and whether these phenomena can be considered as systemic differential features of the idiom in question. The material for the study consists of grammars and descriptions of Scots, F.S. Robinson's

“Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language” being the principal primary source. The methods used are as follows: observation, description, comparison, as well as some elements of quantitative and qualitative content analysis. Results of the study: MMs (e.g. *might could do*, etc.) and analytical forms of modal verbs can be characterized as elements of the system and differential features of Ulster-Scots, as well as Scotticisms. They are still present in everyday speech, but are poorly represented in the language of local literature.

Keywords: multiple modals, Ulster-Scots, resettlement island dialect, reference and student’s grammars, differential feature

Acknowledgements: The reported study was funded by Russian Science Foundation; research project № 24-28-00049, <https://rscf.ru/project/24-28-00049>.

For citation: Pavlenko, A. E., Gukalova, N. V. (2025). Multiple Modals in Ulster-Scots – Wishful Thinking or Reality? (In Search of an Approach to the Problem). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(898), 70–75. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В публикациях, посвященных конструкциям с множественными (двумя и более) модальными глаголами (КММГ), распространенными в речи ряда регионов Великобритании и США, отмечается, что кроме юга Шотландии, Севера Англии и Юго-Востока США данная грамматическая особенность характерна для некоторых говоров Северной Ирландии и Ирландской Республики [Nagle, 2003]. При этом в литературе по проблематике КММГ отсутствуют публикации, посвященные Северной Ирландии, что не может не привлечь к себе внимание, поскольку некоторые исследователи рассматривают данный регион в качестве своего рода «моста», по которому данная особенность могла быть занесена на американский континент вместе с миграционными потоками [Montgomery, 1989].

Есть лишь отдельные упоминания в этой связи североирландской языковой ситуации, где КММГ предположительно должны встречаться в местных вариантах английского языка, а также в ольстерском варианте шотландского языка, который является фактически переселенческим диалектом, распространившимся в Северной Ирландии в XVII веке в ходе кампании, инициированной Яковом I, и известной как «Plantation» [Pavlenko A., Karlina, Pavlenko, G., 2023].

Упоминаний КММГ применительно к Северной Ирландии нет ни в лингвистическом атласе Шотландии, во втором томе которого данному региону посвящен целый раздел [Mather, Speitel, Leslie, 1977], ни в электронном атласе синтаксиса шотландского языка «Scots Syntax Atlas»,¹ в котором ольстерско-шотландский не рассматривается вообще. Не лучше ситуация и с корпусом шотландского

языка «The Scottish Corpus of Texts and Speech»² (SCOTS), в котором не удалось обнаружить ни одного примера КММГ в источниках североирландского происхождения.

Очевидно, что КММГ представляют собой явление, более трудное для наблюдения и учета, чем фонетико-орфографические, лексические или морфологические особенности. Отсутствие или крайняя малочисленность ольстерских примеров КММГ в упомянутых ресурсах может свидетельствовать о том, что частотность их как в устной, так и в письменной речи низка, и что, возможно, данное явление в ольстерских говорах близко к исчезновению и фактически уже не является характерной территориальной особенностью.

Любопытно, что, в отличие от шотландского Лоуленда, в Северной Ирландии не проводилось полевых исследований, в которых описывалась бы реальная ситуация с КММГ в данном регионе. При этом, признание факта полного отсутствия КММГ в ольстерских говорах означало бы выпадение важного звена в цепи ареалов распространения данного явления, а также шло бы вразрез со свидетельствами ряда лингвистов об обратном [Montgomery, Nagle, 1993; Nagle, 1997].

В ситуации дефицита подтвержденных свидетельств об ольстерских КММГ, не имея возможности проигнорировать эту тему, в силу ее актуальности, мы считаем возможным и необходимым охарактеризовать КММГ в Северной Ирландии на материале учебно-справочных изданий, которые можно рассматривать в качестве реализованной попытки описать и зафиксировать систему ольстерско-шотландских говоров в том состоянии, которое с максимальной полнотой отражает наличие дифференциальных признаков, обеспечивающих дистанцию по

¹URL: <https://scotsyntaxatlas.ac.uk/contact-us/> (дата обращения: 06.09.2024).

²URL: <https://www.scottishcorpus.ac.uk/> (дата обращения: 10.09.2024).

отношению к литературному английскому, с одной стороны, и к местным территориальным вариантам английского языка – с другой. Такие признаки представляется возможным именовать «шотландизмами», хотя и с учетом того, что данные шотландизмы (если таковые найдутся) окажутся североирландскими регионализмами.

ГРАММАТИКА ОЛЬСТЕРСКО-ШОТЛАНДСКОГО ДИАЛЕКТА Ф.С. РОБИНСОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМАТИКЕ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ

В нашем распоряжении имеется единственное издание подобного рода – руководство по грамматике «Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language», автором которого является Ф. С. Робинсон. Оно опубликовано в 1997 году, за год до подписания «Соглашения Страстной пятницы», ставшего важной вехой в процессе восстановления гражданского мира на территории Северной Ирландии и послужившего отправной точкой для активизации исследований ольстерско-шотландского диалекта и его популяризации [Robinson, 1997].

Данное издание было одобрено и поддержано действовавшей в тот период «Программой защиты культурных традиций» Совета по межобщинному взаимодействию, целью которого являлось налаживание взаимопонимания между разными группами североирландского общества, а также поощрение терпимости к культурным и языковым отличиям.

Согласно Ф. С. Робинсону, аналитические формы в парадигме глагола в ольстерско-шотландском в целом аналогичны соответствующим формам литературного английского, например: *A hae bin doein naethin ava* (Я вообще ничего не делал)¹. Кроме того, как и в литературном английском, в ольстерско-шотландском используются конструкции модальный глагол + инфинитив для передачи соответствующих значений наклонения, вида и др. Отмечается, что, когда за модальным глаголом следует вспомогательный (у Ф. С. Робинсона – первичный) глагол *have*, используется его слабая форма *<a>*.

Например:

A wud a bin daein naethin ava. –

Я бы вообще ничего не делал.

A maun a bin daein naethin ava. –

Я, должно быть, вообще ничего не делал.

A nicht a bin daein naethin ava. –

Я, вероятно, вообще ничего не делал.

A shoudnae a bin daein naethin ava. –

Мне вообще не следовало бы ничего делать.

A cud a bin daein naethin ava. –

Я вообще мог ничего не делать.²

Набор глагольных грамматических категорий и соответствующих морфем в ольстерско-шотландском и литературном английском во многом совпадают (насколько – требует специального исследования), и дифференциальные признаки ольстерско-шотландского сводятся в данном случае, в основном, к формальным отличиям лексического и фонетико-орфографического характера.

Однако конструкции с двойными модальными глаголами, которые Ф. С. Робинсон в привычной ему терминологии характеризует как сочетания «вторичных вспомогательных глаголов», несомненно можно отнести к дифференциальным признакам, отличающим систему ольстерско-шотландского от системы литературного английского:

A'll can dae it. – Я смогу это сделать.

или

A nicht cud see him the morra. –

Возможно, я мог бы увидеть его завтра.

«Двойные модальные глаголы», по свидетельству Ф. С. Робинсона, употребляют жители Ольстера (!), но они не так широко представлены в языке ольстерско-шотландской литературы, как, например, в литературе равнинной Шотландии. Кроме того, по его словам, в разговорной речи носителей ольстерско-шотландского, эти конструкции не так частотны, как в говорах американского английского на юго-востоке США [Robinson, 1997].

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ОЛЬСТЕРСКО-ШОТЛАНДСКОМ ДИАЛЕКТЕ И ИХ АМЕРИКАНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Имея дело с относительно скудными данными об ольстерско-шотландском, нельзя пренебрегать даже косвенными свидетельствами, которые могут пролить свет на те или иные трудно наблюдаемые особенности этого идиома. Так, подтверждение информации Ф. С. Робинсона о «двойных модальных глаголах» находим у американского лингвиста М. Монтгомери, описывающего грамматические особенности говора восточной части штата Теннесси.

Этот автор указывает, что роль шотландско-ирландских эмигрантов в формировании говоров Восточного Теннесси лучше всего удастся проследить на материале старых писем, выявляя в их тексте

¹Зд. и далее перевод наш. – А. П., Н. Г.

²Зд. и далее примеры приводятся по: Robinson P. S. Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language. Belfast: Ullans Press, 1997.

характерные грамматические особенности. На основе изучения собранных первичных и вторичных источников М. Монтгомери составил список грамматических особенностей, распространенных в Южных Аппалачах, и соотнес их с регионами происхождения – Ирландией / Шотландией и Южной Англией. Он установил, что 18 особенностей (включая множественные модальные глаголы) из 21 имеют шотландско-ирландское происхождение [Montgomery, 2006]. Он отмечает, что в описываемом регионе встречаются сочетание *might could* и другие сходные конструкции (*may can*, *might would* и др.), например:

You might could ask somebody along the road [for directions];
I may can get it out tomorrow.

Конструкции этого типа выражают семантику неопределенности и косвенной характеристики действия или ситуации и, несомненно, восходят, по мнению этого автора, к ольстерско-шотландскому (у Монтгомери – *Scotch-Irish*) [Montgomery, 2006].

В руководстве Ф. С. Робинсона далее находим, что в ольстерско-шотландском двойные модальные глаголы могут использоваться для выражения будущего времени, причем наиболее распространенной конструкцией является (а) *wull can*, например:

(a) Mebbe we'll can quat earlie the nicht. –
Возможно, мы сможем сегодня остановиться по-раньше.

A'll can dae that the morra. –
Я смогу сделать это завтра.

The'll no can cum with tha snaa. –
Они не смогут приехать из-за снега.

Действительно, глагол *will* входит в группу вспомогательных модальных глаголов [Quirk et al., 1982], и сказуемое *wull + can + инфинитив* может рассматриваться и как конструкция с двойным модальным глаголом, и просто как аналитическая форма будущего времени с вспомогательным глаголом *will*.

У Ф. С. Робинсона в качестве способа выражения семантики будущего времени упоминается и конструкция (b) *nicht + cud* (т. е. *might could*), которая также не имеет аналога в литературном английском, например:

(b) Quhan we get, we nicht cud hae a wie drink for bye.
– Когда мы приедем, мы тоже сможем выпить.

A nicht cud soart her oot the morra. –
Возможно, я смогу исправить ее завтра.

В данном руководстве отмечается и тот немаловажный факт, что в ольстерско-шотландской речи конструкция *nicht cud* с упомянутой выше семантикой, обычно (но, по-видимому, не всегда – А. П., Н. Г.) заменяется словосочетанием *mebbe cud*. Автор отмечает, что данное сочетание уже нельзя считать «двойным модальным» («double modal» – А. П., Н. Г.), поскольку *mebbe* – это наречие, а не «вспомогательный» глагол, например:

A mebbe cud soart her oot the morra. –
Может быть, я смогу разобраться с ней завтра.

We mebbe cud hae a wie drink ... –
Может быть, мы могли бы пропустить по стаканчику...

Эту любопытную особенность ольстерско-шотландской грамматики упоминает также блогер Й. Дж. Парсли в своей заметке «Незамеченные маркеры ольстерского английского» (из общего контекста следует, что под «ольстерским английским» автор подразумевает именно ольстерско-шотландский диалект и отмечает, что в ольстерском английском характерный для литературного английского модальный глагол *may*, обычно, заменяется конструкцией, в состав которой входит наречие *maybe*. Например:

...she will maybe come but it's not certain
(= *литер. англ.* she may come but it's not certain)¹.

В ольстерско-шотландском, по словам Ф. С. Робинсона, широко используется и конструкция *Yuist + tae + wud + a* – так сказать, «расширенный» аналог английской аналитической конструкции *used to + инфинитив*, способный выражать семантику как изъявительного наклонения *раньше...*, так и сослагательного – *раньше бы...* К сожалению, автор не приводит примеров с подобной глагольной конструкцией, однако он также относит ее к двойным модальным [Robinson, 1997].

И снова обратимся к работе М. Монтгомери, который связывает существование в говоре восточного Теннесси сочетания *used to + could* с ольстерско-шотландским влиянием (*Scotch-Irish*). В качестве примера он приводит предложение:

You used to could look from Grandpa's door to the graveyard and the church house where we attended church.

¹Parsley I. J. The unnoticed markers of Ulster English. 2019. URL: <https://ianjamesparsley.wordpress.com/2019/11/08/the-unnoticed-markers-of-ulster-english/> (дата обращения: 02.08.2024).

Эта, очевидно, аграмматичная, с точки зрения литературного английского языка, конструкция, по словам М. Монтгомери, противопоставляет обычную практику или положение вещей, имевшие место в прошлом, состоянию на сегодняшний день [Montgomery, 2006].

Еще сильнее подчеркивает дистанцию по отношению к системе литературного английского тот факт, что модальные глаголы в ольстерско-шотландском способны сочетаться с перфектным инфинитивом последующего модального глагола, а тот, в свою очередь, с перфектным инфинитивом смыслового глагола-сказуемого. При этом вспомогательный глагол *hae* выступает в своей «слабой» форме – *<a>*, фактически суффицируемой к основе предшествующего модального глагола (автор руководства сохраняет раздельное написание). Например:

A nicht a cud a daen it. – Я мог бы это сделать.

*A shud a cuda (*daen it).* – Я должен был бы это сделать.

Ф. С. Робинсон также отмечает, что в речи носителей ольстерско-шотландского возможны, как конструкции типа *haed a daen* (т. е. *had have done*), так и конструкции типа модальный глагол + *a* + *hae*, в которых элемент *a* представляет собой редуцированную форму глагола *hae*. Например:

A wud a hae daen it. – Я бы это сделал.

He cud a hae tuk her. – Он мог бы ее взять.

Можно предположить, что упомянутый элемент *<a>*, представляющийся избыточным с точки зрения системной организации аналитической глагольной

парадигмы, претерпел переосмысление и превратился в клитику. Функцией данной клитики может быть обеспечение структурного равновесия в подобных громоздких глагольных конструкциях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Очевидно, что роль справочно-учебных грамматик как источника в исследованиях «малых» языков трудно переоценить. Особенно она велика для изучения идиомов, подобных ольстерско-шотландскому, которые в силу ряда культурно-исторических и политических причин оказались описанными относительно слабо и фрагментарно. При этом сам идиом находится на том этапе своего развития, когда некоторые его характерные особенности оказываются малочастотными или же вовсе вышедшими из узуса, как в устной, так и в письменной речи. Некоторые из них, в том числе КММГ, как уже отмечалось, мало отражены в языке ольстерско-шотландской художественной литературы, по-видимому, под прямым или косвенным влиянием литературного английского, с точки зрения которого подобные конструкции стигматизированы как аграмматичные и просторечные. Немаловажен и тот факт, что для шотландского языка множественные модальные глаголы являются южным регионализмом и, вероятно, воспринимаются как маркер речи, имеющей низкий статус, и не пользующейся авторитетом. Как известно, наиболее широко в литературном процессе употребляются диалекты центрального региона Шотландии и ее северо-востока, для которых КММГ отнюдь не являются характерной особенностью.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Nagle S. Double Modals in the Southern United States: Syntactic Structure or Syntactic Structures? // *Modality in Contemporary English. Topics in English Linguistics* / Ed. by R. Facchinetti, M. G. Krug, F. R. Palmer; Berlin – New York: De Gruyter Mouton, 2003. Vol. 44. P. 349–371.
2. Montgomery M. Exploring the Roots of Appalachian English // *English World Wide*. 1989. Vol. 10. P. 227–278.
3. Pavlenko A., Karlina A., Pavlenko G. Can a Part Be More Predisposed to Sustainable Development than the Whole? (The Evidence of the Island Dialects of Scots // *Analele Universității Din Craiova. Seria Științe Filologice. Lingvistică*. Anul XLV. 2023. Nr. 1–2. P. 359–367.
4. Mather J. Y., Speitel H. H., Leslie G. W. The Linguistic Atlas of Scotland: Scots Section. Vol. 2, with Indices for Volumes 1 and 2. London: Croom Helm, 1977.
5. Montgomery M. B., Nagle S. J. Double Modals in Scotland and the Southern United States: Transatlantic Inheritance or Independent Development? // *Folia Linguistica Historica* XIV/1–2. Walter de Gruyter: Berlin – Boston. 1993. P. 91–107.
6. Nagle S. What is Double About Double Modals? // *Language History and Linguistic Modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak* / ed. by R. Hickey and S. Puppel. Berlin: De Gruyter Mouton, 1997. P. 1513–1526.
7. Robinson P. S. Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language. Belfast: Ullans Press, 1997.
8. Montgomery M. How Scotch-Irish Is Your English? // *The Journal of East Tennessee History*. 2006. No. 77, Supplement. P. 65–91.

9. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. Edited and abbreviated by I. P. Verkhovskaya. Moscow: Vysšaya škola, 1982.

REFERENCES

1. Nagle, S. (2003). Double modals in the southern United States: Syntactic structure or syntactic structures? In Facchinetti, R., Palmer, F., Krug, M. (Eds.), *Modality in Contemporary English* (pp. 349–372). Berlin – Boston: De Gruyter Mouton. DOI 10.1515/9783110895339.349.
2. Montgomery, M. (1989). Exploring the Roots of Appalachian English. In *English World-wide*, 10(2), 227–278. 10.1075/WW.10.2.03MON.
3. Pavlenko, A., Karlina, A., Pavlenko, G. (2023). Can a Part Be More Predisposed to Sustainable Development than the Whole? (The Evidence of the Island Dialects of Scots. In: *Analele Universității Din Craiova. Seria Științe Filologice. Lingvistică. Anul XLV*, 1–2, 359–367.
4. Mather, J. Y., Speitel, H. H., Leslie, G. W. (1977). *The Linguistic Atlas of Scotland: Scots Section* (vol. 2, with Indices for vols. 1–2). London: Croom Helm.
5. Montgomery, M. B., Nagle, S. J. (1993). Double Modals in Scotland and the Southern United States: Transatlantic Inheritance or Independent Development? *Folia Linguistica Historica* (XIV/1-2, pp. 91–107). Walter de Gruyter: Berlin – Boston. DOI 10.1515/flih.1993.14.1–2.91.
6. Nagle, S. (1997). What is Double About Double Modals? In Hickey, R., Puppel, S. (Eds.), *Language History and Linguistic Modelling. A Festschrift for Jacek Fisiak* (pp. 1513–1526). Berlin: De Gruyter Mouton.
7. Robinson, Ph. S. (1997). *Ulster-Scots: a grammar of the traditional written and spoken language*. Belfast: Ullans Press.
8. Montgomery, M. (2006). How Scotch-Irish Is Your English? *The Journal of East Tennessee History*, 77 Supplement, 65–91.
9. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G., Svartvik, J. (1982). *A University Grammar of English*. Edited and abbreviated by I. P. Verkhovskaya. Moscow: Vysšaya škola.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павленко Александр Евгеньевич

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английского языка Таганрогского института им. А.П. Чехова (филиал)
Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

Гукалова Надежда Владимировна

ассистент Института компьютерных технологий и информационной безопасности
Южного федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pavlenko Aleksandr Evgen'evich

Doctor of Philology, Associate Professor
Professor at the Department of English Philology, A. P. Chekhov Institute of Taganrog (branch)
Rostov State University of Economics "RINH"

Gukalova Nadezhda Vladimirovna

Assistant Lecturer
at the Institute of Computer Technology and Information Security
Southern Federal University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

19.03.2025
16.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Развитие артиклей в английском языке: от классического среднеанглийского периода до современности

Е. Б. Павлова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
lena.pavlova@live.ru

Аннотация. Целью исследования является изучение развития артикля как служебной части речи в истории английского языка, в частности, сравнение особенностей употребления артиклей в произведениях классического среднеанглийского периода с современными закономерностями. Основными методами исследования выступили функционально-семантический анализ и сравнительный анализ. Материалом для анализа послужили «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера. В статье проводится сравнительный анализ семантических функций артиклей в среднеанглийский и современный периоды. Особое внимание уделяется особенностям употребления артиклей с различными семантическими группами существительных и их сопоставлению с нормами, закрепившимися в современном английском языке.

Ключевые слова: Дж. Чосер, Кентерберийские рассказы, классический среднеанглийский период, артикль, семантические функции артиклей

Для цитирования: Павлова Е. Б. Развитие артиклей в английском языке: от классического среднеанглийского периода до современности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898) С. 76–86.

Original article

The Development of Articles in the History of English: from the Classical Middle English Period to the Present Day

Elena B. Pavlova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
lena.pavlova@live.ru

Abstract. The research is aimed at tracing the development of the article as a structural part of speech in the history of English, to be more precise, at exploring the peculiarities of articles in the classical Middle English period and comparing them with their present-day usage. The major methods of research are functional and semantic analysis and comparative analysis. The material submitted for analysis is “The Canterbury Tales” by G. Chaucer. The semantic functions of the articles in the Middle English period are compared with those in modern English. Special attention is paid to the peculiarities of the use of articles with different semantic groups of nouns, which are compared with the norms existing in modern English.

Keywords: G. Chaucer, Canterbury Tales, classical Middle English period, article, semantic functions of articles

For citation: Pavlova, E. B. (2025). The development of articles in the history of English: from the classical Middle English period to the present day. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(894), 76–86. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Наличие артикля характерно для всех западногерманских языков индоевропейской языковой семьи. Уже в древнеанглийском языке, начиная с самых ранних рунических надписей, зарегистрированы артиклеобразные формы слова – прообраз современных артиклей. В дальнейшей истории английского языка артикль развивался в служебную часть речи, определяющую имя существительное и являющуюся его морфологическим маркером.

Задачи исследования состоят в том, чтобы:

- 1) выявить закономерности употребления артиклей в классический среднеанглийский период;
- 2) установить семантические функции артиклей в классический среднеанглийский период с помощью метода функционально-семантического анализа;
- 3) сравнить особенности использования артиклей в эпоху Дж. Чосера с тенденциями, характерными для современного английского языка с помощью сопоставительного анализа.

Классический среднеанглийский период выбран для исследования, так как к данному периоду завершилось развитие артикля как служебной части речи. Материалом для анализа послужили «Кентерберийские рассказы» Дж. Чосера (было проанализировано более 250 примеров использования артиклей, включая случаи употребления нулевого артикля; примеры были взяты из общего пролога и рассказов, при этом в пределах частей произведения отбор осуществлялся методом сплошной выборки; в общей сложности было проанализировано более 5 тыс. строк). Язык Дж. Чосера – эталон лондонского диалекта XIV века и по праву считается лучшим образцом языка классического среднеанглийского периода. В этой связи, классический среднеанглийский язык в его литературном оформлении приравнивается именно к языку Дж. Чосера.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые осуществляется сопоставление закономерностей употребления артиклей, характерных для классического среднеанглийского периода, с их современными особенностями.

Статья написана в русле диахронного подхода к изучению языка. Актуальность диахронных исследований обусловлена необходимостью раскрытия механизмов эволюции способов репрезентации реальной действительности в языковой картине мира. Актуальными являются теоретические исследования, расширяющие представление об особенностях развития артиклей в системе английского

языка [Ringe, 2017; Самигуллина, 2018]. В настоящее время диахронные исследования понятия «артикль» обусловлены острой потребностью науки в изучении развития его семантических функций и когнитивных, дискурсивных и стилистических характеристик.

Практическая ценность исследования состоит в том, что полученные результаты, а также иллюстративный материал могут быть использованы в лекциях и семинарах для студентов бакалавриата по дисциплине «История языка (первый иностранный язык)», а также в ходе лекционно-семинарских занятиях для аспирантов-германистов по дисциплине «Введение в германскую филологию».

Артикль – служебное слово или аффикс, предназначенный для выражения универсальной категории определенности – неопределенности.

Артиклевые языки различаются типологически – артикль представлен в германских, славянских (болгарский, македонский) языках, венгерском, семитском и др. Количество артиклей варьируется, при этом для большинства языков характерно наличие двух артиклей, однако существуют языки с одним морфологически выраженным артиклем (турецкий), а также полиартиклевые языки с тремя и более артиклями (румынский)¹.

Главная функция артикля заключается в отнесенности имени к тому или иному типу референции (определенная / неопределенная), при этом он выполняет и другие функции, например морфологическую – указание на то, что слово, следующее за артиклем, является именем существительным [Бармина, Верховская, 2000], а также интродуктивную – введение объекта в повествование (данная функция характерна для неопределенного артикля). Н. Л. Огуречникова выделяет также делимитативную функцию артикля – функцию, связанную с обозначением начала речевых единиц, входящих в состав высказывания. По мнению автора, артикли функционально связаны с единицами речи. Отмечая начало речевой единицы, артикль тем самым выделяет и всю речевую единицу, окончание которой зависит от смысловых отношений в тексте. Специфика значения артиклей состоит в том, что они сообщают количественную информацию о синтагмах, в создании которых они участвуют наряду со знаменательными словами. При этом парадигматическое отличие артиклей как разряда служебных слов от знаменательных определяется характером их участия в формировании семантической структуры синтагмы [Огуречникова 2006].

Категория определенности – неопределенности является языковой универсалией, при этом

¹Виноградов В. А. Артикль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 45–46.

типология средств ее выражения варьируется от языка к языку и имеет как морфологические, так и функционально-семантические различия. Если в XVIII – XIX веках изучение категории определенности – неопределенности было прежде всего связано с описательными грамматиками артиклевых языков, то с конца XIX века на первый план вышел понятийный аспект данной категории, при этом предполагается, что она может выражаться целым комплексом различных языковых средств. В современной лингвистике категория определенности – неопределенности исследуется в функционально-семантическом аспекте, при этом важное значение приобретает установление корреляций между имплицитными средствами выражения данной категории в безартиклевых языках и ее морфологическими показателями в артиклевых [Самигуллина, 2018].

Для германских языков вначале была характерна одноартиклевая система (оппозиция «определенный артикль – нулевой артикль»), впоследствии возникла система – «определенный артикль – неопределенный артикль – нулевой артикль», при этом нулевой артикль может рассматриваться как самостоятельный артикль или как вариант морфологически выраженного артикля. Развитие артиклей уходит корнями в древнеанглийский период. Уже в древнеанглийском, наряду с дейктическим, зафиксировано анафорическое употребление указательных местоимений (так называемый протоартикль, или анафорический артикль), которые стали источником определенного артикля, для отсылки к ранее сказанному, установления связи с предшествующим контекстом [Пименова, 2023]. Движение в сторону несклоняемой формы *þe*, по крайней мере, в единственном числе прослеживается уже в Peterborough'sкой хронике (1132–55). Утрата склоняемых форм в первую очередь происходит на востоке и севере страны. К XIV веку несклоняемая форма артикля употреблялась в единственном и во множественном числе [The Cambridge History..., 2006]. Неопределенный артикль восходит к числительному *one* (др.-англ. *ān*). Обособлению неопределенного артикля от числительного способствовало употребление безударного варианта данного слова [Иванова, 1973; Смирницкий, 1998]. К XIV веку артикль полностью сформировался как служебная часть речи и употреблялся как безударное несклоняемое слово.

Развитию артикля в английском языке способствовали внутриязыковые факторы. Во-первых, развитие артикля можно объяснить изменением порядка слов в английском языке. В древнеанглийском порядок слов отличался значительной свободой и выполнял коммуникативную функцию – рема (сообщаемое) могла помещаться в конце предложения. После того, как порядок слов стал

фиксированным, он больше не мог выполнять данную функцию. Соответственно, возникла необходимость в новых средствах выражения коммуникативной функции, и именно данную роль взяли на себя артикли [Rastorgueva, 1983]. Во-вторых, развитие артикля как служебной части речи способствовало постепенному разрушению системы склонения прилагательных, начавшееся уже в среднеанглийский период. Хотя во времена Дж. Чосера склонение прилагательных еще сохранялось, но уже появились признаки его будущего исчезновения. Во-первых, формы внутри парадигмы отличались лишь наличием безударного гласного *e*, который, как известно, был нестабилен и впоследствии был утрачен. Во-вторых, наличие системы склонения невозможно было постулировать для всех прилагательных: прилагательные, заканчивающиеся на гласный, а также многосложные прилагательные не имели склоняемых форм. Как известно, сильное склонение прилагательных ассоциировалось со значением неопределенности, в то время как слабые словоизменительные формы прилагательных, которые часто определялись указательными местоимениями, выражали значение определенности. После исчезновения системы склонения прилагательных данные значения стали выражаться исключительно артиклями [Rastorgueva, 1983]. Таким образом, трансформация морфологической системы привела к увеличению функциональной нагрузки служебных слов [Denison, 1993].

ОБЩИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ АРТИКЛЕЙ

В произведениях Дж. Чосера артикль, как правило, употреблялся со всеми исчисляемыми существительными, однако в ряде случаев он мог опускаться, наиболее часто это происходило после предлогов:

With herte pitous, when he heard them speke¹ (*The General Prologue*, 953). – Его сердце было наполнено жалостью (с сердцем, наполненным жалостью)².

Следует отметить, что в ряде случаев артикль с существительными мог опускаться также в предикативной позиции:

In al the parisshe wif ne was ther noon (*The General Prologue*, 449). – Во всем приходе не было такой женщины.

¹Здесь и далее цитируется по: The Riverside Chaucer. Boston.: Houghton Mifflin Co., 1987.

²Здесь и далее перевод наш. – Е. П.

Случаи отсутствия артикля с существительными в предикативной позиции, относившими объект к определенному классу, наблюдаются даже при наличии дескриптивного определения:

And swoor his ooth, as he was trewe knyght (*The Knight's Tale*, 959). – И произнес клятву, так как он был настоящим рыцарем.

Употребление форм неопределенного артикля отличалось от современного. Форма *an* встречается перед словами, начинающимися с придыхательного звука [h]:

Wywmped wel, and on hir heed an hat (*The General Prologue*, 470). – В косынке, на голове шляпа.

Артикль, по всей видимости, указывает на выпадение данного звука (*h*-dropping).

Артикль в классический среднеанглийский период, как и в современном английском языке, помещался перед группой существительного, однако мог ставиться и между существительным и его определением. Подобное положение вещей обычно наблюдалось в сравнительных структурах:

To han as greet a grace as Noe hadde (*The Miller's Tale*, 3560). – Иметь такую же великую милость, как Ной.

Также обращает на себя внимание позиция артикля в структуре *many a + noun*, в которой артикль стоит после детерминанта:

Ful many a riche contree hadde he wonne (*The Knight's Tale*, 865). – Много богатых стран он завоевал.

Несмотря на то что в классический среднеанглийский период артикль был уже полностью сформирован как служебная часть речи, указательные местоимения, которые стали источником определенного артикля, активно употребляются в произведениях Дж. Чосера в анафорической функции, т. е. в качестве артиклеобразных слов. При этом указательные местоимения часто используются при существительных, употребленных с оценочными прилагательными. Подобные случаи, возможно, является прообразом употребления указательных местоимений для выражения отношения говорящего к описываемому объекту в современном английском языке:

And Palamoun, this woful prisoner (*The Knight's Tale*, 1063). – И Паламон, несчастный узник.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ АРТИКЛЕЙ

Во времена Дж. Чосера все современные функции неопределенного артикля были полностью сформированы. Неопределенный артикль мог использоваться для того, чтобы назвать объект, т. е. выполнял номинативную функцию:

A swerd and bokeler bar he by his syde (*The General Prologue*, 558). – Меч и щит он нес на боку.

Данная функция преобладает в «Кентерберийских рассказах» (см. табл. 1).

Неопределенный артикль также мог использоваться в классифицирующей функции – относить объект, обозначаемый именем существительным, к классу схожих объектов. Данная функция также является частотной, что связано с целью автора дать характеристику персонажам, описать их отличительные черты. Классифицирующая функция была характерна при употреблении артикля с существительными к предикативной позиции, в аппозиции, а также в сравнительных структурах:

The Millere was a stout carl for the nones (*The General Prologue*, 545). – Мельник был крепким парнем, как я знаю.

Важной также является обобщающая функция неопределенного артикля – указание на типичного представителя класса:

A man moot nedes love... (*The Knight's Tale*, 1169) – Человек нуждается в любви...

Употребление артикля в данной функции обусловлено замыслом автора, а именно, его желанием высказывать общие суждения о сущности людей, об окружающей действительности, обобщая человеческий опыт.

Как и в современном английском языке, неопределенный артикль мог выполнять числительную (numeric) функцию, при этом на первый план выходило значение единичности объекта:

Whan he endured hadde a yeer or two (*The Knight's Tale*, 1381). – Когда он терпел (один) год или два.

Таблица 1

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ЧАСТОТНОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ
ОСНОВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ
НЕОПРЕДЕЛЕННОГО АРТИКЛЯ

Семантическая функция	Номинативная	Классифицирующая	Обобщающая	Числительная
Относительная частотность употребления	48	41	7	4

Определенный артикль выполнял индивидуализирующую функцию. Как и в современном английском языке, он употреблялся с именами существительными, обозначающими объекты, единственные в своем роде, уникальные при данных обстоятельствах или известные говорящему и слушающему из предыдущего контекста / ситуации, ср.:

1. ...and the yonge sonne... (*The General Prologue*, 7) – и юное солнце...
2. Redde on his book, as he sat by the fire (*The Wife of Bath's Prologue*, 714). – Читал книгу, когда сидел у огня.

В ряде случаев определенный артикль выступает в родовой функции – используется для обозначения обобщенного образа класса объектов:

Of which vertu engendred is the flour (*The General Prologue*, 4). – Из силы которой появился цветок.

Как показывает анализ языкового материала, современное употребление определенного артикля в данной функции не являлось полностью сформированным (ср., например, употребление артиклей с названиями музыкальных инструментов):

And as wel koude he pleye on a giterne (*The Miller's Tale*, 3333). – И он также мог хорошо играть на гитаре.

При этом интересно отметить, что существительное *man*, как и в современном английском языке, в данной функции уже употреблялось с нулевым артиклем:

For slayn is man... (*The Knight's Tale*, 1309) – Ибо убивают человека...

ТИПЫ ОПРЕДЕЛЕНИЙ ПРИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОМ С АРТИКЛЕМ

В целом система определений, сформировавшаяся в среднеанглийский период, коррелирует с системой современного английского языка.

Следует отметить, что прилагательные в основном употреблялись в качестве описательных определений, что обусловлено замыслом автора, его целью охарактеризовать своих современников, описать их отличительные особенности.

Порядковые числительные, указывающие на порядок следования объектов, выступали в качестве лимитирующих определений:

It fel that in the seventhe yer (*The Knight's Tale*, 1462). – Случилось так, что на седьмой год.

В то время как употребления порядковых числительных в качестве описательных определений (в значении «еще один, дополнительный») зарегистрировано не было.

Придаточные определительные могли выступать как в качестве рестриктивных (содержащих существенную информацию об антецеденте), как и нерестриктивных (сообщающих дополнительную информацию, которую можно с легкостью изъять из предложения без нарушения его основного смысла) определений. Рестриктивные придаточные чаще всего выступали в качестве лимитирующих определений, выделяя объект из класса ему подобных, делая его уникальным:

The kynges sone, of which I yow tolde (*The Squire's Tale*, 657). – Сын короля, о котором я вам рассказывал.

Нерестриктивные придаточные всегда выступали в качестве описательных определений и не влияли на выбор артикля:

For he hadde founde a corn, lay in the yerd (*The Nun Priest's Tale*, 3175). – Так как он нашел зерно, лежавшее во дворе.

Фразы с предложением *of* могли выполнять функцию как дескриптивных, так и лимитирующих определений. Та или иная роль определялась их значением. Так, для лимитирующих определений были характерны такие значения, как «часть – целое», «носитель признака»:

The droghte of March... (*The General Prologue*, 2). – Засуху марта...

Дескриптивные фразы с предложением *of* чаще всего выражали такие значения, как «материал», «состав»:

1. And yet he hadde a thombe of gold (*The General Prologue*, 563). – И у него был золотой палец.
2. ...and theron stood a toft of herys (*The General Prologue*, 555). – ...и оттуда торчал пучок волос.

В качестве дескриптивных определений фразы с предложением *of* употреблялись также в том случае, если определяемое существительное обозначало один из множества объектов, соответствующих данному описанию:

That is a signe of kysyng (*The Miller's Tale*, 3683). – Это признак поцелуя.

УПОТРЕБЛЕНИЕ АРТИКЛЕЙ С РАЗЛИЧНЫМИ СЕМАНТИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

С неисчисляемыми вещественными существительными в номинативной функции, как и в современном языке, чаще всего употреблялся нулевой артикль. Однако отмечены и случаи употребления определенного артикля в подобных случаях (когда речь идет о веществе как о таковом):

...and as the gold it shoon (*The Miller's Tale*, 3314). – ...и сияли (волосы), как золото.

При этом следует учитывать, что отнесенность существительных к классу исчисляемых или неисчисляемых могла отличаться от той, которая закрепились в современном языке. Так, существительные, которые являются строго неисчисляемыми в современном английском, могли также употребляться в качестве исчисляемых, ср.:

1. Wel koude he stelen corn... (*The General Prologue*, 562). – Ловко он умел красть зерно...
2. For he hadde founde a corn, lay in the yerd... (*The Nun Priest's Tale*, 3175). – Так как он нашел зернышко, лежащее во дворе...

Стоит также отметить, что неисчисляемые вещественные существительные могли менять свое лексическое значение и обозначать сорт вещества. В подобных случаях нормой являлось употребление неопределенного артикля, как и в современном языке:

Of a clarree, maad of a certeyn wyn (*The Knight's Tale*, 1471). – Из шалфея, сделанного из определенного вина.

Неисчисляемые абстрактные существительные, как правило, употреблялись с нулевым артиклем:

Joye after wo, and wo after gladnesse (*The Knight's Tale*, 2841). – Радость после горя и горе после радости.

При этом для абстрактных существительных было характерно употребление неопределенного артикля в аспектной функции при наличии описательного определения, что соответствует нормам современного языка:

Thow hast a veyn ymaginacioun (*The Knight's Tale*, 1094). – У тебя пустое воображение.

Как вещественные, так и абстрактные неисчисляемые существительные могли употребляться с определенным артиклем в ограничительной

функции, если имя существительное обозначало вещество или абстрактное понятие, которые были ограничены посредством ситуации общения или ввиду наличия лимитирующего определения:

...the pitee that was ther (*The Knight's Tale*, 2832). – ...жалость, которая там присутствовала.

Выбор артикля с названиями частей дня часто зависел от предлога, что соответствует современным тенденциям:

1. At nyght was come into that holsterye... (*The General Prologue*, 23) – Ночью пришли в таверну...
2. the sterres in the froste nyght (*The General Prologue*, 268). – Звезды морозной ночью.
3. Upon a nyght in sleep... (*The Knight's Tale*, 1384). – Однажды ночью во сне...

В предикативной позиции при отсутствии определений употреблялся нулевой артикль в классифицирующей функции:

...whan it was nyght (*The Miller's Tale*, 3352). – ...когда была ночь.

Нулевой артикль употреблялся также при дескриптивном определении, что не соответствует нормам современного языка:

Fare wel, have good day (*The Knight's Tale*, 2740). – До свидания, хорошего дня.

При наличии лимитации, обусловленной контекстом или ситуацией, употреблялся определенный артикль:

The nyght was short... (*The Knight's Tale*, 1475). – Ночь была коротка...

В тех случаях, когда названия времени дня выступали в качестве подлежащих при глаголах и выражениях, обозначающих начало действия, с ними употреблялся нулевой или определенный артикль (в современном английском языке в подобных случаях закрепился нулевой артикль):

1. ...day bigan to sprynge (*The Knight's Tale*, 2209). – ...начался день
2. ...the day bigan to sprynge (*The General Prologue*, 346). – ...начался день.

В случае, если при названиях времени дня в качестве определения выступало местоимение *all*, наблюдались колебания в употреблении артиклей:

1. Al nyght I mette... (*The Miller's Tale*, 3864). – Всю ночь мне снилось...
2. ...slepen al the nyght then with open ye (*The General Prologue*, 10). – ...спят всю ночь с открытыми глазами.

Интересно отметить, что в классический среднеанглийский период в предложных сочетаниях наблюдается идиоматическое употребление с нулевым артиклем существительных, которые обозначали цель, для которой использовался определенный объект. Подобное употребление зафиксировано с существительными *church* и *prison*:

1. Go ber the man to chirche (*The Knight's Tale*, 2760). – Идите отнесите человека в церковь (имеется в виду, для отпевания).
2. But out of prison am astert... (*The Knight's Tale*, 1592). – Но из тюрьмы сбежал...

Употребление артиклей с именами собственными в целом соответствует современным нормам. С названиями стран и городов нормой являлся нулевой артикль:

And specially from every shires ende Of Engeland... (*The General Prologue*, 16). – И особенно, из каждой области Англии.

Однако особенности употребления артиклей с именами собственными в эпоху Дж. Чосера не могут считаться окончательно сформированными. Здесь наблюдаются колебания. Так, названия месяцев могли употребляться как в определенном артиклем или указательным местоимением в анафорической функции, так и с нулевым артиклем:

1. And fressher than the May with floures newe... (*The Knight's Tale*, 1037) – И свежее, чем месяц май с его вновь распустившимися цветами...

2. Whan that Aprill with his shoures soote... (*The General Prologue*, 1) – Когда апрель его сладкими ливнями...
3. ...the month of May (*The Franklin's Tale*, 928). – ...месяц май.

С названиями дней недели регулярно употреблялись артикли, что не соответствует нормам современного языка:

1. That on a Sondag weren upon hir heed (*The General Prologue*, 455). – Которые по воскресеньям были у нее на голове.
2. Been on the Sondag to the citee come (*The Knight's Tale*, 2188). – Приехал в город в субботу.

С именами людей также регулярно употреблялся нулевой артикль. При этом нулевой артикль использовался также в случаях, когда имени собственному предшествовало дескриптивное определение, что противоречит нормам современного языка:

And after that came woful Emilye (*The Knight's Tale*, 2910). – И после этого пришла несчастная Эмили.

При этом с именами людей, имеющих при себе определение, регулярно отмечаются случаи употребления указательных местоимений:

This parish clerk, *this joly Absolon* (*The Miller's Tale*, 2348). – Этот приходской клерк, веселый Абсолон.

Ниже приводятся обобщающие таблицы (см. табл. 2–4), отражающие сопоставление употребления артиклей в различных семантических функциях с разными лексико-грамматическими группами существительных в классический среднеанглийский период и в современном языке.

Таблица 2

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ

Лексико-грамматическая группа существительных	Семантическая функция артикля	Классический среднеанглийский период	Современный английский язык
Исчисляемые существительные	Номинативная функция	+	+
	Классифицирующая функция	+	+
	Обобщающая функция	+	+
	Числительная функция	+	+
Неисчисляемые абстрактные существительные	Аспектная функция (при наличии дескриптивного определения)	+	+
Имена людей	Аспектная функция (при наличии дескриптивного определения)	–	+

Таблица 3

НУЛЕВОЙ АРТИКЛЬ

Лексико-грамматическая группа существительного	Семантическая функция артикля	Классический среднеанглийский период	Современный английский язык
Неисчисляемые абстрактные существительные	Номинативная функция	+	+
	Классифицирующая функция	+	+
Неисчисляемые вещественные существительные	Номинативная функция	+	+
	Классифицирующая функция	+	+
Имена людей	Традиционное употребление артикля	+	+
Существительные типа <i>prison</i> и <i>church</i> в идиоматическом употреблении	Номинативная функция	+	+
Названия времени дня	Классифицирующая функция (в предикативной позиции без определений)	+	+
	Классифицирующая функция в предикативной позиции (при наличии дескриптивного определения)	+	–
	Номинативная функция	+ при этом с глаголами начала действия также мог использоваться определенный артикль	+

Таблица 4

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ АРТИКЛЬ

Лексико-грамматическая группа существительного	Семантическая функция артикля	Классический среднеанглийский период	Современный английский язык
Исчисляемые существительные	Индивидуализирующая функция	+	+
	Родовая функция	+	+
Неисчисляемые абстрактные существительные	Ограничительная функция	+	+
Неисчисляемые вещественные существительные	Ограничительная функция	+	+
	Семантическая функция, близкая к номинативной (для обозначения вещества как такового)	+	–
Названия месяцев	Традиционное употребление артиклей	+	–
Названия времени дня	Ограничительная функция	+	+

**УПОТРЕБЛЕНИЕ АРТИКЛЕЙ
С СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В РАЗНЫХ
СИНТАКСИЧЕСКИХ ПОЗИЦИЯХ**

Употребление артиклей с существительными в предикативной позиции в целом соответствует общим правилам. Однако артикль в данной

позиции мог опускаться (см. раздел «Общие закономерности употребления артиклей»). При этом, если предикативное существительное обозначало уникальную позицию, регулярно использовался нулевой артикль, что коррелирует с его употреблением в современном английском языке:

Of Atthens he was lord and governour (*The Knight's Tale*, 861). – Он был царем и правителем Афин.

В функции постпозитивного приложения при обозначении уникальной позиции в подобных случаях, как правило, использовался определенный артикль:

And sente anon Yipolita the queene (*The Knight's Tale*, 971). – И тотчас послал Ипполиту, королеву.

С именами с существительными в функции необособленной (препозитивной) аппозиции употреблялся определенный артикль:

Upon the tiraunt Creon hem to wreke (*The Knight's Tale*, 961). – Отомстить тирану Креону.

При этом определенный артикль использовался в данной функции и с существительными, обозначающими звание, титул или близкое родство, что не соответствует нормам современного языка:

And weddede the queene Yipolita (*The Knight's Tale*, 868). – И женился на королеве Ипполите.

Что касается употребления артиклей с существительными в родительном падеже, очевидно, что характерная для современного английского языка дифференциация между конкретизирующим и классифицирующим родительным падежом в среднеанглийский период еще не сформировалась. Как известно, в современном языке, если существительное в родительном падеже относится к конкретному объекту, артикль употребляется со словом в данном падеже. Если существительное в родительном падеже обозначает класс объектов, артикль обычно относится к главному слову. В произведениях Чосера артикль при существительных в родительном падеже всегда относился к определяемому слову:

He is a kynges brother sone... (*The Knight's Tale*, 3084). – Он сын брата короля...

В параллельных структурах, как и в современном английском, использовался нулевой артикль:

Thus passeth yeer by yeer and day by day (*The Knight's Tale*, 1033). – Это происходит год за годом, день за днем.

Нулевой артикль также использовался с существительными, которые были соединены соотносительными союзами *either or* и *neither nor*, что нехарактерно для современного языка:

He nolde avalen neither hood ne hat (*The Miller's Prologue*, 3122). – Он не носил ни капюшон, ни шляпу.

Существительные, соединенные союзами *and* или *or* и при этом образовавшие тесное семантическое единство, употреблялись с нулевым артиклем:

For hym ther wepeth bothe child and man (*The Knight's Tale*, 2830). – По нему плачет и ребенок, и взрослый.

Для классического среднеанглийского периода было характерно традиционное употребление артиклей в устойчивых выражениях:

Wheither seistow this *in earnest or in pley*? (*The Knight's Tale*, 1125). – Говоришь ли ты это серьезно или в шутку?

При этом сложившиеся в классический среднеанглийский период традиции употребления артиклей в устойчивых выражениях могли отличаться от норм современного языка:

And at the laste he took conclusioun... (*The Knight's Tale*, 2857). – В конце концов он пришел к выводу... (*cp. совр. at last*).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ функционирования артиклей в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера позволяет сделать вывод, что к XIV веку (в классический среднеанглийский период) артикль как служебная часть речи был полностью сформирован. Причины развития артиклей связаны с разрушением старой системы склонения прилагательных (противопоставления сильных и слабых словоизменительных форм), которая в древнеанглийском выражала значения определенности – неопределенности, а также закреплению фиксированного порядка слов, который уже не мог использоваться для коммуникативных целей (выражения ремы – центра высказывания, сообщаемого).

В рассматриваемый период неопределенный артикль уже полностью обособился от числительного *one*, в то время как определенный артикль еще сохраняет некую связь с указательными местоимениями, которые продолжают широко употребляться в анафорической функции, унаследованной от древнеанглийского периода. Материально выраженные артикли, как правило, употреблялись со всеми исчисляемыми существительными, но могли опускаться после предлогов или в предикативной позиции. Особенности

употребления форм неопределенного артикля отличались от современных норм.

Семантические функции артиклей в основном соответствовали тем, которые закрепились в современном английском языке. Так, неопределенный артикль выполнял номинативную, классифицирующую, обобщающую и числительную функции. Частотность тех или иных функций могла быть обусловлена замыслом автора или особенностями развития сюжета. Определенный артикль выступал в индивидуализирующей, ограничительной и родовой функциях.

Употребление артиклей с теми или иными семантическими классами существительных, а также

в определенных синтаксических позициях отличалось от тенденций, характерных для современного английского языка. Прежде всего, речь идет об использовании артиклей с вещественными существительными, именами собственными, с существительными в аппозиции, а также выборе артиклей в устойчивых выражениях.

Дальнейшая перспектива настоящего исследования состоит в изучении употребления артиклей в ранненовоанглийский период с различными семантическими группами существительных и с именами существительными в различных синтаксических позициях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ringe, D. From Proto-Indo-European to Proto-Germanic: A Linguistic History of English. (Second ed.). Vol. 1. Oxford: Oxford University Press, 2017.
2. Самигуллина Г.А. Категория детерминации в артиклевых и безартиклевых языках // Новая парадигма социально-гуманитарного знания: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 29 декабря 2017 г.: в 6 ч. / под общ. ред. Е. П. Ткачевой. Белгород: Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. Часть I. С. 85–88.
3. Бармина Л. А., Верховская И. П. Практикум по английскому языку: артикли : учеб. пособие для вузов. М.: АСТ, 2000.
4. Огуречникова Н. Л. Английский артикль: к вопросу о количественности в языковом мышлении. М.: Наука, 2006.
5. Пименова Н. Б. Предартиклевые употребления протоартикла *se* в древнеанглийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2023. Vol. 19.1. P. 230–255.
6. The Cambridge History of the English language / N. Blake (ed.). Vol. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 1066–1476.
7. Иванова И. П. Хрестоматия по истории английского языка: пособие для студентов пед. ин-тов. Л.: Просвещение, 1973.
8. Смирницкий А. И. Древнеанглийский язык. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова. Филологический факультет, 1998.
9. Rastorgueva T. A. A History of English. Moscow: Vysšaja škola, 1983.
10. Denison D. English Historical Syntax: Verbal Constructions. London: Longman, 1993.

REFERENCES

1. Ringe, D. (2017). From Proto-Indo-European to Proto-Germanic: A Linguistic History of English (vol. 1). Second ed. Oxford: Oxford University Press.
2. Samigullina, G. A. (2018). Kategoriya determinatsii v artiklevykh i bezartiklevykh yazykakh = The category of determination in article- and non-article languages. (pp. 85–88): The digest of articles of an international scientific and practical conference. (In Russ.)
3. Barmina, L. A., Verhovskaya, I. P. (2000). Praktikum po angliiskomu yazyku: artikli = Learning to use articles: a handbook for universities. Moscow: AST. (In Russ.)
4. Ogurechnikova, N. L. (2006). Angliiskii artikl': k voprosu o kolichestvennosti v yazykovom myshlenii = The English article: on the issue of quantity in linguistic thinking. Moscow: Nauka. (In Russ.)
5. Pimenova, N. B. (2023). Predartiklevye upotrebleniya protoartiklya "se" v drevneangliiskom yazyke = Pre-article use of the protoarticle 'se' in Old English (pp. 230–255): Proceedings of the Institute of Linguistic Research. (In Russ.)
6. Blake, N. (Ed.). (2006). The Cambridge History of the English language (vol. 2, pp. 1066–1476). Cambridge: Cambridge University Press.

7. Ivanova, I. P. (1973). Khrestomatiya po istorii angliiskogo yazyka = A reader in the history of English: a handbook for students of pedagogical faculties. Leningrad: Prosveshchenie. (In Russ.)
8. Smirnickij, A. I. (1998). Drevneangliiskii yazyk = The old English language. Moscow: Lomonosov Moscow State University. The faculty of philology. (In Russ.)
9. Rastorgueva, T. A. (1983). A History of English. Moscow: Vysšaja škola.
10. Denison, D. (1993). English Historical Syntax: Verbal Constructions. London: Longman.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Павлова Елена Борисовна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavlova Elena Borisovna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of Grammar and History of the English Language

Faculty of the English language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	15.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Концептуализация пейоративных зоометафор в американской лингвокультуре

О. В. Смурова

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
olsmurova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются функционирующие в американской лингвокультуре конвенциональные зоометафоры с негативной окраской. Цель работы – исследовать когнитивный механизм актуализации пейоративных оценочных смыслов в высказываниях, содержащих такие метафоры. Основываясь на достижениях аксиологии и когнитивной теории метафоры, автор описал механизм образования зоометафор и проанализировал взаимодействие оценочных и метафорических смыслов в высказывании. В работе используются следующие методы: контекстуальный анализ, когнитивный анализ и метод количественных подсчетов. Материалом исследования послужили примеры, полученные методом сплошной выборки из Корпуса современного американского английского. Результат исследования – выявление нескольких этапов переноса свойств из одной сферы в другую, включающих разные типы концептуальных проекций.

Ключевые слова: «Люди – животные», идеализированная когнитивная модель, «Великая цепь бытия», метафора, метонимия, оценка, взаимодействие

Для цитирования: Смурова О. В. Концептуализация пейоративных зоометафор в американской лингвокультуре // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 87–93.

Original article

Conceptualization of Pejorative Zoometaphors in American English Linguoculture

Olga V. Smurova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
olsmurova@yandex.ru

Abstract. The article examines conventional zoometaphors with negative connotations functioning in American English linguoculture with the aim to study the cognitive mechanism of actualization of pejorative evaluative meanings in statements containing such metaphors. Based on the achievements of axiology and the cognitive theory of metaphor, the author describes the mechanism of zoometaphor formation and analyzes the interaction of evaluative and metaphorical meanings in an utterance. The following methods are used in the work: contextual analysis, cognitive analysis and the method of quantitative calculations. The research material is based on examples obtained by continuous sampling from the Corpus of Contemporary American English. The result of the study is the identification and substantiation of the cognitive mechanism of zoometaphor formation, which includes several stages and several types of conceptual projections.

Keywords: “People are animals”, idealized cognitive model, “Great Chain of Being”, metaphor, metonymy, evaluation, interaction

For citation: Smurova, O. V. (2025). Conceptualization of pejorative zoometaphors in American English linguoculture. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 87–93. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Зооморфизмы связаны с культурно-национальными стереотипами, которые при использовании в речи отражают менталитет, характерный для определенной лингвокультурной общности. Несмотря на конвенциональность таких метафор, они обладают значительной эмоциональной силой, что придает им ярко выраженный оценочный характер. Настоящее исследование ставило целью вскрытие когнитивного механизма актуализации оценочных смыслов в высказываниях с негативной коннотацией, в составе которых имеются зоометафоры. Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- 1) определить, какие ассоциации вызывают те или иные зооморфизмы в американской лингвокультуре;
- 2) выделить зооморфизмы, ассоциирующиеся с негативными характеристиками;
- 3) провести анализ употребления выбранных лексических единиц в контексте;
- 4) определить место средств выражения оценки в структуре метафоры;
- 5) выявить особенности взаимодействия метафорических и оценочных смыслов.

В соответствии с поставленными задачами основным методом исследования стал контекстуальный анализ. При исследовании этапов образования зоометафор мы воспользовались методом когнитивного анализа. Теоретической базой исследования послужили классические работы по когнитивной теории метафоры, а также труды отечественных лингвистов по теории оценки. Обзор научной литературы по проблематике мы представим в соответствующих разделах ниже.

Актуальность работы обусловлена интересом современной когнитивной лингвистики к исследованию связей между оценочными и метафорическими значениями, которые позволят раскрыть особенности ценностной ориентации определенных лингвокультурных сообществ и глубже понять динамику изменений в языковых нормах под влиянием социокультурных факторов. Выявление и обоснование этапов образования метафор, сочетающих несколько типов концептуальных проекций, представляют несомненный научный интерес и обеспечивают новизну исследования. Практическая ценность работы заключается в том, что связи между оценкой и метафорой находятся на стыке лингвистики, психологии, когнитивистики и культурологии, что делает их изучение важным для комплексного понимания взаимосвязи языка и мышления.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕОРИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Антропоцентрический подход к изучению языка прежде всего акцентирует внимание на лингвистических категориях, которые тесно связаны с личным опытом, восприятием и внутренним миром говорящего. Эти категории способствуют переходу от когнитивного восприятия к дискурсивному использованию языковых средств. Одной из таких категорий выступает лингвистическая категория оценки. Оценка – это «связь, устанавливаемая между ценностной ориентацией говорящего / слушающего и обозначаемой реалией (точнее – каким-либо свойством или аспектом рассмотрения этой реалии), оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию (эмоциональному, этическому, утилитарному и т. п.) в соответствии со “стандартом” бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия, 1986, с. 22–23]. По мнению В. Н. Телия, оценка является не только (и не столько) отражением личного мнения, но и важным инструментом, с помощью которого осуществляется взаимодействие между говорящим и слушающим, а также формируется социальное пространство общения. Оценка служит основой для осознания различных явлений и отношений в окружающем мире.

Н. Д. Арутюнова утверждает, что оценки могут быть связаны с различными аспектами человеческого опыта, такими как чувственный, психический, рациональный, а также практический [Арутюнова, 1988]. Оценка может быть выражена через различные языковые средства – лексические, синтаксические, фонетические или стилистические, однако ее характер определяется не отдельными компонентами, а целостной структурой высказывания [Вольф, 2002]. Оценочные высказывания могут использовать метафоры, сравнивая объект оценки с чем-то из другой семантической области.

ОБЗОР НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

В рамках когнитивного подхода метафора рассматривается как средство познания и организации действительности, играющее важную роль в процессах мышления. Одной из первых и ключевых работ в этой области стала книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors we live by» [Lakoff, Johnson, 1980]. Авторы утверждают, что метафора является когнитивным инструментом, который организует наше мышление и формирует язык. Метафоры как языковые конструкторы возможны только потому, что

они существуют в понятийной системе человека. Согласно теории концептуальной метафоры, метафоризация представляет собой взаимодействие между двумя концептуальными доменами: сферой-источником и сферой-мишенью. В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) элементы сферы-источника (source domain) хорошо известные человеку, помогают структурировать менее понятную или более сложно организованную сферу-мишень (target domain). Таким образом, концептуальные метафоры обеспечивают «понимание одного концептуального поля в терминах другого концептуального поля» [Lakoff, Johnson, 1980, с. 65], при этом метафорические соответствия между двумя концептуальными полями согласуются с базовыми ценностями носителей определенного языка и культуры.

Концептуальные метафоры могут создавать сложные многоуровневые иерархии, где проекции наследуются на разных уровнях. Кроме того, существуют метафоры более высокого уровня абстракции, чьи проекции переходят в более конкретные. В работе Дж. Лакоффа «Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind» описаны ментальные структуры гештальтной природы, которые организуют наше понимание и восприятие мира, которые автор назвал идеализированными когнитивными моделями (ИКМ). Они представляют собой способ, с помощью которого мозг упорядочивает информацию и формирует концепты, связывая их с нашим опытом и знаниями [Lakoff, 1986].

Позднее Дж. Лакофф и М. Тернер разработали идеальную когнитивную модель, которую они назвали «Великой цепью бытия» («The Great Chain of Being») [Lakoff, Turner, 1989]. Она выстраивает различные формы бытия (естественные физические объекты, сложные объекты, растения, животных, человека) в виде иерархической цепи, построенной на свойствах и особенностях поведения каждой формы, при этом каждый следующий уровень концептуализируется в терминах предыдущего. Так, человеческие свойства могут быть описаны через метафоры, связанные с животным миром, т. е. уровень «животные» выступает как сфера-источник для концептуализации сущностных свойств человека. Как пишет З. Кёвечеш, «much of human behavior seems to be metaphorically understood in terms of animal behavior» [Kövecses, 2010, с. 152] (Многое в поведении человека, по-видимому, метафорически понимается в терминах поведения животных¹). Иными словами, в основе понимания человеческих качеств и поведения через атрибуты и поведение животных лежит очень общая концептуальная

метафора «Люди – животные» и связанная с ней разветвленная система субметафор. Очевидно, что общая метафора носит универсальный характер, но в какой степени обладают свойством универсальности субметафоры? Как считает З. Кёвечеш, универсальными являются когнитивные операции, которые мы используем, поскольку все люди способны их выполнять. Однако концептуальные системы значительно различаются между различными культурами [Kövecses, 2014]. Объектом данного исследования послужили пейоративные оценочные высказывания, содержащие субметафоры общей концептуальной метафоры «Люди – животные», характерные для американской лингвокультуры.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЛЮДИ – ЖИВОТНЫЕ» В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Обсуждая функционирование концептуальной метафоры «Люди – животные» в американской лингвокультуре, З. Кёвечеш приходит к выводу, что ее можно переформулировать как «нежелательные люди – это животные» (objectionable people are animals), поскольку смысловым центром большинства метафор о животных в американской лингвокультуре служит понятие нежелательности (objectionability or undesirability) [Kövecses, 2010, с. 153]. В работе психологов Р. Соммера и Б. Соммер были выделены животные, которые никогда не вызывают положительных ассоциаций у носителей английского языка, ими оказались *donkey* (осел), *pig* (свинья), *rat* (крыса), *skunk* (скунс) и *snake* (змея) [Sommer, Sommer, 2011]. Очевидно, что качества человека, ассоциирующиеся с этими животными, будут относиться к отрицательным. Действительно, согласно этимологическому словарю зоологических метафор,² называть кого-то *donkey* (ослом) означает считать человека дураком или болваном (a blockhead or fool); *pig* (свинья) – это грязный, неряшливый или прожорливый человек (a dirty, slovenly, or gluttonous person); *rat* (крыса) – презираемый человек или доносчик (a despised person; an informer); *skunk* (скунс) – это подлый и ненавистный человек (a mean and hateful person); человек, характеризующийся как *snake* (змея) лжив и беспринципен (a deceitful and unprincipled person).

В языковой картине мира особое значение имеет система ценностей, которая включает этические нормы, моральные принципы и правила поведения. Ценностная картина мира в языке проявляется через взаимосвязанные оценочные суждения,

¹Зд. и далее перевод наш. – О. С.

²Palmatier R. Speaking of Animals: A Dictionary of Animal Metaphors, 1995.

содержащие метафоры, в том числе и метафоры ИКМ «Великая цепь бытия», к которой относится обширная система субметафор общей концептуальной метафоры «Люди – животные». Такие оценочные суждения отражают и фиксируют социальные, этические и эстетические ценности той или иной лингвокультуры.

Опираясь на методику поиска и анализа метафор в корпусах текстов, описанную в работе А. Стефановича «Corpus linguistics: A guide to the methodology» [Stefanowitsch, 2020], мы проанализировали частоту встречаемости конвенциональных зоометафор, связанных с самыми частотными негативными характеристиками, перечисленными выше, методом сплошной выборки в разделе «Fiction» Корпуса современного американского английского (Corpus of Contemporary American English, сокр. COCA). Самой высокой частотой встречаемости отличается субметафора «Man is a Pig» (47 примеров), а самой низкой – «Man is a Donkey» (22 примера). Субметафоры «Man is a Rat», «Man is a Skunk» и «Man is a Snake» занимают промежуточное положение (39, 33 и 27 примеров соответственно). Высокая частотность употребления упомянутых выше зоометафор носителями английского языка (о чем напрямую свидетельствует их конвенциональность), показывает, что качества человеческой личности, которые отражаются в этих метафорах, более всего порицаются в американской лингвокультуре. Первое место среди таких качеств занимают неряшливость, ненасытность, подлость, лживость, беспринципность и глупость. Заметим, что почти все эти характеристики относятся к ингерентным морально-нравственным качествам, с внешним обликом связана только неряшливость. Из этого можно сделать вывод, что в американской лингвокультуре осуждению подвергаются, главным образом, негативные характеристики человека, связанные с его поведением в социуме, а не с его внешним обликом.

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ЗООМЕТАФОР

Описывая ИКМ «Великая цепь бытия», Дж. Лакофф и М. Тернер отмечают, что каждая сущность, входящая в эту модель, обладает особым свойством, которое авторы называли квинтэссенцией (the quintessential property) [Lakoff, Turner, 1989, с. 196]. Такое свойство является либо прототипическим для той или иной сущности, либо наиболее характерным для нее. ИКМ «Великой цепи бытия» сочетает два типа концептуальных проекций: свойства и особенности поведения животных метафорическим переносом концептуализируются

в терминах, характерных для человека, а затем с помощью другой метафоры возвращаются к людям. Так, в американской лингвокультуре люди приписывают свиньям ненасытность (insatiability), полагая ее наиболее типичным свойством этих животных, и уже другая метафора проецирует ненасытность, как неотъемлемое свойство этого животного (в представлении человека), на человеческие качества. Ненасытность подразумевает неутолимую жажду большего, будь то еда, богатство или власть. Человек, которого сравнивают со свиньей, чрезмерно зависит от своих желаний и не может контролировать свои аппетиты.

Исследуем когнитивный механизм образования зоометафор на примере субметафоры «Man is a Pig», отличающейся самой высокой частотностью из проанализированных нами субметафор. Ее образование включает несколько этапов.

На первом этапе сфера-источник соответствует человеку, а целевой домен – животным, в частном случае это животное – *pig* (свинья). Человеческая особенность (ненасытность) обнаруживается в исходном домене и сопоставляется с той же характеристикой в целевом домене (сфере-мишени). На этом этапе возникают метафоры типа *pig out* (есть много и с жадностью). Этот тип метафоры подчеркивает ту же особенность, т. е. ненасытность.

На втором этапе сферой-источником оказывается уже домен, в котором помещается животное, а сферой-мишенью становится человек. На этом этапе учитываются уже и другие характеристики животного, а не только ненасытность. В случае свиньи это оказываются обжорство и жадность, напрямую связанные с ненасытностью, а также неряшливость, упрямство, грубость, отсутствие утонченности и эгоизм. Приведем примеры высказываний, в которых зоометафора «Man is a Pig» используется, чтобы охарактеризовать не ненасытного, а упрямого и грубого, эгоистичного, лишенного благородства человека:

He can be *quite pig-headed* when it comes to his opinions (COCA).

Tom was a brute, *a pig in his manners*, treating everyone around him with disdain (COCA).

В переносе таких качеств, как неряшливость, грубость, упрямство и, особенно, отсутствие утонченности и эгоизм, которые не имеют четкой корреляции с ненасытностью, участвует другой механизм. Таким механизмом служит метонимическая проекция, представляющая собой когнитивный процесс, в ходе которого одна концептуальная сущность – оболочка (vehicle) предоставляет мысленный доступ к другой концептуальной сущности – цели

(target) в рамках одной и той же идеализированной когнитивной модели [Radden, Kövecses, 1998]. Как показали Ф. Х. Руис де Мендоса и О. И. Диез, концептуальная метафора и метонимия способны взаимодействовать [Ruiz de Mendoza, Díez, 2002]. На третьем этапе в целевом домене метафорической проекции образ жадного, неряшливого, грубого, лишенного утонченности эгоистичного человека метонимически сопоставляется с ненасытностью. В данном случае эта характеристика выступает как оболочка (vehicle), предоставляющая доступ к ассоциированным с ней потенциальным характеристикам: неряшливости, грубости, упрямству, отсутствию утонченности и эгоизму.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОЦЕНКИ И МЕТАФОРЫ

Исследование когнитивного механизма образования зоометафор показало, что процесс сопряжен с образованием ряда ассоциаций, связанных с потенциальными признаками сферы-мишени. Метафоризованные оценки, ярко квалифицируя объект оценки с аксиологической точки зрения, не нуждаются в уточнениях, в то время как неметафоризованные формы оценочных суждений требуют дополнительного объяснения [Кулешова, Смурова, 2024]. Однако в высказываниях оценочные элементы могут сочетаться с метафорой. В этом случае прямые оценочные элементы интенсифицируют оценку, имплицированную в зоометафоре:

"Just can't think what *lowdown dirty skunk* would *sneak* in here while y'all were at church yesterday and do this," rasped C.W. (COCA).

Оценочные слова *lowdown* и *dirty* в данном высказывании усиливают негативный характер высказывания, придавая ему дополнительную эмоциональную окраску. Слово *lowdown* (бесчестный, низкий) часто используется для описания кого-то, кто ведет себя подло, имеет нехорошие намерения или низкие моральные качества. Оно создает образ предательства и низости. Слово *dirty* (грязный), которое в этом высказывании употребляется метафорически, поскольку не относится к физической грязи, а используется для описания человека, который совершил подлый поступок, создает представление о том, что действия человека были не только аморальными, но и отвратительными. Слово *sneak* (проскользнуть) в данном контексте также имеет негативную окраску. Оно предполагает скрытность, хитрость и обман и создает ассоциации с предательством, подразумевая, что кто-то делает что-то неправомерное или неприемлемое, стараясь

избежать обнаружения. Вместе с зоометафорой все эти средства создают образ злого и подлого человека, который совершает недостойный поступок, что усиливает общее негативное восприятие ситуации и помогает подчеркнуть гнев и возмущение говорящего по поводу произошедшего. Таким образом, в рассмотренном примере прямые оценочные слова и метафорически выраженная оценка согласуются друг с другом, создавая яркую негативную окраску высказывания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать некоторые выводы.

1. Оценка человеческих качеств через особенности поведения животных основана на очень общей концептуальной метафоре «Люди – животные». Связанные с ней субметафоры образуют разветвленные концептуальные системы, которые существенно различаются в разных лингвокультурах. В основе большинства метафор о животных в американской лингвокультуре находится концепт нежелательности, при этом осуждению подвергаются в основном негативные характеристики человека, связанные с его поведением в обществе, а не его внешний вид.
2. «Великая цепь бытия» – идеализированная когнитивная модель, к которой принадлежат зоометафоры, сочетает в себе два типа концептуальных проекций: 1) какие-либо свойства животных концептуализируются метафорически в терминах, характерных для людей, т. е. человек служит сферой-источником метафоры; 2) на втором этапе направление переноса меняется на противоположное: сферой-источником оказывается уже животное, к его исходным характеристикам добавляются и ассоциированные с ними поведенческие особенности, которые с помощью другой метафорической проекции возвращаются к людям.
3. В образовании зоометафор принимает участие метонимический перенос. Концептуальные метафора и метонимия взаимодействуют. При их взаимодействии ключевая характеристика животного, которая сама является результатом метафорической проекции с человека как сущности, расположенной выше животных в «Великой цепи бытия», выступает как оболочка (vehicle), предоставляющая доступ

к ассоциированным с ней потенциальным характеристикам.

4. В высказываниях оценочные элементы могут сочетаться с метафорой. В этом случае прямые оценочные элементы интенсифицируют оценку, имплицированную в зоометафоре.

Перспектива исследования включает несколько направлений: во-первых, анализ способов

взаимодействия метафоры и метонимии при образовании зоометафор, построенных на глагольной основе (например, *to pig out*, *to wolf down*, *to dog someone*); во-вторых, выявление роли контекста в интерпретации оценки, содержащейся в метафорических высказываниях, и, в-третьих, проведение сравнительного анализа знака зоометафор как в вариантах английского языка, так и в различных языках.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986.
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
3. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
5. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1986.
6. Lakoff G., Turner M. *More than cool reason. A field guide to poetic metaphor*. Chicago: Chicago University Press, 1989.
7. Kövecses Z. *Metaphor: A practical introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
8. Kövecses Z. *Creating metaphor in context* // *International journal of language and culture*. 2014. № 1 (1). P. 21–41.
9. Sommer R., Sommer B. A. *Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality* // *Anthrozoös: A multidisciplinary journal of the interactions of people and animals*. 2011. № 24 (3). P. 237–248.
10. Stefanowitsch A. *Corpus linguistics: A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press, 2020.
11. Radden G., Kövecses Z. *Towards a Theory of Metonymy* // *Metonymy in Language and Thought* / Ed. by K.-U. Panther, G. Radden. Amsterdam: John Benjamins Publishing, 1999. P. 17–59.
12. Ruiz de Mendoza Ibáñez F. J., Díez Velasco O. I. *Patterns of conceptual interaction* // *Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast* / Ed. by R. Dirven, R. Pörrings. Berlin – New York: Mouton, 2002. P. 489–532.
13. Кулешова Д. Ю., Смурова О. В. Модели метафоризации оценочных значений // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. Вып. 8 (889). С. 85–91.

REFERENCES

1. Teliya, V. N. (1986). *Konnotativnyi aspekt semantiki nominativnykh edinit* = The connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Arutyunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* = Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact. Moscow: Nauka. (In Russ.)
3. Wolf, E. M. (2002). *Funktsionalnaya semantika otsenki* = Functional semantics of evaluation. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
4. Lakoff, G., Johnson, M. (1980). *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
5. Lakoff, G. (1986). *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago & London: The University of Chicago Press.
6. Lakoff, G., Turner, M. (1989). *More than cool reason. A field guide to poetic metaphor*. Chicago: Chicago University Press.
7. Kövecses, Z. (2002). *Metaphor: A practical introduction*. Oxford: Oxford University Press.
8. Kövecses, Z. (2014). *Creating metaphor in context*. *International journal of language and culture*, 1(1), 21–41.
9. Sommer, R., Sommer, B. A. (2011). *Zoomorphy: Animal Metaphors for Human Personality*. *Anthrozoös: A multidisciplinary journal of the interactions of people and animals*, 24(3), 237–248.
10. Stefanowitsch, A. (2020). *Corpus linguistics: A guide to the methodology*. Berlin: Language Science Press.
11. Radden, G., Kövecses, Z. (1999). *Towards a Theory of Metonymy*. In Panther, K.-U., Radden, G. (Eds.), *Metonymy in Language and Thought* (pp. 17–59). Amsterdam: John Benjamins Publishing.

12. Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J., Díez Velasco, O. I. (2002). Patterns of conceptual interaction. In Dirven, R., Pörings, R. (Eds.), Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast (pp. 489–532). Berlin & New York: Mouton.

13. Kuleshova, D. Yu., Smurova, O. V. (2024). Metaphorization Models of Evaluative Statements. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 8(889), 85–91. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смурова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук
доцент кафедры грамматики и истории английского языка
факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smurova Olga Vladimirovna
PhD (Philology)
Associate Professor at the Department of English Grammar and the History of the English Language
Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	22.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	14.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Междисциплинарность в современной исследовательской практике (на материале предметной области «Языкознание»)

Т. С. Сорокина

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sotan1462116@gmail.com

Аннотация. Цель данной работы: на основании обзора современных отечественных разработок проблематики междисциплинарности предложить алгоритм формирования методологии конкретного междисциплинарного исследования. Используется метод описания, предполагающий конструктивный анализ и оценку современного состояния постоянно развивающегося научного знания в предметной области «Языкознание». В статье представлены базовые положения междисциплинарности, являющиеся результатом предшествующих дискуссий; примерами из современной исследовательской практики иллюстрируется тип междисциплинарности, возникающий на стыке родственных языкознанию наук; предлагается алгоритм формирования методологии междисциплинарного исследования; делается вывод об определяющей роли антропоцентризма для всех компонентов алгоритма.

Ключевые слова: междисциплинарность, антропоцентризм, парадигма, диахроническая концептология, алгоритм формирования методологии междисциплинарного исследования

Для цитирования: Сорокина Т. С. Междисциплинарность в современной исследовательской практике (на материале предметной области «Языкознание») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 94–99.

Review article

Interdisciplinary Approach in Modern Linguistic Research

Tatiana S. Sorokina

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sotan1462116@gmail.com

Abstract. The aim of the article is a review of modern local developments in the field of interdisciplinarity and an algorithm for shaping methodology of a particular interdisciplinary research study. A method of descriptive review is used, which implies constructive analysis and evaluation of the constantly developing cognition in linguistics. The article presents key points of interdisciplinarity resulting from previous discussions, illustrates interdisciplinarity of related linguistic disciplines by instances of modern linguistic studies, proposes an algorithm for providing methodology of interdisciplinary research. An assumption is made about the determining role of anthropocentrism for all the components of the algorithm.

Keywords: interdisciplinarity, anthropocentrism, paradigm, diachronic conceptology, algorithm for construing methodology of an interdisciplinary research

For citation: Sorokina, T. S. (2025). Interdisciplinary approach in modern linguistic research. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 94–99. (In Rus.)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время распространение междисциплинарных исследований в языкознании приобрело характер устойчивой тенденции. Междисциплинарность оказалась реакцией на смену ведущей научной парадигмы: смещение интереса в область антропоцентризма потребовало многофакторности интерпретации результатов анализа. Разнообразие сочетаний дисциплин вызвало к жизни попытки установить статус (роль, формы и степени) междисциплинарности, упорядочить номенклатуру дисциплин и базовую терминологию, выявить соотношение междисциплинарности и полипарадигмальности.

Возрастающая потребность в междисциплинарных штудиях выявила необходимость упорядочивания как базовых положений, так и взаимосвязи и взаимозависимости составляющих методологии отдельного исследования.

Поставленная цель потребовала решения следующих исследовательских задач:

- 1) выявить базовые положения междисциплинарности в современной лингвистике;
- 2) иллюстрировать ключевые положения Междисциплинарности I типа (на стыке дисциплин, родственных лингвистике) как наиболее распространенного в современной исследовательской практике;
- 3) сформулировать возможный алгоритм, действием которого регулируется методология конкретного междисциплинарного исследования.

Материалом для обзорного исследования послужили теоретические работы отечественных лингвистов последних десятилетий. Для иллюстрации ключевых положений междисциплинарности и выявления оснований для построения алгоритма использовались материалы кандидатских диссертаций (работы молодых ученых Московского государственного лингвистического университета за 2022–2024 гг.).

ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ. ДИСКУССИЯ

Результаты имеющихся на сегодняшний день разработок в области методологии позволили выделить основные положения.

1. В настоящее время приняты разные определения междисциплинарности, но в основе лежит идея взаимодействия двух или нескольких дисциплин, привлечение фактов из других наук для объяснения данных

анализа. Результатом предшествующих дискуссий о фундаментальных вопросах лингвистики стало зарождение и (или) развитие новых, междисциплинарных по своей природе, лингвистических отраслей. Сюда можно отнести социолингвистику, психолингвистику, этнолингвистику, когнитивную лингвистику, позднее лингвокультурологию и лингвоконцептологию, а также корпусную лингвистику.

2. Традиционно междисциплинарные связи лингвистики прослеживаются в области гуманитарных наук, однако в настоящее время наблюдается сближение лингвистики с естественными науками. Отсюда появление таких дисциплин, как математическая лингвистика, лингвистическая статистика, компьютерная лингвистика.
3. Предлагается различать типы междисциплинарности: Междисциплинарность I типа, возникающую, как правило, на стыке родственных наук – лингвистики и литературоведения, лингвистики и культурологии и т. п.; Междисциплинарность II типа, когда происходит взаимодействие лингвистики и неродственных ей наук – экономики, нейронаук, компьютерных наук и т. п. По результатам анализа конкурсных исследовательских работ молодых ученых в 2010–2015 годов, проведенного в рамках проекта Пермского государственного национального исследовательского университета [Междисциплинарность и полипарадигмальность в современной лингвистике, 2017], наибольший удельный вес имеют работы, относящиеся к Междисциплинарности I типа.
4. Комплексная методика исследования определяется выбором теорий, входящих в полипарадигмальный ряд, и целями конкретного исследования. Полипарадигмальность обычно понимается как синтез / интегративность разных исследовательских парадигм в ограниченной предметной области.
5. Парадигмальность имеет дело с уже сформированными и общепризнанными «моделями постановки проблем и их решений» [Кун, 1977, с. 11], действующими в рамках данной предметной области, а значит, контекст использования некоторого термина ограничивается рамками научной дисциплины. Таким образом, «междисциплинарность ставит проблему внешних, а полипарадигмальность

- внутренних границ лингвистики» [Междисциплинарность и полипарадигмальность в современной лингвистике, 2017, с. 987].
6. Проекты, ставящие целью многоуровневый анализ языка, признаются полипарадигмальными. Сегодня, как полагают ученые, перспективные исследования в области языкознания являются преимущественно полипарадигмальными [там же].
 7. Современный этап развития лингвистики характеризуется полипарадигмальностью при доминирующей роли антропоцентризма [Кубрякова, 2004]. Антропоцентрическая парадигма признается макропарадигмой, объединяющей многие направления. Все дисциплины антропоцентрической парадигмы имеют единую методологическую основу – принцип антропоцентризма, т. е. изучение языка с целью познания его носителя [Ашурова, 2021].
 8. Приняты термины, выражающие степень междисциплинарности: полидисциплинарность и трансдисциплинарность [Князева, 2011]. Полидисциплинарность означает взаимодействие нескольких научных областей, использование данных многих наук. «Трансдисциплинарность характеризует такие исследования, которые идут через, сквозь границы многих дисциплин, выходят за пределы конкретных дисциплин» [Князева, 2015, с. 283]. Термин «комплексная кроссдисциплинарность» предполагает заимствование новых методов и теоретических построений из одной дисциплины в другую [Федорова, 2014]. Понятие «междисциплинарные связи» рассматривается как «отношения внутри иерархии научных направлений и академических дисциплин, в которых эти направления эксплицитно проявляются» [Табанаква, 2023].
 9. Отмечается важность междисциплинарного подхода: 1) в современных исследованиях сегодня нужны более точные знания о природе языка и языковых процессов, о языковой способности человека, об активных тенденциях в живых языках и культурах, о взаимодействии языковых, культурных, этнических процессов в жизни современного общества и возможных последствиях этих взаимодействий; 2) для исторических исследований: актуальными в междисциплинарном аспекте становятся не только вопросы систематики исторических фактов, но и выявления единиц анализа в языке, инвентаризации языковых

изменений и их хронологии, а также периодизации самой истории языка. «Новые технологические возможности в хранении и обработке текстов (позволяющие, в частности, отслеживать изменения на очень малых промежутках времени), статистические модели и параметры языковых изменений, оценка их релевантности по отношению к современным языковым явлениям позволят со временем строить более точные периодизации истории конкретных языков» [Шапошникова, 2015, с. 144].

ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ КОНКРЕТНОГО МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Как показывает исследовательская практика, сложность научной предметной области обусловлена возрастающим объемом конкурирующих теорий, направлений, методов, а также усиливающейся междисциплинарностью. Разнообразие номенклатуры дисциплин и междисциплинарных связей, определяемых исследовательскими задачами, обусловили необходимость разработки принципов формирования методологии конкретного исследования.

В проекте ученых Пермского государственного национального исследовательского университета [Междисциплинарность и полипарадигмальность в современной лингвистике, 2017] представлена концепция соотношения междисциплинарности и полипарадигмальности в предметной области «Языкознание». Исследования последнего времени позволяют продолжить цепочку «соотношений» в виде: междисциплинарность → полипарадигмальность → *научные теории* → *методики*, а также выявить алгоритм, регулирующий формирование методологии конкретного исследования.

Для начала приведем примеры реализации Междисциплинарности I типа применительно к двум ключевым понятиям когнитивной лингвистики: концепт и дискурс.

Так, работа М. В. Гурецкой «Диахронные изменения репрезентации концепта «состояние» в английском языке (на материале письменных памятников XIV–XX вв.)» [Гурецкая, 2022] выполнена в русле концептологии. В ней сочетаются диахроническая лингвоконцептология и культурология, что обусловлено целью исследования: выявление диахронных изменений репрезентантов концепта «состояние» (пропозициональных структур) и их связи с историческими изменениями языковой картины мира в заявленный исторический период.

Полипарадигмальность проявляется как разные направления общей парадигмы антропоцентричности (когнитивная, функциональная, культурологическая), что определяет выбор научных теорий (когнитивная семантика и теория концептуального анализа; теория когнитивной метафоры; теория грамматики конструкций; функциональная грамматика; теория гештальта; теория языковой картины мира) и методику исследования (функционально-семантический и гештальт-анализ; метод структурно-семантического моделирования; концептуальный анализ; симптоматическая статистика).

Результаты исследования получают культурологическую и когнитивную интерпретацию. Так, диахронные изменения функциональной семантики структур, демонстрирующие волнообразную динамику с «точками разлома» (расхождениями значений частотности в XVII, XIX и XX века) объясняются тем, что в эти периоды происходят заметные изменения в восприятии человеком действительности, что находит отражение, в том числе в литературных памятниках эпохи, и в итоге в языковой картине мира.

Изменение в картине метафоризации репрезентантов концепта «состояние» – интенсификация – интерпретируется как когнитивный процесс усложнения ситуации со стороны деятельностного компонента (глагола) и участников сцен (других компонентов грамматической конструкции), как отражение в языке взаимодействия человека с окружающей средой и развитие его опыта познания мира.

В итоге, комплексная методика позволила автору подготовить доказательную базу для подтверждения рабочей гипотезы: диахронные преобразования объекта исследования отражают изменения в языковой картине мира, которые являются следствием развития и упорядочивания человеческой концептосферы в процессе ее исторической эволюции.

В работе О. В. Нешкес «Культурно-прагматические аспекты вербализации образа России в испанских дипломатических документах второй половины XVIII века» [Нешкес, 2023] изучается испанский дипломатический дискурс. Ее междисциплинарность формируется сочетанием дискурсологии, лингвокультурологии и лингвистической имагологии под «зонтиком» антропоцентризма. Выбор дисциплин, входящих в междисциплинарный набор, обусловлен целью исследования: раскрыть содержание образа России и языковых средств, его репрезентирующих, в испанских дипломатических донесениях определенного исторического периода. Полипарадигмальность представлена когнитивно-дискурсивной, социальной (коммуникативной), психологической и

лингвополитологической парадигмами, реализуемыми в теории текста и дискурса, когнитивной теории оппозиции «свой – чужой», теории географических образов, теории социально-психологической перцепции и теории фреймов. Отсюда методика исследования – типологический метод, метод дискурсивного анализа (элементы контекстуально-интерпретационного, коммуникативно-функционального, лингвостилистического и лингвоаксиологического анализа), метод контент-анализа и метод фреймового анализа.

В результате автор приходит к выводу о том, что языковой образ России представляется неоднозначным, обнаруживает аксиологическую вариативность и является результатом вербализации как стереотипов второй половины XVIII века, так и предшествующего исторического периода, через призму категории «свой – чужой» по шкале «друг – враг» и в результате стереотипизации образа «другие».

Междисциплинарный подход к организации исследовательского процесса способствовал формированию доказательной базы для подтверждения авторской рабочей гипотезы: речевая стратегия адресантов испанских дипломатических донесений при вербализации образа России реализуется в рамках композиционно-стилистической и формально-прагматической инфраструктуры жанра дипломатического донесения и включает в себе как стереотипы прошлого, так и новую для своего времени информацию.

Еще одним примером Междисциплинарности I типа служит работа М. А. Ухановой «Семантика юмора с позиции грамматики конструкций (на материале анекдотов на английском языке)» [Уханова, 2024], объектом которой является юмористический дискурс. Эта работа является междисциплинарной, т. к. сочетает лингвистику с психологией, философией и культурологией в соотношении с общей антропоцентрической парадигмой. Последняя объединяет когнитивную, функциональную и мультимодальную парадигмы. Полипарадигмальность исследования, в свою очередь, определяет выбор научных теорий и методик анализа, реализующих цель исследования – установление лингвокогнитивных механизмов создания юмористического эффекта в современном английском анекдоте в их вербальном и визуальном форматах. Отсюда применяемые автором научные теории (когнитивные теории глубинной семантики, компьютерная теория юмора, теория грамматических конструкций и др.) и методика (интеграция лингвистического, когнитивного и корпусного методов: метод поэтапного фреймового-конструкционного анализа, колексемного

анализа, лингвокультурологического анализа). Всё это позволило автору проследить эволюцию анекдота в современном пространстве «киберюмора» и способы взаимодействия текстового и визуального компонентов.

Интерпретация результатов анализа в междисциплинарном ключе дает возможность представить доказательную базу для подтверждения рабочей гипотезы исследования: комический эффект возможен при столкновении лексико-грамматических или лингговизуальных конструкций разной семантики, что приводит к когнитивному напряжению, разрешаемому интерпретацией (культурологической, психологической, философской «расшифровкой») двух или нескольких смыслов одновременно.

Всё вышеизложенное, на наш взгляд, позволяет предложить алгоритм формирования методологии конкретного междисциплинарного исследования (см. рис. 1):

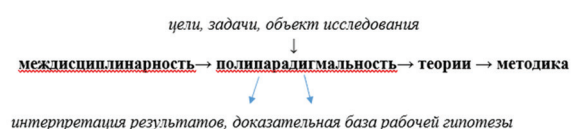

Рис. 1. Алгоритм формирования методологии конкретного междисциплинарного исследования

Алгоритм понимается здесь следующим образом: цели, задачи и объект исследования определяют цепочку «соотношений» междисциплинарность → полипарадигмальность → теории → методика, которые необходимы для интерпретации результатов анализа в целях создания доказательной базы, подтверждающей рабочую гипотезу исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ современной исследовательской практики позволил прийти к следующему заключению:

- 1) междисциплинарность считается основополагающим методологическим принципом современной лингвистики;
- 2) междисциплинарность и использование новых технологий позволяет предложить новые интерпретации ранее отмеченным явлениям или полученным результатам анализа;
- 3) в настоящее время наиболее очевидную реализацию получают междисциплинарные исследования I типа, хотя, по мнению ученых, Междисциплинарность II типа обнаруживает большой исследовательский потенциал;
- 4) исследования, ставящие целью многоуровневый анализ языка, являются полипарадигмальными;
- 5) в основе алгоритма формирования конкретного исследования лежит цепочка «соотношений» «междисциплинарность → полипарадигмальность → теории → методика»;
- 6) в итоге, антропоцентричность как макропарадигма является той движущей силой, которая определяет содержание всех компонентов и приводит в действие алгоритм формирования конкретного междисциплинарного исследования.

Перспективным представляется использование предложенного алгоритма в исследовательской практике, в том числе, возможно, в условиях Междисциплинарности II типа, приобретающей заметные очертания в отечественной лингвистике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Междисциплинарность и полипарадигмальность в современной лингвистике / Белоусов К. И. и др. // Вестник Российской академии наук. Т. 87. № 11. 2017. С. 986–998.
2. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977.
3. Кубрякова Е. С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.
4. Ашурова Д. У. Междисциплинарный подход к исследованию языка // Нижневартковский филологический вестник. 2021. № 2. С. 127–137.
5. Князева Е. Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 10 (112). С. 193–201.
6. Князева Е. Н. Трансдисциплинарность: в поисках оснований синтеза научного знания // Трансдисциплинарность в философии и науке: подходы, проблемы, перспективы / под ред. В. Бажанова, Р. В. Шольца. М.: Навигатор, 2015. С. 281–301.
7. Фёдорова О. В. Психолингвистика vs когнитивная лингвистика на карте современной когнитивной науки // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. Вып. 2. С. 7–20.
8. Табанакова В. Д., Федюченко Л. Г. Междисциплинарный синтез лингвистического научного знания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2023. № 2. С. 9–24.

9. Шапошникова И. В. История языка как междисциплинарная наука (общетеоретические проблемы в интерпретации исторических процессов). Статья вторая // Сибирский филологический журнал. № 1. 2015. С. 140–149.
10. Гурецкая М. В. Диахронные изменения репрезентантов концепта «состояние» в английском языке (на материале письменных памятников XIV–XX вв.): дис. ... канд. филол. наук. М., 2022.
11. Нешкес О. В. Культурно-прагматические аспекты вербализации образа России в испанских дипломатических документах второй половины XVIII века: дис. ... канд. филол. наук. М., 2023.
12. Уханова М. А. Семантика юмора с позиций грамматики конструкций (на материале анекдотов на английском языке): дис. ... канд. филол. наук. М., 2024.

REFERENCES

1. Belousov, K. I. et al. (2017). Interdisciplinarity and Polyparadigmality in Domestic Linguistics. Vestnik of Russian Academy of Sciences, 87(11), 986–989. (In Russ.)
2. Kun, T. (1977). Struktura nauchnykh revolyutsii = The structure of scientific revolutions. Moscow: Progress. (In Russ.)
3. Kubrjakova, E. S. (2004). Yazyk i znanie = Language and cognition. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury. (In Russ.)
4. Ashurova, D. U. (2021). Interdisciplinary Approach to Language. Nizhnevartovsk Philological Bulletin, 2, 127–137. (In Russ.)
5. Knyazeva, H. N. (2011). Transdisciplinary Strategies of Research. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 10(112), 193–201. (In Russ.)
6. Knyazeva, H. N. (2015). Transdisciplinarity: in search of synthesis in scientific knowledge. In Bazhanova, V., Shol'ca, R. V. (Eds.), Transdisciplinarnost' v filosofii i nauke: podhody, problemy, perspektivy (pp. 281–301). Moscow: Navigator. (In Russ.)
7. Fedorova, O. V. (2014). Psycholinguistics vs. cognitive linguistics on the map of modern cognitive science. Socio- and psycholinguistic studies, 2, 77–20. (In Russ.)
8. Tabanakova, V. D., Fedyuchenko, L. G. (2023). Interdisciplinary synthesis of linguistic knowledge. Perm National Research Polytechnic University Linguistics and Pedagogy Bulletin, 2, 9–24. (In Russ.)
9. Shaposhnikova, I. V. (2015). History of language as an interdisciplinary science (general theoretical problems in the interpretation of historical processes). Article Two. Siberian Philological Journal, № 1, 140–149. (In Russ.)
10. Guretskaya, M. V. (2022). Diakhronnye izmeneniya reprezentantov kontsepta «sostoyaniye» v angliiskom yazyke (na materiale pis'mennykh pamyatnikov XIV–XX vv.) = Diachronic changes in the representants of the concept 'state' in the English language (on the material of written monuments of XIV–XX centuries): PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Neshkes, O. V. (2023). Kul'turno-pragmaticheskie aspekty verbalizatsii obraza Rossii v ispanskikh diplomaticheskikh dokumentakh vtoroi poloviny XVIII veka = Cultural and pragmatic aspects of the verbalization of the image of Russia in Spanish diplomatic documents of the second half of the 18th century: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
12. Uhanova, M. A. (2024). Semantika yumora s pozitsii grammatiki konstruksii (na materiale anekdotov na angliiskom yazyke) = Semantics of humor from the standpoint of Construction Grammar (based on anecdotes in English): PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Татьяна Сергеевна

профессор, доктор филологических наук
профессор кафедры грамматики и истории английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sorokina Tatiana Sergeevna

Doctor of Philology (Dr. habil.), Professor
Professor at the Department of Grammar and History of English, Faculty of the English Language
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	21.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.112.0.09:81'373.612.2

Приемы языковой репрезентации метафорического комплекса «Dunkelheit» (на материале романа Даниэля Кельмана «Tyll»)

В. С. Сударева¹, С. И. Дубинин²

^{1,2}Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, Самара, Россия

¹sudareva.vs@ssau.ru

²dubinin.si@ssau.ru

Аннотация. В статье анализируется языковое наполнение метафорического комплекса «Dunkelheit» в современном немецкоязычном романном дискурсе. Исходной теоретической посылкой стало признание ключевой роли метафоры как когнитивного механизма смыслопорождения в художественной прозе рубежа XXI в. Исследование выполнено на основе лингвостилистического анализа. Материалом исследования послужил роман австрийского писателя Даниэля Кельмана «Tyll» (2017). Было установлено, что языковая репрезентация метафорического комплекса в серии сюжетно связанных текстовых фрагментов романа осуществляется с помощью глаголов тактильного и слухового восприятия, качественного изменения пространственных характеристик, а также своеобразной палитры лексических средств конструирования псевдоисторического пространства.

Ключевые слова: Даниэль Кельман, метафорический комплекс, современный немецкоязычный роман, Тилль Уленшпигель, глаголы слухового восприятия, глаголы тактильного восприятия, лингвостилистический анализ, Dunkelheit

Для цитирования: Сударева В. С., Дубинин С. И. Приемы языковой репрезентации метафорического комплекса «Dunkelheit» (на материале романа Даниэля Кельмана «Tyll») // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 100–106.

Original article

Techniques of Linguistic Representation of the Metaphorical Complex «Dunkelheit» (based on the novel «Tyll» by Daniel Kehlmann)

Victoria S. Sudareva¹, Sergej I. Dubinin²

^{1,2}Samara National Research University, Samara, Russia

¹sudareva.vs@ssau.ru

²dubinin.si@ssau.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the linguistic representation of the metaphorical complex «Dunkelheit» in the modern German-language novel discourse. The initial theoretical premise of the study is the recognition of the key role of metaphor as a cognitive meaning-generating mechanism in literary texts at the turn of the XXI century. The leading method for the study is the linguo-stylistic analysis. The research was based on the novel «Tyll» (2017) written by the modern Austrian writer Daniel Kehlmann. As a result of the research, it was found that the linguistic representation of the metaphorical complex is implemented in a series of plot-related text fragments through the use of

stative verbs of tactile and auditory perception, specific changes in spatial characteristics, as well as a peculiar palette of lexical means of developing pseudo-historical artistic space.

Keywords: Daniel Kehlmann, metaphorical complex, modern German novel, *Tyll Ulenspiegel*, stative verbs, sensory verbs, linguo-stylistic analysis, *Dunkelheit*

For citation: Sudareva, V. S., Dubinin, S. I. (2025). Techniques of linguistic representation of the metaphorical complex «*Dunkelheit*» (based on the novel «*Tyll*» by Daniel Kehlmann). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(898), 100–106. (In Rus.)

ВВЕДЕНИЕ

С середины XX века в ракурсе филологического исследования метафора оценивается как важный принцип порождения смысла и выступает как ключевое условие функционирования языка, она «пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [Лакофф, Джонсон, 1990, с. 387]. С помощью чуда аналогии метафора способна объединять в единое целое усиливающие друг друга контрасты, раскрыть глубину взаимосвязанных смыслов [Женетт, 1998].

Большой вклад в изучение и теоретическое обоснование когнитивного потенциала метафоры внесли зарубежные исследователи. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон раскрыли роль метафоры в формировании концептуальных систем, а А. А. Ричардс выдвинул концепцию метафоры как взаимодействия мыслей, которую позже уточнил и развил в теорию интеракционного подхода философ М. Блэк. Немецкий философ Э. Кассирер описал феноменологию того, как метафора связывает язык с мифом и искусством [Теория метафоры, 1990].

Среди отечественных работ особую ценность представляют исследования метафоры Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телия, посвященные роли метафоры в создании языковой картины мира, а также Г. Н. Складневской о сущности языковой и художественной метафоры.

Особый характер метафоры проявляется в художественной прозе, особенно в новаторском романном дискурсе на рубеже XX и XXI веков. Как феномен романная метафора описана в литературоведении. Так, В. А. Пестерев рассматривал характерную для литературы второй половины XX и начала XXI веков модификацию новой романной формы, обусловленную непосредственно метафорическим мышлением [Пестерев, 1999]. Оно тяготеет к всеохватности, отражает авторское видение мира и является способом создания художественной реальности. В. Д. Днепров отметил широкие возможности метафоры проявляться не только на одно конкретное явление (поэтический

троп), а захватывать всё изображаемое писателем: «[метафора] применена <...> ко всему целому [произведению], слита со всем его ёмким и богатым содержанием» [Днепров, 1980, с. 433].

В настоящее время, несмотря на признание когнитивного потенциала и смыслообразующей функции метафоры в художественном тексте, изучение ее языковой репрезентации как объемлющей весь романский текст в лингвистическом аспекте только начинается.

В ракурсе нашего исследования находится не единичная языковая (лексическая) метафора, а предпринята попытка раскрыть глубокие метафорические связи, моделирующие романное содержание и нашедшие репрезентацию в языке художественного произведения (романа).

При анализе текста романа используется разрабатываемый нами термин «метафорический комплекс» (далее МК), который обозначает «сложную метафорическую структуру, в которой метафора продолжает свое развитие на протяжении всего произведения и приобретает все более богатое контекстуальное наполнение, аккумулируя порождающие ее образные ряды» [Сударева, 2024, с. 188].

Материалом исследования послужил роман современного австрийского писателя и литературного критика Даниэля Кельмана (*Daniel Kehlmann*, род. в 1975 г.) «*Tyll*», опубликованный издательством «Rowohlt Verlag» в 2017 году. Роман имел огромный читательский успех как в Германии, так и по всему миру, был удостоен крупных литературных наград, а его англоязычный перевод вошел в лонг-лист Международной Букеровской премии 2020 года.

В целом романам Кельмана присущи сложная жанровая специфика, смысловая поликодовость текста, разнообразные повествовательные техники и интертекстуальные формы, многослойность и глубокая метафоричность языка [Пестерев, 2013; Казакова, 2015; Péter-Szabó, 2021; Сударева, 2022].

Роман «*Tyll*» представляет особый интерес как для лингвистов, так и литературоведов в контексте изучения специфики языковой и художественной репрезентации МК. Они связаны с центральным

образом романа, который отсылает читателя к значимой фигуре позднесредневековой литературы – Тиллю Уленшпигелю. Таким образом, МК отражают важнейший потенциал и роль метафоры в процессе поэтики смыслопорождения в новейшем немецкоязычном художественном дискурсе.

РОМАН «TYLL»: СВОЕОБРАЗИЕ СМЫСЛОВ И МЕТАФОР

В трудах исследователей мировоззрения людей разных культур отмечается, что один из способов конструирования модели мира может представляться как ряд семантических противопоставлений, смысловых оппозиций [Обухов, 2003].

Мы предполагаем, что в романе «Tyll» подобные градуальные оппозиции с одним более выраженным членом являются основами метафорических комплексов (структуры времени и пространства: Licht – Dunkelheit, Bewegung – Stille и др.), которые Кельман мастерски разворачивает в своих произведениях через постоянное наполнение метафор, порожденных образными рядами, новым контекстом.

Моделирование основных МК позволяет увидеть глубокие внутренние смысловые связи в произведении, которые собственно и являются внутренним ядром, содержательно моделирующим сам романский текст. Поэтому представляется важным исследовать наполнение МК посредством языковой репрезентации характеристик образа героев и романной «действительности» (хронотопа романа, его сюжетной организации, центральных тем, мотивов и символов).

В романах Кельмана МК реализуются дисперсно, но их смысловые вершины наиболее полно реализованы в отдельных эпизодах или главах произведения.

В данном исследовании мы рассмотрим в качестве важного метафорического комплекса «Dunkelheit», который связан с пространственными ориентирами в романе «Tyll». Этот МК находит свою наивысшую смысловую аккумуляцию и языковую репрезентацию в одной из заключительных глав романа – «Im Schacht».

В качестве воплощения главного героя романа Кельман выбрал исторически недокументированную фигуру Тилля Уленшпигеля (в романе – Tyll Ulenspiegel). Этот широко известный персонаж немецких позднесредневековых легенд и народных книг, странствующий хитрый плут метафорически помещен автором в чуждую для него среду – в сконструированную «историческую реальность», на фоне которой разворачивается кровавая религиозная и территориальная, опустошающая всю Германию Тридцатилетняя война (1618–1648).

На протяжении романа происходит быстрая смена пространственных характеристик сюжета и черт образа Тилля. Кельман порождает нарративную рефлексивность посредством нарушения линейного времени и сюжетной последовательности. Словно в калейдоскопе в романе меняются «кулисы», на фоне которых разворачиваются эпизоды из жизни Уленшпигеля, реальных исторически задокументированных фигур и боевых эпизодов Тридцатилетней войны.

Отчетливо видна попытка Д. Кельмана взять за основу сюжет традиционного плутовского романа¹, где недовольный обществом хитрец-герой перемещается по миру и лавирует между социальными классами, попадая в опасные ситуации, из которых он всегда может найти выход.

Примечательно, что в исследуемом романе сатирическим эпизодам в тексте отведена лишь незначительная часть. Основной объем романа «Tyll» занимают содержательно расширенные сцены, в которых герой проходит испытания, приобретает и осмысливает свои новые характеристики, которые, в основном, связаны с его положением в пространстве.

С помощью языковых средств автор создает особую «внутреннюю пространственную художественно значимую форму» [Бахтин, 1979, с. 83]. Пространство тесно связано в романе с ключевыми МК, содержательно обуславливает их. Через внутреннюю речь героя прослеживается, как внешнее пространство вписывается в его внутренний мир. Так, Тилль в романе лишен конкретности, его характеристики меняются в связи с непрерывной динамикой нарратива и пространственного ориентира всего произведения. Специфика пространства придает особые качества Тиллю, который экзистенциально помещен писателем на границу самого бытия – метафорически и физически.

ПРИЕМЫ АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Для аналитики МК важно в общих чертах обозначить сюжет романа. После неудачной шутки над городским комендантом Брюнна (Брно) Тилля Уленшпигеля отправляют оборонять крепость во время первой осады города шведскими войсками генерала Торстенсона в Тридцатилетнюю войну. Несмотря на то, что Тиллю дали право выбрать войсковую часть, он решает зачислиться в саперы (Mineure), наивно предполагая, что под землей сможет спрятаться

¹Михайлов А. Д., Занд М. И. Плутковский роман // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская энциклопедия, 1962-1978. Т. 5: Мурари – Припев., 1968. Стб. 806–809.

от вражеских пуль и сделать подкоп, ведущий на волю. В действительности работа саперов была смертельно опасной: они копали контртуннели с зарядами от минеров шведской армии и почти всегда погибали под землей.

Смысловое наполнение МК «Dunkelheit» связано с экзистенциальными ситуациями, в которых герою в этой метафорической духовной или физической пространственной опасной тьме минной шахты придаются новые характеристики и создаются важные для романа смысловые ассоциации.

Конструирование псевдоисторической действительности: лексические средства

Заданное уже в названии данной главы пространство шахты является точкой основы формирования МК и плодотворно для анализа. Кельман использует контексты военно-исторической действительности начала XVII века, например, слово *der Schacht*. Согласно словарю «Etymologisches Wörterbuch des Deutschen» (EtymWb.)¹, значение слова: «abwärts, meist senkrecht in die Erde führender Grubenbau, Bergwerk, hoher, enger, geschlossener Raum, schmaler Einstieg»² – «горные выработки, ведущие вниз, обычно вертикально в землю; шахта; высокое, узкое, закрытое пространство; узкий вход». С одной стороны, оно имеет особую историческую глубину. Первоначально *der Schacht* относилось к металлургии и зарождается в XIII веке в речи горняков Гарца в значении «копье». Позднее в XVIII веке семантическое значение обогащается – измерительный стержень или квадратная площадь, отмеченная им. С другой стороны, это выступает как прием моделирования псевдоисторического пространства в произведении, поскольку основным контекстуальным синонимом выступает заимствование из английского языка в XIX веке *der Tunnel*³, семантическим признаком которого выступает горизонтальная протяженность выработки под землей. В отличие от туннелей, подземные горняцкие шахты вертикальные.

Метафорический потенциал фразеологизмов

В очередной экзистенциальной ситуации – пойманный в ловушку перед лицом смерти во время обвала минной шахты Тилль непреклонен в убеждении, что он не умрет. Его кредо «Ich sterb' nicht»⁴ – обретает пространственную характеристику, связанную

с физическим положением Тилля внутри темного узкого туннеля, из которого нет выхода: «Wenn es eng wird, gehe ich. Ich sterbe hier nicht». Автор обыгрывает значение прилагательного *eng* (в приведенном примере – как предикатив в сказанной фразе) в основном лексическом значении «тесно», «узко» (согласно словарю Duden⁵: *räumlich eingeschränkt, von geringer räumlicher Ausdehnung* – пространственно ограниченный; небольшой пространственной протяженности) и в переносном значении «сложно» (*keinen Spielraum aufweisend* – не имея свободы действий) в составе фразеологизма [*etwas kann*] *eng werden* ([ситуация] может стать сложной, синонимично фразеологизму *in die Enge geraten* – зайти в тупик, попасть в безвыходное положение⁶).

Наполнение данного МК происходит здесь через отсылку к фразеологизму *Licht am Ende des Tunnels sehen* (видеть свет в конце туннеля), лексические компоненты которого в романе выполняют самостоятельную номинативную функцию и сюжетно эксплицированы в данной главе:

gräbt einen *Tunnel* nur für sich;

ist es immer noch so *dunkel*, als hätte Gott alles *Licht* der Welt ausgelöscht;

Auch sieht man jetzt kleine *Lichter* <...> obwohl er die *Lichter* sieht, sieht er auch, dass es nach wie vor ganz *dunkel* ist.

Таким образом, Д. Кельман не только ситуативно использует фразеологизмы как средства языковой выразительности в нарративе, но также раскрывает их метафорический потенциал в романе, отчетливо нарушая их семантическую цельность, демонстрируя через сюжетную экспликацию «выводимость» фразеологизма из составляющих его слов.

Актуализация метафорического комплекса: глаголы

Символизирующий саму авторскую идею «постоянного изменения» Тилль всегда находится в физическом или в метафорическом движении. В романе характеристики движения в основном передаются с помощью глаголов с семантикой движения, системы пространственных предлогов и наречий со значением повторяемости действия [Сударева, 2024].

Но в анализируемом фрагменте главы глаголы с семантикой движения (*sich rollen, sich bewegen*,

¹EtymWb. URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Schacht>

²Зд. и далее перевод наш. – В. С., С. Д.

³EtymWb. URL: <https://www.dwds.de/wb/etymwb/Tunnel>

⁴Зд. и далее цит. по: Kehlmann D. *Tyll. Roman*. Rowohlt Verlag, Reinbek bei Hamburg, 2017.

⁵Duden. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/eng>

⁶Немецко-русский фразеологический словарь: 12 000 фразеологических единиц / сост. Л. Э. Бинович ; отв. ред. Н. С. Чемоданов. М.: Государственное издательство словарей, 1956. С. 208.

rauskommen) встречаются значительно реже, они разрознены и не могут быть тематически сгруппированы. Их дополняют глаголы со значением действия (чаще переходные) разных тематических групп (*sich freigraben, graben, scharren, schieben, suchen*). В тексте происходит актуализация их производного значения в обозначении движения, рецептивного целенаправленного действия героев. Таким образом, континуальное движение, представленное в других фрагментах текста главы («*er tanzte <...> nach rechts und nach links und vor und wieder zurück*»; «*und wir begannen zu wippen, zu springen, zu hüpfen und uns zu drehen*») переходит в дискретный двигательный хаос («*Er will mit den Händen graben <...> aber sofort muss er husten, und das Gestein will sich nicht bewegen*»; «*Tyll ist auf den Korff gefallen*»; «*nichts fließt herein, nichts hinaus*»).

В исследуемом фрагменте эпизода в шахте ведущая роль отведена двум группам глаголов восприятия: слухового (*hören, zuhören, anhören, horchen*) и тактильного (*tasten, abtasten, zugreifen, fühlen, anfühlen, spüren*). Слух и осязание выступают как исключительные способы ориентации героя романа в темноте шахты.

При анализе фрагмента текста программой AntConc было установлено значительное количество глаголов, обозначающих звуки, вызываемые физиологическими процессами в организме человека и его реакциями: *atmen, husten, stöhnen*, ср.: «*Tyll hört man atmen*», «*Tyll muss wieder husten*», «*Der Matthias stöhnt*».

Примечательно, что именно характеристики голоса (*Stimme*) передают физическое и эмоциональное состояние героя в ситуации («*Tylls Stimme ist hoch, klar und kraftvoll*») и даже становятся условием самого существования: «*Ich glaube, ich leb noch. <...> Aber jetzt, da er seine Stimme gehört hat, merkt er, dass es stimmt*».

Для актуализации МК «*Dunkelheit*» Кельман лаконично использует отглагольные существительные вместо глагольных форм или оборотов, ср.: «*Dann ist ein Scharren zu hören, ein Schieben, ein Wetzen*»; «*im Dunkeln <...> nur kein Schnüffeln, kein Keuchen, kein Husten*»; «*dann hört Tyll ein Klatschen*»; «*Ein Grollen, ein Zittern, Stille*».

Он фотографически фиксирует действие, вследствие чего оно перестает восприниматься процессуально, но начинает мыслиться предметно.

Примечательно отсутствие при отглагольных существительных в тексте сочетаний предлогов с артиклями и наличие неопределенного и отрицательного артикля, что нетипично для современного немецкого языка [Ланских, 2015].

Кроме этого, отметим особенную черту стиля Д. Кельмана – «оправдание ритмического

ожидания»¹. В приведенных выше примерах оно прослеживается через устойчивое и закономерное повторение определенных ритмических звеньев, а именно – отглагольных существительных.

Контекстуальная реализация: лексема *dunkel*

С помощью апробированного инструмента для статистических исследований текстов – программы AntConc в исследуемом тексте мы определили основную лексему *dunkel*, в том числе в составе композит-комплексов [Зевахина, 2006] для анализа контекстуального наполнения МК.

Это: прилагательное *dunkel*, композитные прилагательные, в которых первый конstituент (определяющий компонент) *dunkel*-, а второй конstituент (определяемый компонент) относится к лексико-семантическому полю цвет *dunkelblau, dunkelgrün, dunkelrot*, прилагательное-композит *stockdunkel* с локально-ситуативными семантическими реляциями между конstituентами (ср. *dunkel wie in einem Stock*), абстрактные существительные *die Dunkelheit, das Dunkel, das Halbdunkel*, существительные-композиты *die Dunkelnacht, die Wasserdunkelheit*, аналитические глагольные конструкции с краткой формой прилагательного *dunkel werden, dunkel sein*, глагол *dunkeln* и образованное от него деепричастие *dunkelnde*.

Следует особо отметить, что Кельман использует концентрированные средства репрезентации МК. Его язык напоминает сценарную кинопрозу – лаконичный, с краткими описаниями и с насыщенными языковыми средствами.

В контексте данного романа употребление слов с компонентом-лексемой *dunkel* придает негативные характеристики и связано, в основном, с экзистенциальной доминантой. Например, в детстве, когда Тилль тонет («*es leuchtet schwach in der Wasserdunkelheit*»), остается в один в лесу и сталкивается с дьяволом («*Das Himmelsband über ihm ist dunkelblau geworden*»), в надежде сбежать после смерти отца («*Dunkelnacht, schwarze Nacht, Hexennacht*») и позже оказывается без возможности выйти из шахты («*Dunkel ist es. Aber anders dunkel als droben*»).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, метафора становится ключевым когнитивным механизмом порождения смыслов в художественном познании в творчестве писателей-романистов на новом рубеже веков. Она

¹Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В. М. Кожеевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 326.

способна соединять разные смыслы, моделировать романский текст и расширять его контекстуальное наполнение через метафорические комплексы.

Языковая репрезентация метафорического комплекса «Dunkelheit» в романе Д. Кельмана «Tyll» происходит с помощью спектра лексических средств конструирования псевдоисторической действительности, фразеологизмов, лексические компоненты которых выражены в сюжете и связаны с положением главного героя в пространстве романа, глаголов

слухового и тактильного восприятия, некоторых глаголов звучания и композитов с компонентой-лексемой *dunkel*.

Перспективным представляется продолжение исследования метафорических комплексов как нового способа конструирования смыслов текста и его языковой репрезентации в целом, а также в новаторской прозе Д. Кельмана как яркого представителя новейшего немецкоязычного романного дискурса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: сборник / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 387–415.
2. Женетт Ж. Пруст-палимпсест // Фигуры: в 2 т. Т. 1. С. 79–102.
3. Теория метафоры / вступ. ст., сост. Н. Д. Арутюновой ; пер. под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990.
4. Пестерев В. А. Модификации романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Издательство ВолГУ, 1999.
5. Днепров В. Д. Идеи времени и формы времени. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1980.
6. Сударева В. С. Функции и специфика метафорических комплексов в романе Д. Кельмана «Tyll» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2024. Т. 30. № 3. С. 187–194.
7. Пестерев В. А. Полижанровость романа Даниэля Кельмана «Измеряя мир» // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2013. Т. 10. С. 188–195.
8. Казакова Ю. К. Творчество Даниэля Кельмана в контексте немецкоязычной литературы конца XX – начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук. Елабуга, 2015.
9. Péter-Szabó R. Diskursmetaphorik und ihre sprachlichen Indikatoren sowie Textmuster im literarischen Diskurs "Ich und Kaminski" von Daniel Kehlmann // Linguistische Treffen in Wrocław 19. 2021. I. P. 449–462.
10. Сударева В. С. Своеобразие романной метафоры (на материале произведений Д. Кельмана) // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые и социокультурные аспекты: сб. научн. ст. / отв. ред. С. И. Дубинин, В. Д. Шевченко. Самара: Самарский университет. 2022. Вып. 7. С. 174–181.
11. Обухов А. С. Исторически обусловленные модификации образа мира // Развитие личности. 2003. № 4. С. 51–68.
12. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
13. Ланских Ю. В. Субстантивированный инфинитив. Диахроническая перспектива // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 20 (731). С. 289–300.
14. Зевахина Н. А. Немецкие сложные прилагательные в словаре и в дискурсе // Диалог-2006: труды Международной конференции / под ред. Н. И. Лауфер, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Издательство Российского государственного гуманитарного университета, 2006. С. 184–191.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (1990). Metaphors We Live By. In Arutyunova, N. D. (Ed.), Theory of Metaphor: A Collection (pp. 387–415). Moscow: Progress. (In Russ.)
2. Genette, G. (1988). Proust palimpsest. In Figury (vol. 1, pp. 79–102): in 2 vols. Transl. from French by N. Pertsova. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh. (In Russ.)
3. Arutyunova, N. D. (Ed.). (1990). Teoriya metafory = Theory of Metaphor: a collection. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Pesterev, V. A. (1999). Modifikatsii romannoï formy v proze Zapada vtoroi poloviny XX stoletiya = Modifications of the novel form in the prose of the West of the second half of the XX century. Volgograd: Volgograd State University. (In Russ.)
5. Dneprov, V. D. (1980). Idei vremeni i formy vremeni = Ideas of time and forms of time. Leningrad: Sovetskii pisatel'. Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)
6. Sudareva V. S. (2024). Functions and specificity of metaphorical complexes in D. Kehlmann's novel "Tyll". Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology, 30(3), 187–194. (In Russ.)

7. Pesterev, V. A. (2013). Polizhanrovost romana Danielya Kelmana "Izmeriyaya mir" = Polygenre of Daniel Kehlman's novel "Measuring the World". Russian Germanistics (pp. 188–195): Yearbook of the Russian Union of Germanists. (In Russ.)
8. Kazakova, Yu. K. (2016). Tvorchestvo Danielya Kelmana v kontekste nemeckoyazychnoj literatury konca XX-nachala XXI v. = The Work of Daniel Kehlmann in the Context of German-language Literature of the Late 20th – Early 21st Century: PhD thesis in Philology. Kazan. (In Russ.)
9. Péter-Szabó, R. (2021). Diskursmetaphorik und ihre sprachlichen Indikatoren sowie Textmuster im literarischen Diskurs "Ich und Kaminski" von Daniel Kehlmann. Linguistische Treffen in Wrocław, 19(I), 449–462.
10. Sudareva, V. S. (2022). The Peculiarity of the Novel Metaphor Based on the D. Kehlmann's Novels. In Dubinin, S. I., Shevchenko, V. I. (Eds.), Evolution and transformation of discourses: linguistic and socio-cultural aspects (vol. 7, pp. 174–181): collection of scientific articles. Samara: Samara University.
11. Obukhov, A. (2003). Istoricheski obuslovlennyye modifikatsii obraza mira = Historically Conditioned Modifications of the Image of the World. Razvitie lichnosti, 4, 51–68. (in Russ.).
12. Baxtin, M. M. (1979). Estetika slovesnogo tvorchestva = Aesthetics of Verbal Art. Moscow: Iskustvo. (In Russ.)
13. Lanskih, J. V. (2015). Substantivized infinitive from a diachronic perspective. Vestnik of Moscow State Linguistic University Humanities, 20(731), 86–95. (In Russ.)
14. Zevachina, N. V. (2006). German compound adjectives in a dictionary and in the discours. In Dialogue-2006 (pp. 184–191): Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference. Russian State University for the Humanities.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сударева Виктория Сергеевна

ассистент кафедры немецкой филологии
Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева

Дубинин Сергей Иванович

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры немецкой филологии
Самарского национального исследовательского университета им. академика С. П. Королева

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sudareva Victoria Sergeevna

Assistant lecturer of the Department of German Philology
Samara National Research University

Dubinin Sergej Ivanovich

Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of German Philology
Samara National Research University

Статья поступила в редакцию	22.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	17.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	25.04.2025	accepted for publication

Репрезентация лингвоаргументативного типажа «размазня» (на материале одноименного рассказа А. П. Чехова)

Н. Ю. Фанян

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия
nellyfanian@mail.ru

Аннотация. В статье автор продолжает обсуждение лингвоаргументативного типажа (ЛАТ), ставя перед собой цель описать типаж «размазня» на материале одноименного рассказа А. П. Чехова. В работе использованы интерпретативный, лингвоаргументативный и семантико-стилистический методы анализа. Научная новизна исследования выражена в лингвоаргументативном подходе, позволяющем говорить о таксономии лингвоаргументативных типажей, по типу лингвокультурных типажей. Делается вывод, что в формировании ЛАТ велика роль как вербальных, так и невербальных средств выражения, включающих кинетические, соматические реакции – действия, состояния исследуемого типажа. Формой актуализации ЛАТ выступает диалог между проponentом и оппонентом.

Ключевые слова: homo argens, лингвоаргументативный подход, лингвоаргументативный типаж, лингвоаргументативный потенциал, вербальные средства выражения, невербальные средства выражения, проponent, оппонент

Для цитирования: Фанян Н. Ю. Репрезентация лингвоаргументативного типажа «размазня» (на материале одноименного рассказа А. П. Чехова) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 107–112.

Original article

Representation of the Linguistic Argumentative Type “Namby-pamby” (based on A. P. Chekhov’s short story “Namby-pamby”)

Nelly Yu. Fanyan

Kuban State University, Krasnodar, Russia
nellyfanian@mail.ru

Abstract. In the article, the author continues the discussion of the linguistic argumentative type (LAT). The aim of the research is to describe the type (character) of “namby-pamby” based on the material of the short story by A. P. Chekhov. During the research interpretive, linguistic-argumentative, semantic-stylistic methods of analysis were used. The scientific novelty of the research is revealed in the linguistic argumentative approach, which provides the tools for analysis of the taxonomy of linguistic argumentative types, according to the type of linguistic and cultural types. The author comes to the conclusion that both verbal and non-verbal means of expression, including kinetic, somatic reactions, states of the analyzed type (character), are of great importance in the formation of LAT. The dialogue between the proponent and the opponent acts as a form of actualization of LAT.

Keywords: homo argens, linguistic argumentative approach, linguistic argumentative type, linguistic argumentative potential, verbal means of expression, non-verbal means of expression, proponent, opponent

For citation: Fanyan, N. Yu. (2025). Representation of the linguistic argumentative type “namby-pamby” (based on A. P. Chekhov’s short story “Namby-pamby”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 107–112. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В предлагаемой к вниманию читателей статье мы ставим вопрос о возможности продолжить обсуждение выдвинутой нами концепции лингвоаргументативного типажа (ЛАТ), которую мы апробировали при описании типажа «бытовой софист» на материале рассказа «Дорогая собака» А. П. Чехова [Фанян, 2023]. Обоснованием к такому подходу послужила концепция «лингвокультурных типажей», которая нашла выражение во многих актуальных исследованиях в отечественной лингвистике [Аксиологическая лингвистика ... 2005]. Мы предложили концепцию «лингвоаргументативных типажей» по аналогии с «лингвокультурными типажам». Проведенная аналогия условна в том смысле, что имеет различные основания. Лингвокультурный типаж характеризует тот или иной типаж (тип личности) на основании культурной идентичности, а лингвоаргументативный типаж идентифицирует типаж, исходя из аргументативной компетенции. Лингвоаргументативный типаж представляет собой тот или иной тип «человека аргументирующего». Понятия «человек разумный», «человек мыслящий», «человек говорящий» («*homo sapiens*», «*homo loquens*», «*homo eloquens*» [Степанов, 1998; Успенский, 2012]) и другие в совокупности способствуют формированию понятия «человек аргументирующий» («*homo argens*») [Фанян, 2000].

Актуальность темы детерминирована продолжающимся интересом к проблеме языковой личности [Богин, 2009; Караулов, 1987], а также возможностью расширить наше представление о «*homo loquens*», «*homo eloquens*», «*homo reflectus*» и других «*homo*» при описании лингвоаргументативных типажей в виде «*homo argens*».

Подобный подход определяет объект нашего изыскания – один из лингвокультурных типажей – «размазня», сообразно которому выстраивается цель работы – выявить и описать данный лингвоаргументативный типаж с репрезентацией вербальных и невербальных средств выражения «*homo argens*». Научная новизна исследования выражена в лингвоаргументативном подходе, позволяющем говорить о таксономии лингвоаргументативных типажей, по типу лингвокультурных типажей. Гипотеза нашего исследования состоит в предположении, что героиня чеховского рассказа «Размазня» может репрезентировать соответствующий лингвоаргументативный типаж, исходя из представления о том, что стиль жизни, поведенческий стиль формируют конкретный стиль мышления, а значит, и аргументирования, что ведет к понятию «лингвоаргументативный типаж». Данное предположение дополнительно имплицитно заголовком рассказа.

Материал исследования представлен лаконичным рассказом – жемчужиной творчества великого мастера слова. А. П. Чехов оставил след не только в мировой драматургии, но также состоялся как виртуоз малого жанра, в котором повседневный бытовой дискурс разворачивается и доводится до логического завершения посредством глубокого психологизма.

В работе использован комплекс методов анализа: интерпретативный, лингвоаргументативный, семантико-стилистический. Интерпретативный анализ выявляет значимость лингвоаргументативного потенциала анализируемых средств выражения. Лингвоаргументативный анализ направлен на вычленение определенных тактик с целью актуализации убеждения как главной стратегии в процессе аргументации. Семантико-стилистический анализ способствует выявлению вербальных и невербальных средств выражения в процессе аргументации, а также определению функции аргументативных маркеров.

Полученные результаты способствуют моделированию лингвоаргументативного типажа «размазня», который является конструктом, исходно полученным эвристическим путем. Представим сюжет рассказа «Размазня», применяя предложенные методы анализа.

ЛИНГВОАРГУМЕНТАТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАССКАЗА «РАЗМАЗНЯ»

Лингвоаргументология – новое научное направление, находится в процессе своего формирования. Это область интеграции научных направлений, которая нашла свое активное развитие на рубеже XX–XXI веков. Основными вехами стали развитие прагмалингвистики, которая способствовала приближению «логики к лингвистике» vs «лингвистики к логике» [Петров, 1986]; аргументативной теории в контекстуальном ракурсе [Ивин, 2009; Еемеерен, Гроотендорст, 2021]; диалогической теории в аргументативном ракурсе [Барбина, 2012; Тамразова, 2016]; когнитивной и лингвистической науки, направленной на изучение стилей мышления на протяжении многих лет [Абульханова-Славская, 1986; Калашникова, 2007]. Когнитивный подход, направленный на изучение стилей мышления, а также аргументативный подход в контекстуальном ракурсе, на основе метода проекции, позволяют расширить пространство интегративного исследования. В данную область мы включаем новый ракурс изучения типажей, связанный с направлением нашего исследовательского интереса.

Таким образом, анализируемый нами объект находится в интегративной зоне названных направлений, которые в той или иной степени задействованы в качестве теоретического основания нашей работы. Дальнейшее продвижение исследования в этом направлении, имеем в виду позиционирование других лингвоаргументативных типажей, будет способствовать формированию соответствующей таксономии. Разумеется, исследуя тот или иной ЛАТ на материале художественной литературы, мы понимаем, что данный жанр в рамках художественного стиля (дискурса), включающий стилизованный, приближенный к реальному, диалог, имеет аппроксимативный характер. При этом мы не можем отрицать высокую долю реалистичности передаваемой ситуации гениальным психологом А. П. Чеховым.

В основе сюжета – розыгрыш гувернантки с целью преподать ей урок для ее же блага. Хозяин дома, отец семейства приглашает к себе в кабинет Юлию Васильевну, гувернантку своих детей, чтобы произвести расчет жалования:

- Садитесь, Юлия Васильевна! – сказал я ей. – Давайте посчитаемся. Вам наверное нужны деньги, а вы такая церемонная, что сами не спросите... (1) Ну-с... Договорились мы с вами по тридцати рублей в месяц... (2)
- По сорока... (3)
- Нет, по тридцати... У меня записано...(4) Я всегда платил гувернанткам по тридцати (5) (А. П. Чехов. Размазня).

Итак, спектакль начинается с вежливого реверанса, снисходительной реплики хозяина, доверительного тона (1). Однако в первом же обращении адресант искажает факт (2). Гувернантка осторожно возражает, уточняя сумму ежемесячного гонорара (3). Хозяин здесь и далее ссылается на точность своих данных как факт (4 – тактика ссылки на записи) и на прошлый опыт (прецедентность) (5), придавая тем самым достоверность своим расчетам.

Тактика ссылки на записи (как зафиксированный факт) проходит по всему тексту рассказа, выражена в репликах хозяина в восходящей градации:

- У меня записано (А. П. Чехов. Размазня).
- У меня так записано (*там же*).
- Но у меня записано! (*там же*)
- Да? Ишь ведь, а у меня и не записано! (*там же*)

В последнем случае реплика хозяина вызвана реакцией на неведомый ему доселе факт, о котором честно призналась гувернантка.

Подобная тактика в импровизированном спектакле позволяет хозяину с легкостью вычитать из жалования гувернантки различные статьи расхода. Таким образом, бухгалтерский расчет ведется с предоставлением «железных» фактов. Доказательство сопровождается аргументативными маркерами¹:

- Следует вам, *значит*, шестьдесят рублей... Вычтешь девять воскресений... вы *ведь* не занимались с Колей по воскресеньям, а гуляли *только*... да три праздника... (А. П. Чехов. Размазня).

Для большей убедительности относительно точности своих расчетов хозяин привлекает гувернантку к совместному арифметическому счету (тактика сотрудничества). Естественность репликам в следующем фрагменте придают новые факты; а также специфический синтаксис – множество пауз; наличие аргументативных маркеров; маркер, указывающий на процесс думания (гм); дискурсивное слово-вопрос (верно? – как фатическое средство), выступающее в данном случае как риторический вопрос, поскольку хозяин в своих расчетах не сомневается. Он лишь констатирует:

- Три праздника... Долой, следовательно, двенадцать рублей... Четыре дня Коля был болен и не было занятий... Вы занимались с одной только Варей... Три дня у вас болели зубы, и моя жена позволила вам не заниматься после обеда... Двенадцать и семь – девятнадцать. Вычтешь... останется... гм... сорок один рубль... Верно? (А. П. Чехов. Размазня).

Хозяин перечисляет множество подобных статей расхода в виде фактов. В разворачиваемом диалоге они даются в единой цепочке, чередуются как те, за которые гувернантка ответственна (при этом звучат нотки снисхождения) (1) и наоборот (2), что создает основание для упреков. Они сопровождаются ложью, представленной как констатация факта (3). Подобная тактика осложняет возможность адекватной реакции в целом, блокирует способность возразить, опровергнуть неуместные выпады. Данная тактика сопровождается соответствующим речевым поведением – напористостью. Адресант не дает своему собеседнику опомниться:

- Под Новый год вы разбили чайную чашку с блюдечком. Долой два рубля... Чашка стоит дороже, она фамильная, но... бог с вами! Где наше не пропадало (1)? Потом-с, по вашему недосмотру Коля полез на дерево и порвал себе сюртучок... Долой десять... Горничная тоже по вашему недосмотру украла

¹Курсив наш. – Н. Ф.

у Вари ботинки. Вы должны за всем смотреть. Вы жалование получаете (2). Итак, значит, долгой еще пять... Десятого января вы взяли у меня десять рублей... (3) (А. П. Чехов. *Размазня*).

Рассмотрим характер реакций немногословной гувернантки по всему диалогу. Они выражены в виде уточнения (1), осторожных возражений с характерным сопровождением голоса (2–3), допущения с согласием (4):

- По сорока... (1) (А. П. Чехов. *Размазня*)
- Я не брала, – шепнула Юлия Васильевна (2) (А. П. Чехов. *Размазня*).
- Я раз только брала, – сказала она дрожащим голосом (3) (А. П. Чехов. *Размазня*).
- Ну, пусть... хорошо (4) (А. П. Чехов. *Размазня*).

Многословность собеседницы компенсируется комментариями автора, выраженными с помощью средств невербальной коммуникации, раскрывающими душевные переживания героини. В них ярко выражено эмоциональное состояние, свидетельствующее о ее внутреннем несогласии с ситуацией:

Юлия Васильевна вспыхнула и затеребила оборочку, но... ни слова! (А. П. Чехов. *Размазня*)

Левый глаз Юлии Васильевны покраснел и наполнился влагой. Подбородок ее задрожал. Она нервно закашляла, засморкалась, но – ни слова!.. (А. П. Чехов. *Размазня*).

Оба глаза наполнились слезами... На длинном хорошеньком носике выступил пот. Бедная девочка! (А. П. Чехов. *Размазня*)

<...> я подал ей одиннадцать рублей... Она взяла и дрожащими пальчиками сунула их в карман (А. П. Чехов. *Размазня*).

Кульминационной точкой в рассказе можно считать следующую реплику-благодарность за несправедливое жалование:

- Merci, – прошептала она (А. П. Чехов. *Размазня*).

В этой точке происходит обратный отсчет аргументативного процесса. Исходная тактика провокации гувернантки со стороны хозяина с благородной целью вызвать у собеседницы протест в итоге не была реализована. Хозяин, охваченный злостью, спрашивает:

- Но ведь я же вас обобрал, черт возьми, ограбил! Ведь я украл у вас! За что же *merci*? (А. П. Чехов. *Размазня*).

Ответная реплика констатирует ситуацию прецедентной закономерности:

- В других местах мне и вовсе не давали... (там же)

Развязка представлена в ответной реакции хозяина, объясняющего эту закономерность. Пропонент хотел бы иметь контакт с достойным, «зубастым», протестующим оппонентом, а не с молчаливым, пассивным, инертным собеседником, «кислятиной» и «размазней». Его ярость выражена в восклицаниях и вопросах, которые можно толковать как риторические (1). Однако на них находится молчаливый ответ (2):

- Не давали? И не мудрено! Я пошутил над вами, жестокий урок дал вам... <...> Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Чего молчите? Разве можно на этом свете не быть зубастой? Разве можно быть такой размазней? (1) (А. П. Чехов. *Размазня*).

Она кисло улыбнулась, и я прочел на ее лице: «Можно!» (2) (там же).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем итог проведенного исследования.

1. ЛАТ «размазня» моделируется в процессе диалога между пропонентом (хозяином) и оппонентом (гувернанткой).
2. Пропонент блестяще справился с ролью «софиста». Он использовал рациональную (тактика ссылки на записи, с целью подтвердить точность своих данных, представляя их как факты; а также прецедентность) и эмоциональную аргументацию (вежливость, снисходительность, доверительный тон, включая тактику призыва к сотрудничеству), при этом искажает факты. Напряжение, создаваемое в процессе диалога, искусно поддерживается пропонентом посредством тактики чередования снисхождения и упрека. Ложные (этнос) аргументы (логос) сопровождаются напористостью (пафос), что рассматривается нами как некорректный прием аргументации. В результате, адресант не дает своему собеседнику опомниться.
3. Синтаксическими средствами в диалогических репликах пропонента выступают аргументативные маркеры; фатические средства выражения (гм; верно?), множество риторических вопросов.

4. Характер реакций немногословной гувернантки по всему диалогу аргументативно выражен в виде уточнения, осторожных возражений с характерным сопровождением голоса (шепот, дрожь в голосе), допущения с согласием. Её немногословность компенсируется авторскими комментариями с использованием невербальных средств выражения коммуникативного поведения (вспыхнула, глаз покраснел и наполнился влагой; затеребила оборку, нервно закашляла и др.) в авторских комментариях. Эмоциональное состояние репрезентирует неприятие ситуации, а также нерелевантное ситуации поведение (благодарность за несправедливое жалование, включая молчание). Таким образом, богатый невербальный аргументативный потенциал типажа «размазня» выражен в различных кинетических, соматических реакциях – действиях, состояниях, а также в молчании.
5. Значимый эффект фокусируется в воспитательной функции рассказа, в котором проponent, руководствуясь благородной целью, преподает урок своей гувернантке посредством тактики провокации, с целью вызвать протест, однако перлокутивный эффект не соответствовал ожиданиям, напротив, демонстрировал обратное действие (*merci*), в силу сформировавшегося стиля поведения оппонента (прецедентность), действующей закономерности. Данное положение вещей определяет появление таких характеристик личности, как кислятина (она кисло улыбнулась), размазня. В результате диалога, в котором насыщенно представлен аргументативный потенциал проponentа (активный) и оппонента (пассивный) в различных вербальных и невербальных, а также паравербальных реализациях, формируется соответствующий ЛАТ «размазня».
6. Перспектива нашего исследования, определяемая поиском и описанием новых лингвоаргументативных типажей, связана с продолжением анализа произведений А. П. Чехова. В частности, в этом отношении интересны рассказы, в которых в сжатой форме может проявляться тот или иной типаж. Русская литература в целом – благодатный источник для выявления новых ЛАТ. В дальнейшем мы планируем исследовать неизбежный и логичный вопрос о том, каким образом соотносятся понятия «лингвокультурный типаж» и «лингвоаргументативный типаж», что способствует интегративному осмыслению проблем в области лингвокультурологии, когнитивной лингвистики и лингвоаргументологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фанян Н. Ю. Репрезентация лингвоаргументативного типажа «бытовой софист» (на материале рассказа А. П. Чехова «Дорогая собака») // Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (87). С. 102–107.
2. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика. Волгоград: Перемена, 2005.
3. Фанян Н. Ю. Аргументация как лингвопрагматическая структура: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000.
4. Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998.
5. Успенский Б. А. *Ego Loquens*: Язык и коммуникационное пространство. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2012.
6. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987.
7. Богин Г. И. Уровневое развитие языковой личности // Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь: ТГУ. 2009. С. 5–103.
8. Петров В. В. Язык и логическая теория // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 18: Логический анализ естественного языка. М.: Прогресс, 1986. С. 5–23.
9. Ивин А. А. Современная логика. Фрязино: Век-2, 2009.
10. Еемеерен ван Франц Х., Гроотендорст Р. Систематическая теория аргументации. Прагма-диалектический подход. М.: Канон+, 2021.
11. Баребина Н. С. Аргументативный диалог в аспекте теории концептуальной интеграции // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1 (030). С. 5–12.
12. Тамразова И. Г. Когнитивное пространство эристики // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 85–87.
13. Абульханова-Славская К. А. Личностные типы мышления // Когнитивная психология: материалы Финско-советского симпозиума. М.: Наука, 1986. С. 154–172.

14. Калашникова С. В. Лингвистические аспекты стилей мышления в аргументативном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь: ТГУ, 2007.

REFERENCES

1. Fanyan, N. Yu. (2023). Representation of the linguistic argumentative type "household sophist" (based on A.P. Chekhov's short story "A Dear Dog"). *Humanitarian Researches*, 3(87), 102–107. (In Russ.)
2. Karasik, V. I. (Ed.). (2005). *Aksiologicheskaya lingvistika: lingvokul'turny'e tipazhi* = Axiological linguistics: linguistic and cultural types. Volgograd: Peremena. (In Russ.)
3. Fanyan, N. Yu. (2000). *Argumentaciya kak lingvopragmaticheskaya struktura* = Argumentation as a linguopragmatic structure: Senior Doctoral thesis in Philology. Krasnodar (In Russ.)
4. Stepanov, Yu. S. (1998). *Yazyk i metod. K sovremennoj filosofii yazyka* = Language and method. Towards the modern Philosophy of Language. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury. (In Russ.)
5. Uspenskij, B. A. (2012). *Ego Loquens: Yazyk i kommunikacionnoe prostranstvo* = Language and communication space. Moscow: Russian State University for the Humanities. (In Russ.)
6. Karaulov, Yu. N. (1987). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* = Russian language and linguistic personality. Moscow: Nauka. (In Russ.)
7. Bogin, G. I. (2009). *Urovnevoe razvitie yazykovoj lichnosti* = The level development of a linguistic personality. Volume 1. Tver: Tver State University (In Russ.)
8. Petrov, V. V. (1986). *Yazyk i logicheskaya teoriya* = Language and logical theory. New in foreign linguistics. Logical analysis of Natural language, 18, 5–23. (In Russ.)
9. Ivin, A. A. (2009). *Sovremennaya logika* = Modern logic. Fryazino: Vek-2. (In Russ.)
10. Eemeren van, Frans H., Grootendorst, R. (2021). *Sistematicheskaya teoriya argumentacii. Pragma-dialekticheskij podkhod* = A Systematic Theory of Argumentation. The pragma-dialectical approach. Moscow: Kanon+. (In Russ.)
11. Barebina, N. S. (2012). *Argumentativnyj dialog v aspekte teorii konceptual'noj integracii* = Argumentative dialogue in the aspect of the theory of conceptual integration. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1(030), 5–12. (In Russ.)
12. Tamrazova, I. G. (2016). *Kognitivnoe prostranstvo ehristiki* = The cognitive space of eristics. *Cognitive studies of language*, 26, 85–87. (In Russ.)
13. Abul'hanova-Slavskaya, K. A. (1986). *Lichnostnye tipy myshleniya* = Personal types of thinking. *Cognitivnaja psichologija* (pp. 154–172). *Issues of the Finnish-Soviet symposium*. (In Russ.)
14. Kalashnikova, S. V. (2007). *Lingvisticheskie aspekty stilej myshleniya v argumentativnom diskurse* = Linguistic aspects of thinking styles in argumentative discourse: abstract of PhD thesis in Philology. Tver State University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фанян Нелли Юрьевна

доктор филологических наук, профессор
профессор кафедры французской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Fanyan Nelly Yurievna

Doctor of Philology, Professor
Professor of the Department of French Philology
Kuban State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.03.2025
15.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов персонажей и образа автора. Часть 1

О. Э. Хазанова

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
olga_edwards@inbox.ru

Аннотация. Публикация – первая часть исследования, в котором сопоставляется семантика образов возлюбленных шекспировских сонетов и образа Эроса в диалоге Платона «Пир». Метафизический смысл образов Светлого Друга и Темной Леди исследователи обычно интерпретируют как антитезу двух Афродит из речи Павсания. Наша цель – показать, что поэт использует платоновские смыслы более сложно и разнообразно, наделяя сонетных персонажей свойствами Эроса, истинного и ложного, из всех речей диалога, что ведет к полисемантичности, коллажности образов героев, смене их масок из сонета в сонет. Обращение к трудам А. Ф. Лосева и В. С. Соловьева дает возможность расширить рецептивный контекст шекспировских персонажей, по новому интерпретировать их соотношение и функции в платонической перспективе.

Ключевые слова: рецепция, метафизическое, сонеты Шекспира, «Пир» Платона, А. Ф. Лосев, В. С. Соловьев, семантика образа, Эрот, интертекстуальность

Для цитирования: Хазанова О. Э. К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов героев и образа автора. Часть 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 113–119.

Original article

On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's 'Symposium': Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 1

Olga E. Hazanova

Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
olga_edwards@inbox.ru

Abstract. The publication is the first part of the research comparing the semantics of the characters in Shakespeare's sonnets with the semantics of Eros in Plato's dialogue "Symposium". Researchers conventionally derive their metaphysical interpretations of *Fair Friend* and *Dark Lady* from the antithesis of two Aphrodites in Pausanias's speech and describe the two beloved as opposites. Our goal is to demonstrate that Shakespeare treats Plato's philosophy in a far more subtle and complex way: he employs the qualities of 'true' and 'false' Eros from all speeches in the dialogue, which makes his personages polysemantic while wearing different masks. We draw on philosophical works by A. F. Losev and V. S. Soloviev to broaden the context of the reception of Shakespeare's characters and reinterpret their relation and functions in a platonic perspective.

Keywords: reception, the metaphysical, Shakespeare's sonnets, *Symposium* by Plato, A. F. Losev, V. S. Soloviev, Eros, semantics of characters, intertextuality

For citation: Hazanova, O. E. (2025). On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's 'Symposium': Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 1. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 113–119. (In Russ.)

But our lot crawls between dry ribs
To keep our metaphysics warm
*T. S. Eliot 'Whispers of Immortality'*¹

ВВЕДЕНИЕ

Х.-Г. Гадамер пишет, что у произведения искусства всегда есть «свое собственное настоящее». При этом эстетическая образность текста выступает «трансцендентальным условием» того, что «произведение искусства могло нести в самом себе свой собственный смысл и нечто сообщать нам» [Гадамер, 2017, с. 258]. Это размышление восходит к теории именования Платона [Платон]. Художественное произведение толкуется Гадамером как имя в широком смысле, обладающее двумя сторонами: оно есть то, что понимают о нем люди, и то, что присуще ему самому по себе, т. е. по авторскому замыслу. Связкой между двумя сторонами выступает образная система: она транслирует авторские мысли и обуславливает их преломление в воображении читателей, становясь «универсумом смысла», герменевтической перспективой [Гадамер, 2017, с. 258]. Интерпретируя семантику образов героев шекспировских сонетов, мы попытаемся соединить обе эти стороны.

Рецепция произведений Шекспира, как драматических, так и лирических, в связи с философией Платона насчитывает несколько веков. Для метафизического восприятия сонетов важным моментом стало решение Эдварда Мэлоуна, первого научного комментатора Шекспира, разделить их в сборнике 1780 года на две части – о Светлом Друге (сонеты с 1 по 126) и Темной Леди (сонеты с 127 по 154) [Shakespeare, 1994], что указывало на аллюзивность образов героев по отношению к «Пире» Платона, прежде всего, к двум его Афродитам, всенародной и небесной, и привело к множественным платоническим интерпретациям поэзии в последующие культурные эпохи.

Менее чем через сто лет после Мэлоуна британский исследователь Р. Симпсон пишет о столь широком распространении толкований сонетов в платоническом духе, что это приводило к насмешкам и пародиям. Из серьезного предмета размышления Платона и Данте философия любви превратилась в поэзию под пером Петрарки и Шекспира, чтобы затем стать предметом иронии в остроумных эссе Бертона [Simpson, 1868]. Однако это не помешало Симпсону разработать собственную теорию сонетов как философско-поэтической аллегории. В его изложении платоническая философия занималась вопросами природы любви и метода восхождения в любви. По Симпсону, природа любви – страстное

¹«А мы к истлевшим ребрам льнем, Чтоб с метафизикой обняться» (Т. С. Элиот. Шепотки бессмертия). Пер. А. Сергеева

стремление к прекрасному, или, скорее, к зачатию и порождению в прекрасном – предмет, которому Шекспир посвятил все свои сонеты и поэмы и почти половину своих пьес [там же]. При сопоставлении с текстом «Пира» у Симпсона заметна неточность. В диалоге желание красоты не синонимично, а резко противопоставлено порождению в прекрасном: как инерция – энергии и творчеству, как неискусшенность – познанию.

Романтики У. Вордсворт и Дж. Китс, восхищаясь сонетами, критиковали Шекспира за привлечение платонической семантики, ведущей, по их мнению, к темноте и искусственности стиха² [прив. по: Кружков, 2014].

В XX веке У. Х. Оден в своих «Lectures on Shakespeare» описывал мистический опыт Шекспира, полученный им от Платона и Данте [Auden, 2019]. Одена, как можно заключить из его выбора сонетов для изучения, особенно интересовала неоплатоническая мысль о перерождении двоих в любви. Эта же идея исследуется в книге Дж. В. Найта «The Mutual Flame: on Shakespeare's Sonnets and The Phoenix and the Turtle» (1955).

В 2000-е годы расширение границ понятия «метафизический поэт» в западном литературоведении приводит к новому всплеску интереса к поэзии Шекспира на фоне трудов Платона и Аристотеля. В работах Г. Тески, С. Хайман, Дж. Кузнера и других исследователей указывается, что сонеты Шекспира должны рассматриваться в метафизической парадигме ввиду «особого философско-поэтического типа мышления» поэта [Treager, 2023, с. 3]. Р. Грэй обращает внимание на «удивительные фразы» в сонетах 31, 55, 108, 110, которые он считает буквальными иллюстрациями отдельных мест «Пира», а в сонетах 84 и 124 усматривает сходство с целым отрывком из «Пира» о созерцании высшей любви. В цикле же сонетов в целом аллюзии к Платону, по мнению исследователя, не сильно заметны [Gray, 2007].

И. О. Шайтанов, напротив, замечает, что рецепция сонетов в русле платоновской философии любви совершается при прочтении всего цикла целиком, а выборочное чтение дает иное представление и, скорее, подтверждает автобиографическую версию стихов. Исследователь указывает на условность символизма добра и зла в именовании «Светлый Друг» и «Темная Леди». В его понимании каждый из трех персонажей сонетов – он, она и лирический герой – реализует свой особый путь восхождения к небесной любви [Шайтанов]. Далее мы позволим

²Здесь можно наблюдать спор неоэллинистов. Е. В. Сомова пишет о периодах неоэллинизма в английской литературе: Ренессансе, XVII в., эпохе романтизма, каждый из которых стремился к «истинному эллинизму», но взгляды на эстетический идеал, возникший в Греции в V в. до н.э., для каждого периода был своим [Сомова, 2009, с. 41].

себе возразить против такой унифицирующей трактовки и покажем, что путь к небесной любви совершает только лирический герой, а Друг и Леди выполняют иные функции.

В одной из работ Е. Н. Черноземовой дается тонкая, в платоническом духе, интерпретация метафоры любви – сонета 116: с точки зрения опасности «принять низкое за высокое» [Черноземова, 2001].

Задача данной статьи – сопоставить семантику сонетного цикла и «Пира» Платона и установить смысловые параллели между образом Эрота, каким он изображен в семи речах диалога, и образами возлюбленных в сонетах. Выяснить семантику ролей, которые Светлый Друг и Темная Леди играют по отношению к лирическому герою в сонетной драматургии на фоне драматургии «Пира».

МЕТОД

Метод исследования включает элементы интертекстуального, семантического и философского анализа.

Мы опираемся на идею Платона, названную А. Ф. Лосевым «иерархией Эрота», которая предполагает развитие любви до обретения ею «предела» – достижения Единого, или Абсолюта [Лосев, 1993]. В анализ также вводятся понятия *истинного Эрота* – семантически многогранного и целостного, ведущего человека к Абсолюту, каким он выступает в речи Сократа; и *неистинного, или ложного, Эрота*, не обладающего семантической правильностью или полнотой – из речей других участников «Пира». Образы двух Эротов служат инструментами для интерпретации семантики образов возлюбленных лирического героя сонетов, выявления художественных способов преобразования семантического и драматургического содержания «Пира». В качестве философских ориентиров используются труды А. Ф. Лосева и В. С. Соловьева, создавших яркие образцы интерпретации платоновской философии любви. Такой подход дает возможность воспринять платоническую линию в сонетах Шекспира более цельно, многоаспектно и точно.

А. Ф. ЛОСЕВ О СЕМАНТИКЕ ЭРОТА В РЕЧАХ ДИАЛОГА ПЛАТОНА «ПИР»

В диалоге семь участников симпозиума поочередно произносят похвалы в честь «могучего и великого бога» Эрота – в сонетах их речи семантически переосмысливаются в характерах трех персонажей и образуют драматургию сонетных образов. Остановимся кратко на каждой речи.

В первой речи Федра выставляются, согласно Лосеву, «самые общие свойства Эрота», характерные для мифологического сознания, которое все изменения в мире воспринимало как результат любовного влечения. Поэтому Эрот в речи Федра истолковывается как самый древний и могущественный принцип.

Павсаний во второй речи вводит разделение Афродиты на «небесную», Уранию, и «общедоступную», Пандемос, основанное на обычном в Античности представлении о превосходстве мужского над женским, и формулирует «тождество небесного, мужского и духовного».

В третьей речи Эриксиммах развивает идею Эрота как сочетание противоположностей в контексте натурфилософии (подобно контрасту горячего и холодного и др.), благодаря чему Эрот приобретает «космический масштаб».

Аристофан в четвертой речи утверждает «гармонический принцип высшего и низшего» в Эроте своей мыслью о древних андрогинах, которые своей целостностью и силой несли угрозу богам, и за это были рассечены Зевсом пополам. Отсюда – постоянное стремление людей «найти принадлежащую им искони половину».

В пятой речи Агафон перечисляет отдельные главные характеристики Эрота: «красоту, вечную молодость, нежность, гибкость тела, совершенство, непризнание им никакого насилия, справедливость, рассудительность и храбрость...»

Подробное рассмотрение свойств Эрота потребовало, по Лосеву, их синтеза, обнаружения общего и неопровержимого принципа, из которого бы проистекали все свойства. Его как раз установил Сократ, речь которого, шестая, анализируется ниже.

Седьмая речь об Эроте в «Пире» – Алкивиада, поклонника Сократа, в которой к гармонии, как бы она не трактовалась, добавлены краски жизненных противоречий и многообразия, и в этом ключе он изображает Сократа.

Речи Сократа отведено центральное место. В своей похвале Эроту он синтезирует смыслы речей всех других участников симпозиума под новым углом зрения [Лосев, 1993].

Сократ рисует образ Эроса через антиномии. В антиномии о природе Эрота вульгарные его черты соединяются с благородными: подобно своей матери, нищенке Пении, Эрот не выходит из бедности, не имеет одежды и обуви, неопрятен и бездомен. Однако как его отец, бог Порос, он стремится к идеалу, он силен и отважен. Эрот постоянно занят философией, софистикой и колдовством.

Антиномия о бессмертии Эрота указывает на его положение между смертными и бессмертными: он то здравствует и радуется, если обстоятельства

его хороши, то умирает, но, следуя природе своего божественного отца, воскресает вновь.

Антиномия об отношении Эрота к богатству: он ни богат, ни беден, а все его приобретения всегда превращаются в прах. Антиномия о мудрости Эрота: здесь он также находится посредине, переходя от незнания к знанию, ведь знание прекрасно и блаженно, а Эрот любит все прекрасное [Платон, 1993, т. 2, с. 202–204]. Лосев называет это «срединой природой Эрота» [Лосев, 1993, с. 440].

Служители Эрота также заключены в антиномию: «беременные телесно» служат Эроту деторождением, а «беременные духовно» вынашивают «разум и прочие добродетели. Родителями же их бывают все творцы...» [Платон, 1993, т. 2, с. 206].

Так в речи Сократа создается образ Эроса как единство трех центральных устремлений: к постоянному обладанию благом, к порождению, к бессмертию. Кульминацией речи становится описание восхождения в любви: «... и, стремясь к красоте уже во всем ее многообразии, не быть больше ничтожным и жалким рабом чьей-либо привлекательности, плененным красотой одного какого-то... человека или характера, а повернуть к открытому морю красоты и, созерцая его в неуклонном стремлении к мудрости, обильно рождать великолепные речи и мысли, пока наконец, набравшись тут сил и усовершенствовавшись, он не узрит того единственного знания, которое касается прекрасного... И в созерцании прекрасного самого по себе... только и может жить человек, его увидевший» [Платон, 1993, т. 2, с. 211].

Лосев в комментарии к диалогу пишет: «Если любовь всегда стремится порождать, значит, ... существует вечность, ради воплощения которой только и существуют все порождения любви, физические и нефизические... Так и возникла в платоновском «Пире» знаменитая иерархия красоты, ставшая популярной на целые тысячелетия» [Лосев, 1993, с. 438].

СЕМАНТИКА ОБРАЗОВ СВЕТЛОГО ДРУГА ПЕРВЫХ СОНЕТОВ И ТЕМНОЙ ЛЕДИ. ЛОЖНЫЙ ЭРОТ

При последовательном чтении сонетов создается впечатление, что черты и свойства платоновского Эрота как будто «привиты» Шекспиром (*ingrafted*, по его собственному выражению) Светлому Другу. Так, в описании Друга во многом отразилась семантика речи Агафона о совершенствах Эрота: молодость, изящество, роскошь, радость и желанность. Светлый друг сравнивается с солнцем, золотом, розой, летним днем... Он носит *youth's proud*

livery (сонет 2); в его распоряжении *beauty's legacy* (сонет 4), *beauty's treasure* (сонет 6); он – *music to hear* (сонет 8).

Однако вспомним, что в диалоге истолкование бога любви Агафоном – ошибочно, на что указывает Сократ, и в диалектической беседе Агафон шаг за шагом соглашается с философом, принимает сократовскую точку зрения. По Сократу, Эрот не есть красота сама по себе, но *порождение* в красоте ради обретения бессмертия. Ложен Эрот в представлении Агафона – неверным было бы и воспринимать Светлого Друга первых сонетов сопричастным истинному Эросу.

При сопоставлении семантики образов Светлого Друга и Эрота из речи Сократа обнаруживается и другое важное несоответствие, функционального характера. Друг выступает *предметом поклонения* лирического героя-Поэта, тогда как сократовский Эрос – *любящее начало*, субъект, а не объект любви. Вспомним: в диалоге Диотима указывает на ошибку Сократа, предположившего (притворно) Эрота предметом любви, тогда как Эрот – тот, кто любит.

С этим связано и ложное представление Агафона (и многих читателей сонетов) о красоте и нежности Эрота; а на самом деле, как объясняет Диотима Сократу, прекрасен предмет любви, а у любящего – иной облик [Платон, 1993, т. 2, с. 205]. Поэтому причастность Светлого Друга, показанного Шекспиром во всем блеске его цветущей молодости и красоты, к Эроту оказывается ложной: она лишь интригующий драматургический ход, намеренная неправильность, введенная Шекспиром на пути читателя к пониманию образа Друга, который требует пошаговой разгадки, как и Эрот в «Пире».

Традиционное противопоставление Светлого Друга и Темной Леди как двух Афродит из речи Павсания также выглядит не вполне точным. Образ Леди, действительно, лишен внешней красоты, присущей Другу. Она наделена сладострастием и предприимчивостью в любви, что роднит ее с нищей Пенией, матерью Эрота. Однако эти контрасты возлюбленных меркнут на фоне образа лирического героя-Поэта. Между возлюбленными есть важное связующее звено – нетворческая смертная природа, резко отличающая их от лирического героя, смертных – от бессмертного Поэта.

Подобно тому, как Сократ выступает камертоном истинности мнений всех участников симпозиума, так и лирический герой-Поэт от сонета к сонету «проясняет» читателям смысл образов Друга и Леди, исследуя разные пути к бессмертию. В сонетах с 1-го по 17-й Поэт призывает Друга запечатлеть красоту в сыне, т. е. как будто бы увлекает его на путь Афродиты Пандемос, к телесному порождению. На этом пути, по В. С. Соловьеву, «чувственная

душа» сопротивляется «крылатому демону». Чувственность увлекает Эрота к земле, завязывает ему глаза и ведет к поддержанию жизни по закону бессмысленности, в серии материальных проявлений, и «крылатый демон» превращается в служебное орудие бесконечного материального вождения [Соловьев, 1991, с. 82].

Действительно ли Поэт желает этого Светлому Другу – благородному предмету своей любви? Соловьев ссылается на «пестропрестольную ... Афродиту» (Ποικιλόθρον' ἀφάντ' Ἀφροδίτη) Саффо, которую Платон признавал как данность своего времени, но отрицал ее всю, считая плотскую любовь чем-то низменным, вульгарным и недостойным человеческого предназначения. Все формы такой любви он относил к Афродите Пандемос (Ἀφροδίτη Πάνδημος), всенародной, и противопоставлял ее Афродите Урании, «которая стоит многого и великого» [Соловьев, 1991, с. 79].

Тогда можно предположить, что, призывая Светлого Друга передать красоту потомству, лирический герой лукавит; что это всего лишь его притворство, «ложный след» Шекспира, ведь с 18-го сонета Друг узнает от своего поклонника об ином способе войти в вечность – быть запечатленным в стихах Поэта. И это решение *в духе* Платона, но *не как* у Платона! Светлый Друг не станет *творцом* прекрасного, не будет сам порождать «прекрасные мысли и чувства», но будет иметь в них часть – как прекрасное создание Поэта. Тем самым в семантике образа Светлого Друга намечается переход от ложного к истинному Эроту, но формируется он в семантической сфере образа лирического героя. Такое решение Шекспира образует гибкую семантическую игру с платоновским текстом: дополнительно к описанным в диалоге, поэт (устаи Поэта сонетов) предлагает третий путь к бессмертию.

Если, вслед за М. К. Мамардашвили, посмотреть на художественное произведение как «орган порождения» мысли и чувства, с которым связана наша «страсть сбыться» [Мамардашвили, 2023, с. 57], то состояться для Поэта непременно означает присутствие еще одного, того, кого он может запечатлеть / «родить» в художественном образе; в сонетах они даже могут оказаться семантически слиты, когда речь идет о бессмертии. Этим художественным решением разнообразится и осложняется образ небесной Урании, которая обнимает уже не только творца, но и сам предмет творения.

Однако вне семантики образа лирического героя Шекспир отказывает в творческой потенции обоим предметам его любви. И Темная Леди, и Светлый Друг первых сонетов – инертны, лишены сами по себе той «творческой... бесконечно рождающей силы» [Платон, 1993, т. 2, с. 82], которая одна и есть

дверь в бессмертие. Красота в духе речи Агафона из диалога не несет Другу никаких преимуществ перед лицом вечности, и традиционное противопоставление образов Светлого Друга / Темной Леди, по крайней мере, на материале значительной части сонетов, оказывается иллюзорным. Лирический герой в этом контексте напоминает Сократа из речи Алкивиада, чья любовь к красивым – лукавство: на самом деле, Сократу неважна внешность человека, как безразличны ему и богатство, и прочие привилегии, восхваляемые толпой [там же, с. 216].

Так кем же выступают Светлый Друг первых сонетов и Темная Леди по отношению к лирическому герою? Ответ нужно искать в «иерархии красоты» Платона: от одного прекрасного лица ко всем прекрасным лицам, затем – к прекрасным душам, потом – к наукам и от них – к пределу знания, или тому прекрасному, которое неизменно и существует вечно [Лосев, 1993]. Предположим, что Светлый Друг первых сонетов и Темная Леди – разные ступени возрастания лирического героя в любви: образ Леди символизирует начало восхождения, а образ Друга – следующую, более высокую ступень на пути Поэта к Абсолюту.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ Светлого Друга в сонетном цикле полисемантический, насыщен как семантикой ложного Эрота из речи Агафона (первые 17 сонетов), так и смыслами небесными, влекущими в область истинного Эрота из речи Сократа. Приобщение Светлого Друга к «пределу любви» и бессмертию совершается через семантическое развитие образа лирического героя-Поэта, который запечатлевает в стихах предметы своей любви. Семантически образы Друга и Леди обозначены контурно, их содержательное наполнение полностью зависит от движений духа и фантазии Поэта. Эта тема рассматривается во второй части статьи, где анализируются маски, создаваемые лирическим героем для возлюбленных на основе семантики речей Аристофана, Федра, Алкивиада и Сократа.

В своей целокупности Светлый Друг и Темная Леди являют собой образ Прекрасной Дамы Шекспира, совершенно особым образом семантически сконструированный в истории сонетного жанра. Если Данте придал космический масштаб преклонению перед Беатриче Портинари, находя в ней отражение трансцендентного мира, а Петрарка ангелизировал образ Лауры, продолжая поклоняться ей в сонетах как земной женщине, то Шекспир выразил диалектичность образа идеальной Дамы введя в сонеты двух возлюбленных, к которым

лирический герой адресуется то по отдельности, то совместно, а иногда как к предмету любви, о котором нельзя сказать определенно, кто он; то как к «божественному прекрасному», то как к земному. Платоновский «Пир» предлежит этой новой двойственной интертекстуальной Прекрасной Даме

Шекспира со всей очевидностью. Ее образ, построенный Шекспиром по антиномиям платоновского Эроса, открыл богатые возможности разнонаправленного смыслового развития художественного материала сонетов, привел к новому синтезу черт «вечного образа» мировой поэзии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 258.
2. Платон. Кратил. URL: <https://djvu.online/file/k9LFiHB50j8w5> (дата обращения: 09.08.2024).
3. Shakespeare W. The Complete Works. New York: Barnes & Noble, 1994. С. 1225–1244.
4. Simpson R. An Introduction to the Philosophy of Shakespeare's Sonnets. London: Trubner & Co., 1868. С. 3–6.
5. Кружков Г.М. Потревоженный прах, или Рассуждение о сонетах Шекспира. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2014/5/potrevozhennyy-prah-ili-rassuzhdenie-o-sonetah-shekspira.html (дата обращения: 09.08.2024).
6. Auden W. H. Lectures on Shakespeare. Princeton: Princeton University Press, 2019.
7. Сомова Е. В. Античный мир в английском историческом романе XIX века: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
8. Tregear T. Shakespeare's Metaphysical Poem: Allegory, Metaphysics, and Aesthetics in 'The Phoenix and Turtle'. Oxford: The Review of English Studies, 2023.
9. Gray R. Will in the Universe: Shakespeare's Sonnets, Plato's Symposium, Alchemy and Renaissance Neoplatonism. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. С. 225–238.
10. Шайтанов И. О. Шекспир. URL: <http://www.w-shakespeare.ru/library/shaitanov-shekspir13.html> (дата обращения: 09.08.2024).
11. Черноземова Е. Н. Как исследовать по-шекспировски целостную картину мира? // Anglistica: сборник статей и материалов по литературе и культуре Великобритании и России. Москва – Тамбов, 2001.
12. Лосев А. Ф. Прембула к диалогу Платона «Пир» // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 436–440.
13. Платон. Пир. Перевод С. К. Апта // Платон. Собр. соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 81–134.
14. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Русский Эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 79–87.
15. Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, 2023. С. 57.

REFERENCES

1. Gadamer, H.-G. (1991). Aktual'nost' prekrasnogo = Actuality of the beautiful (p. 258). Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
2. Platon. Kratil = Kratil. <https://djvu.online/file/k9LFiHB50j8w5> (accessed of 09.08.2024). (In Russ.)
3. Shakespeare, W. The Complete Works, (pp. 1225 – 1244). New York: Barnes & Noble, 1994.
4. Simpson, R. (1868). An Introduction to the Philosophy of Shakespeare's Sonnets, (pp. 3–6). London: Trubner & Co.
5. Kruzhkov, G.M. Potrevozhennyj prax, ili Rassuzhdenie o sonetax Shekspira = Disturbed ashes, or Reflections on Shakespeare's sonnets. URL: https://magazines.gorky.media/nov_yun/2014/5/potrevozhennyy-prah-ili-rassuzhdenie-o-sonetah-shekspira.html (accessed of 09.08.2024).
6. Auden, W. H. (2019). Lectures on Shakespeare. Princeton: Princeton University Press.
7. Somova, E. V. (2009). Antichnyj mir v anglijskom istoricheskom romane XIX veka = The ancient world in the English historical novel of XIX century: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)
8. Tregear, T. (2023). Shakespeare's Metaphysical Poem: Allegory, Metaphysics, and Aesthetics in 'The Phoenix and Turtle'. The Review of English Studies.
9. Gray, R. (2007). Will in the Universe: Shakespeare's Sonnets, Plato's Symposium, Alchemy and Renaissance Neoplatonism, (pp. 225–238). Cambridge: Cambridge University Press.
10. Shajtanov I. O. Shekspir. = Shaitanov, I. O. Shakespeare. <http://www.w-shakespeare.ru/library/shaitanov-shekspir13.html> (accessed of 09.08.2024).
11. Chernozemova, E. N. (2001). Kak issledovat' po-shekspirovski celostnuyu kartinu mira? = How to explore the entire picture of the world in Shakespeare's way? Anglistica: Collection of articles and materials on literature and culture of the UK and Russia. Moscow – Tambov. (In Russ.)

12. Losev, A. F. (1993). Preambula k dialogu Platona "Pir" = Preamble to Plato's dialogue 'Symposium'. In Plato. Selected works (vol. 2, pp. 436–440): in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
13. Platon (1993). Pir. Transl. by S. K. Apt. Platon In Plato, Selected works (vol. 2, pp. 81–134): in 4 vols. Moscow: My'sl'. (In Russ.)
14. Solovyov, V. S. (1991). Zhiznennaya drama Platona = The life drama of Plato. Russian Eros, or Philosophy of love in Russia (pp. 79–87). Moscow: Progress. (In Russ.)
15. Mamardashvili, M. K. (2023). Besedy` o my'shlenii = Lectures on thinking. St.Petersburg: Azbuka. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хазанова Ольга Эдуардовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры контрастивной лингвистики института иностранных языков

Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hazanova Olga Eduardovna

PhD (Philology)

Associate Professor, Department of contrastive linguistics

Institute of foreign languages, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

21.03.2025
16.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Научная статья
УДК 821.111-2"15/16"(09)

Роль сферы придворного быта в становлении жанра высокой комедии Возрождения в Англии конца XVI века

Е. Н. Черноземова

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
chernozem888@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены элементы жанра придворной «маски» в пьесе Джорджа Пиля «Суд Париса» (1584). Цель – вскрыть логику взаимодействия сферы придворного быта и области сценического искусства и определить специфику тональности анализируемой пьесы. Задачи – рассмотреть скрытые внутренние конфликтные оппозиции пасторали, лежащей в основе масочной культуры, как двигателя жанрового развития внешне бесконфликтной маски. В статье подчеркиваются такие функции маски, как восхваление монарха и создание эмблемы двора, в которой каждый участник видит и осознает свое место. Выявляются трагедийные и сатирические ноты пьесы-пасторали, оттенки которых характерны как сопутствующие для комедиографии рассматриваемого периода.

Ключевые слова: маска, пастораль, придворная культура, скрытые оппозиции, отголоски трагедии

Для цитирования: Черноземова Е. Н. Роль сферы придворного быта в становлении жанра высокой комедии Возрождения в Англии конца XVI века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 120–126.

Original article

The Sphere of Court Life and its Role in the Formation of High Renaissance Comedy in England at the End of the XVI century

Elena N. Chernozemova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
chernozem888@yandex.ru*

Abstract. The article examines the elements of the court mask as the genre in George Peele's play "The Araygnement of Paris. A Pastorall" (1584). The purpose is to reveal the logic of interaction between the sphere of court life and the field of performing arts and to determine the peculiarities of the tonality of the analyzed play. The tasks are to consider the internal hidden conflicting oppositions of the pastoral underlying the mask culture as engines of genre development of an externally conflict-free mask. The article highlights such functions of the "mask" as praising the monarch and creating an emblem of the court, in which each participant sees and realizes his own place. The tragic and satirical notes of the pastoral play are revealed, the shades of which are characteristic as concomitant for the comedigraphy of the period under consideration.

Keywords: mask, pastoral, court culture, hidden oppositions, echoes of tragedy

For citation: Chernozemova, E. N. (2025). The Sphere of Court Life and its Role in the Formation of High Renaissance Comedy in England at the End of the XVI century. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 120–126. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В связи с вниманием современного литературоведения к проблеме переходных эпох [Савельев, 2017; Сапегина 2020], заявленной на рубеже XX–XXI веков Вл. А. Луковым [Луков, 1984; Луков, 1985; Луков, 2006] и интересом, в частности, к эпохе смены систем драматических жанров, осуществляемой предшественниками Шекспира, что подтверждается выходом в серии «Литературные памятники» комментированного издания «Испанской трагедии» [Кид, 2011], актуально обращение к роли придворной маски в становлении жанра высокой комедии Возрождения. Внимание к жанру придворной маски также подкрепляется публикациями последнего десятилетия [Лампасова, 2021; Лампасова, 2022].

В задачи представленной работы входит выявление двигательной силы жанрового развития внешне бесконфликтной маски, обнаружение и рассмотрение скрытых конфликтов жанра пасторали, лежащих в основе масочной культуры, что достигается методом жанрового анализа текста пьесы Джорджа Пия «Суд Париса». При этом удастся подчеркнуть такие проявившиеся в ней функции маски, как восхваление монарха и создание эмблемы двора, в которой каждый участник видит и осознает свое место. При анализе перехода к жанру высокой комедии Возрождения от масочных представлений при дворе автор статьи применяет культурно-исторический метод и опирается на фактографическое описание сохранившихся придворных представлений в книге признанного знатока эпохи Возрождения Стивена Орджела, посвятившего исследованию придворной культуры специальную работу [Orgel, 1975]. Одна из задач работы – выявление трагедийных и сатирических нот пьесы-пасторали, оттенки которых являются характерными для комедиографии рассматриваемого периода. Эта задача решается в ходе выявления ведущих конфликтов пьесы и специфики ее текста.

Для исследования был выбран текст первой публикации пьесы 1584 года, переизданный в Оксфордском университете в 1910 году, а также автор обращался к ряду комментариев на сайте старых английских пьес¹.

О том, является ли пастораль жанром конфликтным, существуют разные мнения. Они рассмотрены, обобщены и систематизированы в разделе «Пастораль в системе литературных жанров» книги И. О. Шайтанова «Мыслящая муза» [Шайтанов, 1989].

¹Peele G. The Araygnement of Paris. Annotated edition // Elizabethandrama.org. URL: <http://elizabethandrama.org/wp-content/uploads/2019/02/Araygnement-of-Paris-Annotated-Text-File.htm/> (дата обращения: 24.07.2023).

Способность пасторали эволюционировать показана и в диссертации на соискание степени доктора наук В. Н. Ганина [Ганин, 1998], где рассмотрено бытование этого жанра в эпоху Реставрации.

В отличие от работ, в которых пастораль рассматривается как собственно поэтический жанр, статья рассматривает пасторальную основу комедиографии, складывающуюся накануне появления первых шекспировских пьес. Поскольку пьеса никогда ранее не переводилась на русский язык в статье приводится ряд прямых цитат из ее текста в переводе автора статьи, подтверждающих обоснованность сделанных наблюдений и умозаключений. Автор не использует количественный анализ, принятый в лингвистических исследованиях. При необходимости сопоставительного анализа делаются указания и отсылки к произведениям современников Джорджа Пия – Джона Лили, Кристофера Марло, Бена Джонсона, составляющим контекст анализируемого текста.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РАЗНЫХ ЭПОХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР

Персонаж, считающийся в рамках одной историко-литературной эпохи невозможным в структуре конкретного жанра (монарх, невозможный в античной комедии или простолюдин в античной трагедии), может вполне быть органичным в иной жанровой системе. Высокая комедия Возрождения значительно отличалась от античной: давая образцы достойного поведения, она стала не комедией характеров, а комедией ситуаций. Отчасти это было продиктовано особенностями ее генезиса. В ее пространстве вполне возможна была фигура монарха, что исключалось «Поэтикой» Аристотеля для комедии античной. У Шекспира молодой король Наварры Фердинанд становится главным персонажем комедии «Тщетные усилия любви». Возможность этого во многом была обеспечена спецификой комедиографии, переживающей период становления незадолго до появления первых пьес Шекспира, когда под пером Джона Лили, жаждущего места мастера королевских увеселений, в обязанности коего входило составление сценариев придворных масок, появляется сатирическая комедия «Мидас», в которой монарх совершает промах за промахом, а также пьеса «Сафо и Фаон», где царица Сиракуз и сама богиня любви Венера обуреваемы любовными страстями, с которыми им едва хватает сил совладать. В эти же годы Джордж Пиль создает свою комедию-пастораль «Суд Париса».

МАСОЧНОЕ НАЧАЛО В «СУДЕ ПАРИСА» ДЖОРДЖА ПИЛЯ

Уже на титуле первого издания значилось, что пьеса игралась при дворе королевы Елизаветы, которая присутствовала на представлении, что было принципиально важным для финала, снимающего основной конфликт – недовольства богинь решением Париса присудить яблоко раздора Венере. К концу пьесы обнаруживается присутствие королевы и дар переадресовывается ей. Делается это довольно изящно. Богиня девственности Диана, получает от совета богов право свершить суд заново, на основании того, что конфликт возник в ее владениях. Она неожиданно для всех богов, богинь и зрителей объявляет прекраснейшей и достойной дара свою нимфу Элизу, обладающую несравненными достоинствами.

Ассоциацию с королевой Англии вызывает не только имя нимфы, но и описание ее достоинств в монологе Дианы длиной в 40 строк. В ремарке, предшествующей монологу, в издании 1584 года говорится: «Диана описывает нимфу Элизу, представляющую Королеву»: место ее обитания – Элизий – назван древнейшим королевством, сопоставимым с владениями самой Дианы, второй Троей, окруженной просторами морей, а большинство людей этой страны именуются ангелами («Или как-то так, Может быть, я и пропустила какой-то звук», – говорит Диана). Речь явно идет об англичанах – Angell (Engl.) (Peele, 1584, V, 1, 1251¹). В этом высказывании Дианы присутствует традиция разгадывания шарад, как одного из придворных развлечений. Элиза, по словам Дианы, дарует оружию счастье победы и украшает палубу своими коронованными львами (Peele, 1584, V, 1, 1149-1260). Вслед за монологом Дианы Паллада именует нимфу Элизию Заботой, подчеркивая соотношенность ее имени с именем королевы. А нимфы, пришедшие вручать Элизе дары, прямо называют ее королевой (Peele, 1584, V, 1, 1321). При таком текстовом подкреплении замена фигуры монарха актером при представлении пьесы в городском театре происходит достаточно легко и не требует выхода к зрителям, хотя в слове открывает новое пространство, выводящее за пределы античного мира пьесы.

Включившаяся в разрешение спора богинь Диана выполняет традиционную для комедии функцию *deus ex machina* и привлекает для установления мирных отношений новые силы. Именно здесь античным богам открывается новый мир с неизвестными пространствами и отношениями. Пьеса переходит в совершенно иное пространство

из античности в современную драматургу Англию. Условными предстают и временные отношения: оказывается, что к концу XVI века Троя еще не разрушена. Но это никак не заботит ни автора, ни зрителей. Произведение в финале переходит из разряда пьес в разряд масок. Но события и персонажи не меняют форму условности, становясь принадлежностью придворного быта – участниками представления, призванного превознести величие монарха. Боги остаются богами, тем самым возвышая величие королевы.

Именно осуществляемый акт дарения роднит финал пьесы с жанром маски, одной из функций которой было превознесение достоинств монарха и вручение ему даров.

Помимо прославления монарха у маски была и еще одна важная функция. Являя собой эмблему двора, она служила осознанию каждым придворным своего места в его структуре. Этому способствовало проведение масочного действия в зале, одна из стен которого была зеркальной, что помогало участникам видеть себя в общей композиции праздника.

Скрытые оппозиции маски и пасторали

Во внешне бесконфликтной маске существуют завуалированные невидимые конфликты. Один из них был художественно исследован Кристофером Марло в трагедии «Эдуард II»: придворные лояльны королю до той поры, пока монарх справедлив и принимает мудрые решения, способствующие процветанию государства, иначе всё грозит взрывом. Гармония двора зиждется на взаимном уважении монарха и придворных и содержит в себе конфликт в потенциале.

Вторая существующая оппозиция «двор – мир вне двора». В придворной маске внешний дисгармоничный мир как бы не существует. Развивая жанр, Бен Джонсон ввел в него нежанровое содержание, которое и послужило усложнению его структуры [Cave, Schafer, 1999; Harp, Stewart, 2000]. При разработке внутреннего конфликта маска как жанр разрушается. Разрушение происходило и в том случае, если в маску входили неидеальная богиня или герой. Таким образом, искусство устроителя праздника заключалось в том, чтобы вводя в маску пасторальное содержание, не обострить, не актуализировать скрытые конфликты ни маски, ни пасторали.

Помимо отмеченных скрытых конфликтных оппозиций в маске существовали и другие. В пьесе Пилля наиболее очевидными при этом оказываются оппозиции «пастух – нимфа» (частный вариант оппозиции «мужчина – женщина»), воплощенный

¹Указывается год издания, акт, сцена, номера строк.

в образах Париса и Эноны и развивающийся в драматический конфликт, близкий трагедийному. Важна и оппозиция «олимпийские боги – боги пастушеские» при разработке дающая сатирический эффект (Peele, 1584, акт 1, сцена 2).

Трагедийные диссонансы в пасторалях

Центральным, вынесенным в заглавие пьесы в «Суде Париса» оказывается конфликт между Парисом и богинями. Просвещенному зрителю известно, что именно он послужит во многом характеру предстоящих событий Троянской войны. Именно о них говорится в прологе пьесы, настраивающем зрителя на трагическую волну, диссонирующую с пасторалью. Мрачность пролога подчеркнута уже тем, что произносится он Атой, богиней несущей безумие, ведущей к несчастьям. Ею нагнетается атмосфера мрака:

...thick and foggy smoke, piercing the sky,
Must serve for messenger of sacrifice,
T' appease the **anger** of the **angry** heavens...
Густой туманный дым всё небо пронизал
И должен
Служить он вестником для жертвоприношенья,
Чтоб успокоить **гнев** разгневанных небес.

Сатирические оттенки в пасторалях

Зрительские ожидания трагедии оказываются счастливо нарушенными светлой идиллией, обещающей появлением в первой сцене пастушеских богов, готовящихся к встрече олимпийских богинь. Правда, уже здесь, идиллическую бесконфликтность разрушают их ворчливые реплики-комментарии ведущихся приготовлений. Каждый из младших богов рассказывает, что он приготовил к встрече. Описательность этих повествований под стать той, что была неотъемлемой чертой пасторали со времен Феокрита.

Последней из сельских богов появляется Флора и рассказывает о том, как она убрала поля и рощи, потоки и берега ручьев примулами, гиацинтами, фиалками и маргаритками, устроив вторую весну (Peele, 1584, 1, 2, 90–110). Затем Флора описывает цветочный портрет каждой из трех олимпийских богинь. После рассказа о каждом из них следует резюмирующая едкая реплика одного из сельских богов, подчеркивающая несносный характер ода-риваемых. Для Юноны Флора отобрала ярко-желтые, горящие, как золото, цветы (Peele, 1584, 1, 2,

115–118). Формирующаяся идиллия разбивается репликой Помоны:

Pom. A rare device; and Flora well, perdy,
Did paint her yellow for her jealousy.
Редчайшее убранство, Флора, да,
От ревности вся желтая она (Peele, 1584, 1, 3, 46–48).

Портрет Паллады Флора создала из цветов всех оттенков красного цвета, они покроют и перья шлема богини, и эгиду с головой Горгоны так, что Паллада может оказаться неузнаваемой (Peele, 1584, 1, 3, 121–126). На этот раз идиллию нарушает Пан, утверждая, что выбранный цвет подчеркивает воинственность и кровожадность Паллады:

Pan. Good Flora, by my flock, 'twere very good
To dight her all in red resembling blood.
Клянусь стадами, все удачно вновь.
Все красное напоминает кровь
(Peele, 1584, 1, 3, 56–58).

Портрет Венеры Флора собрала из голубых фиалок, вставив в наряд и другие цветы, чтобы подчеркнуть нежность голубого тона, который гармонировал с подвесками, браслетами, кольцами богини, ее изящным веером и другими вещами (Peele, 1584, 1, 3, 72–74). И здесь, комментируя старания Флоры, идиллию нарушает Сильван:

Sil. A dainty draught to lay her down in blue,
The colour commonly betokening true.
Её – да в голубое окунуть, –
Ведь голубое обнажает суть
(Peele, 1584, 1, 2, 141–142).

Так актуализация конфликта сельских и олимпийских богов меняет природу пасторального наполнения пьесы. По М. М. Бахтину, содержательность формы направляет авторскую мысль и определяет «выступление за тему» [Бахтин, 1979, с. 241–242].

Элегические оттенки пасторальных сцен

Собственно пасторальной в пьесе оказывается только сцена, выполняющая функцию маски. Она предшествует встрече с олимпийскими богинями, когда все споры стихают перед приходом высоких гостей, и все поют с хором птиц, призывая Эхо вторить гимну холмам Иды – месту священного брака Геры и Зевса (Peele, 1584, 1, 3, 178–194).

Интересна природа пасторальности в сцене первого появления Париса (Peele, 1, 5), когда он беседует с нимфой Эноной. Одна из реплик нимфы

знаменует возможность развития еще не обозначенного, но потенциально существующего конфликта из оппозиции «мужчина – женщина», «верность – неверность». Нимфа предлагает Парису спеть рондо, в котором повторяются слова о том, что каждый, кто переменит старую любовь на новую, сделает это к худшему. Нимфа называет это проклятием Купидона (Peele, 1584, I, 5, с. 304–305). Спев рондо, Парис клянется нимфе в любви, и последующий конфликт становится яснее зрителю, знающему о причинах падения Трои. Пение под дудочку на холмах Иды оказывается чреватом конфликтом. Разрушают покой пасторали и сюжеты метаморфоз, перечисляемые Эноной в ответ на просьбу Париса рассказать одну из ее многочисленных историй. Актуализация скрытых конфликтов в слове способствует созданию зрительских ожиданий в развитии сюжета.

Функция образа монарха – снятие конфликта

Спор, затеянный богинями вокруг яблока раздора, грозит трагическими последствиями, ибо каждая из них могущественна и своенравна. Две проигравших обращаются к совету богов, который созывает Юпитер, как верховный правитель. Именно в ходе совета возникает предложение передать решение конфликта Диане, в том числе и для того, чтобы обезопасить Зевса от нападков Юноны, если она окажется без награды. Этот мотив вносит сатирическую ноту в пастораль. Именно разнообразие настроений делает пьесу интересной, а развивающиеся в ней события непредсказуемыми. Мотив совета богов и решение Дианы в финале пьесы снимает напряженный конфликт, выводя пьесу за пределы общеизвестного мифологического сюжета, предлагая его новое завершение, вполне приемлемое для идиллии и пасторали. При этом происходит прорыв пространства пьесы и выход действия в зрительское пространство, что выражается в представлении при дворе в прямом обращении к королеве, а при представлении в городском театре – в напоминании зрителям о принадлежности к прекрасному миру, находящемуся под властью прекрасной монархини.

Повторение пороков монарха подчиненными. Ошибочность оценок

В 3-й сцене 3-го акта появляется страдающая от отсутствия Париса нимфа Энона: он больше не проводит с ней часы досуга, оставаясь всё время рядом с Венерой. Нимфа называет Париса лживым и обращается в песенке к музе трагедии Мельпомене

с призывом поведать о глупой покинутой нимфе (Peele, 1584, III, 3, 663–688), что показывает: тема любовной измены может трансформировать пастораль в трагедию. Но в пьесе с подзаголовком «Пастораль» на подмогу нимфе приходит Меркурий, который представляет себя не как бога, но как самую светлую планету (т.е. наиболее близкую к Солнцу – верховному правителю). При этом он, как и римский Меркурий, выполняет роль вестника богов и обещает отыскать обидчика нимфы: именно за этим он послан Юпитером с жалобами Юноны и Паллады на Париса (Peele, 1584, 3, 3, 689–707).

Дж. Пиль проводит идею о повторении пороков, которым подвержен верховный властитель, в подчиненных. От намека Сильвана на коварство Венеры в его высказывании по поводу ее голубого убранства через демонстрацию ее обольстительности в сцене завладения золотым яблоком Дж. Пиль ведет к тому, насколько дурной пример поведения богини может быть заразительным: во 2-й сцене 4-го акта Вулкан спрашивает Вакха, почему бы ему не позволить себе вести себя также, как смеет себя вести Венера.

Однако сцена общения Париса с Венерой показывает, что представление о Венере и нимфы Эноны, и Сильвана с Вакхом ошибочны и далеки от объективности. Венера утверждает суровые законы и наказания для изменников в любви и предостерегает Париса от измены. Она рассказывает о мучениях, которым подвергаются отступники в царстве теней: в их раскрытые сердца падают горящие капли с дерева Забвенья. И об этом она сама просила властителя царства мертвых.

Париса поражает суровость законов любви. Ему предстоит убедиться в близости любви и смерти, присутствуя при погребении пастуха, умершего от неразделенной любви, что создает нечто небывалое – не идиллическую, а трагическую пасторальность, но то наказание, которому Венера подвергает виновную в смерти пастуха гордую Фестелину, переводит события в плоскость сатирической комедии (Peele, 1584, III, 5). Венера считает, что страдания и раны любви исправляют нравы, и заставляет прекрасную нимфу влюбиться в отвергающего ее уродливого и грязного мужлана.

Отголоски отдаленной трагедии всё время присутствуют в пьесе. При том, что действие происходит в Античном мире, в ней время от времени появляется слово *hell* – *ад*. Оно звучит в первой же строке пьесы в Прологе Аты, для которой уместнее было бы определить место своего пребывания как Тартар или Аид.

Condemnèd soul, Até, from lowest hell,
And deadly rivers of th' infernal Jove,

Where bloodless ghosts in pains of endless date
Fill ruthless ears with never-ceasing cries,
Behold, I come in place, and bring beside
The bane of Troy!

Из ада Аты осужденная душа
От смертоносных рек, от властелина ада,
Где призраки бескровные бессрочно
В мученьях криком поражают уши
Безжалостных. Оттуда я
Несу проклятье Трое!

Hell появляется при перечислении Эноной сюжетов, которые она могла бы пересказать Парису. Под номером 9 она называет рассказ о страданиях грешников в аду и о том, в чем заключалась их нечестность при жизни на земле. Появление такого сюжета в ряду античных под номером 9 наталкивает на ассоциации, связанные с адом у Данте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трагедийные оттенки, присутствующие в «Суде Париса», оказываются характерными и возможными

в ряде высоких комедий рассматриваемого периода и соответствуют жанровым смещениям в появляющихся вслед за ними пьесах Шекспира. Юпитер, верховный правитель богов, проявляющий малодушие перед возможным гневом супруги, оказывается представленным в неидеальном сатирическом виде, чтобы подчеркнуть совершенство земного монарха. Пьеса показывает пути развития драматургии, вырастающей на жанровых смещениях и совмещении театральной практики и традиций придворного быта. Мотив соперничества богинь становится, по Л. Е. Пинскому, магистральным сюжетом [Пинский, 1989], получающим развитие не только в комедийной, но и в трагедийной огласовке в ранней студенческой пьесе Кристофера Марло «Дидона, царица Карфагена», впервые опубликованной в 1594 году, где конфликт Троянской войны определяется продолжающейся враждой между Венерой и Юноной. Таким образом, мотив спора богинь из-за золотого яблока становится системообразующим при формировании системы драматических жанров английского Возрождения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Савельев К. Н. Тезаурусный подход и проблема переходных периодов // Libri Magistri. Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова. 2017. № 3. С. 14–19.
2. Сапегина Л. В. Поэтика переходности в английском романе начала XX века (на материале ранней прозы Комптона Маккензи): дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2020.
3. Луков Вл. А. Французская драматургия (предромантизм, романтическое движение). М.: Московский государственный педагогический институт, 1984.
4. Луков Вл. А. Французская драматургия на рубеже XVIII–XIX веков (генезис жанров): дис. ... д-ра филол. наук. М.: Московский государственный педагогический институт, 1985.
5. Луков Вл. А. Предромантизм. М.: Наука, 2006.
6. Кид Т. Испанская трагедия / ред. Н. Э. Микеладзе, пер. М. М. Савченко. М.: Ладомир-Наука, 2011.
7. Лампасова А. В. «Маска о черноте» Иниго Джонса как явление театра английского барокко // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2021. № 2. С. 8–22.
8. Лампасова А. В. «Гименей» и «Маска королей» Иниго Джонса. Ранние зрелища при дворе Якова I и театральная эстетика барокко // Философия и культура. 2022. № 3. С. 88–96.
9. Шайтанов И. О. Мыслящая муза. М.: Прометей, 1989.
10. Ганин В. Н. Поэтика пасторали: эволюция английской пасторальной поэзии XVI–XVII веков: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
11. Orgel S. The Illusion of Power. Political Theater in the English Renaissance. Los Angeles – London: University California Press, 1975.
12. Cave R., Schafer E. Ben Jonson and Theatre: performance, practice and theory. London, New York: Cambridge University Press, 1999.
13. Harp R., Stewart S. The Cambridge companion to Ben Jonson. London: Cambridge University Press, 2000.
14. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, прим. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. М.: Искусство, 1979.
15. Пинский Л. Е. Магистральные сюжеты. М.: Советский писатель, 1989.

REFERENCES

1. Savel'ev, K.N. (2017). The thesaurus approach to the problem of transitional periods. *Libri Magistri*. Magnitogorsk: Magnitogorskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet im. G. I. Nosova, 3, 14–19. (In Russ.)
2. Sapegina, L. V. (2020). *Poetika perekhodnosti v anglijskom romane nachala XX veka (na materiale rannej prozy Komptona Vakkenzi)* = The poetics of transitivity in the English novel of the early twentieth century (based on the material of Compton Mackenzie's early prose): PhD in Philology. Donetsk. (In Russ.)
3. Lukov, V. A. (1984). *Francuzskaya dramaturgiya (predromantizm, romanticheskoe dvizhenie)* = French drama (pre-romanticism, romantic movement). Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. (In Russ.)
4. Lukov, V. A. (1985). *Francuzskaya dramaturgiya na rubezhe XVIII–XIX vekov (genezis zhanrov)* = French drama at the turn of the XVIII–XIX centuries (genesis of genres). Senior Doctoral thesis in Philology. Moscow: Moskovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut. (In Russ.)
5. Lukov, V. A. (2006). *Predromantizm* = Pre-romanticism. Moscow: Nauka. (In Russ.)
6. Kid, T. (2011). *Ispanskaya tragediya* = The Spanish tragedy. Ed. by N. E. Mikeladze, transl. by M. M. Savchenko. Moscow: Lodomir-Nauka. (In Russ.)
7. Lampasova, A. V. (2021). "Maska o chernote" Inigo Dzhonsa kak yavlenie teatra anglijskogo barokko = "The Masque of Blackness" by Inigo Jones as a Phenomenon of English Baroque Theatre. *Theatre. Painting. Movie. Music*, 2, 8–22. (In Russ.)
8. Lampasova, A. V. (2022). "Gimenej" i "Maska korolev" Inigo Dzhonsa. *Rannie zrelishcha pri dvore Yakova I i teatral'naya estetika barokko* = "Hymenaei" and "The Masque of Queens" by Inigo Jones. *Early Spectacles at the Court of James I and the Theatrical Aesthetics of the Baroque*. *Filosofiya i kul'tura*, 3, 88–96. (In Russ.)
9. Shajtanov, I. O. (1989). *Myslyashchaya muza* = The Thinking Muse. Moscow: Prometej. (In Russ.)
10. Ganin, V. N. (1998). *Poetika pastorali: Evolyuciya anglijskoj pastoral'noj poezii XVI–XVII vekov* = The Poetics of Pastoral: The Evolution of English Pastoral Poetry of the XVI–XVII centuries: Doctorate in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Orgel, S. (1975). *The Illusion of Power. Political Theater in the English Renaissance*. Los Angeles – London: University California Press.
12. Cave, R., Schafer, E. (1999). *Ben Jonson and Theatre: performance, practice and theory*. London, New York: Cambridge University Press, 1999.
13. Harp, R., Stewart, S. (2000). *The Cambridge companion to Ben Jonson*. London: Cambridge University Press.
14. Bakhtin, M. M. (1979). *Problema rechevyh zhanrov* = The problem of Speech Genre. In Bakhtin M. M., *Estetika slovesnogo tvorчества*. Comp. S. G. Bocharov, notes by S. S. Averintsev and S. G. Bocharov. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
15. Pinskiy, L. E. (1989). *Magistral'nyj syuzhet* = The main plot. Moscow: Sovetskij pisatel'. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черноземова Елена Николаевна

доктор филологических наук
профессор кафедры всемирной литературы Института филологии
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chernozemova Elena Nikolaevna

Doctor of Philology (Dr. habil.)
Professor at the Department of World Literature, Institute of Philology
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

22.03.2025
14.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Перформанс идентичности в визуальных образах (живописи, фотографии)

К. Г. Антонян¹, Н. А. Соколова²

¹Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

¹tursa@list.ru

²alonsa@inbox.ru

Аннотация. Цель работы – анализ перформативной природы идентичности, получающей свое отражение в визуальных образах. Материал исследования – живопись и фотография, которые отражают идентичность как автора (художника, фотографа), так и самого изображаемого объекта. Методологически исследование опирается на культурологический и перформативный подходы, позволяющие проанализировать проявления идентичности в зависимости от социокультурного и исторического контекста. Исследование способствует пониманию перформанса, исполняемого на «жизненной сцене», как средства проявления идентичности. Визуальные образы фиксируют эти проявления, позволяя расширить представления о культурной эпохе, их породившей, а также средствах и способах «управления впечатлением».

Ключевые слова: перформативность, идентичность, перформанс идентичности, перформативность изображения, визуальный образ, перформативный образ

Для цитирования: Антонян К. Г., Соколова Н. А. Перформанс идентичности в визуальных образах (живописи, фотографии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 127–134.

Original article

The Performance of Identity in Visual Images (painting, photography)

Karina G. Antonian¹, Nina A. Sokolova²

¹Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

²Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

¹tursa@list.ru

²alonsa@inbox.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the performative nature of identity. Performativity is reflected in visual images. The research is based on the material of painting and photography. A painting and a photograph are a representation of the identity of the author (artist, photographer) and the depicted object. The image is now being presented as a new scientific tool, they contain socio-cultural meanings and are actors. Methodologically, the research is based on culturological and performative approaches. This methodology allows us to explore identity in the context of changing socio-cultural conditions. The research contributes to the understanding of the image as a «scene» in which the performance unfolds.

Keywords: performativity, identity, the performance of identity, performativity of the image, visual image, performative image

For citation: Antonian, K. G., Sokolova, N. A. (2025). The performance of identity in visual images (painting, photography). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 127–134. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Целью работы является анализ перформативности, которая обнаруживается в визуальных образах репрезентации идентичности. К задачам исследования относятся, во-первых, выявление особенности репрезентации идентичности в живописи и фотографии. Для решения данной задачи используется семиотический метод анализа изображения. Во-вторых, выявление особенностей представления идентичности в визуальных образах, опираясь на герменевтический метод, который позволяет интерпретировать образы, исходя из той эпохи и культурной среды, в которой он был создан.

Концепция перформативности берет свое начало в теории британского лингвиста Д. Остина, выявившего слова (клятвы, приказания, приветствия и прощания, обещания и т. д.), которые, по сути, равнозначны действиям. Перформативные высказывания при соблюдении ряда условий влияют на реальность, изменяя ее. Самый известный пример такого высказывания – священник, объявляющий в церкви на церемонии бракосочетания пару мужем и женой. Д. Батлер применила данный подход при анализе гендера, который не столько существует объективно, сколько перформативно исполняется в соответствии с социокультурными конвенциями. Р. Шехнер синтезировал различные подходы к пониманию перформативности, обозначив это междисциплинарное направление как «performance studies».

Для понимания перформативности как основной категории данного исследования основополагающими могут считаться идеи, изложенные социальными интеракционистами. И. Гофман использовал театральные метафоры для объяснения логики социальных взаимодействий. Понятие И. Гофмана «управление впечатлением» применяется к визуальному образу, в котором идентичность собирается посредством знаков и символов, но также и посредством нарратива – истории, воплощенной при его создании [Гофман, 2000]. Визуальная репрезентация позволяет зафиксировать тот вариант идентичности, который будет отвечать личностным и социокультурным условностям. Так, повседневные семейные фотосессии перформативно отыгрывают идентичность мужа / жены и родителя, профессиональные модные – модели или бренда. Картина воплощает различные социокультурные идентичности как в самих образах, так и художника (например, выбор авторского стиля будет нести отпечаток личности).

Визуальный поворот в современной культуре, зафиксированный У. Дж. Т. Митчеллом, провозгласил примат изображения над другими способами коммуникации. Визуальные исследования,

опирающиеся на работы Дж. Элкинса, У. Дж. Т. Митчелла и других, ставят вопросы, выходящие за рамки семиотического анализа: кто субъект смотрения? на что смотрят? почему видят то или иное? Так, визуальная социология (П. Штомпка) предлагает обратиться к фотографии для анализа общества, визуальная антропология к кинематографу и фотографии. Исследование искусства инструментарием *visual studies* можно проследить в работах М. Баксандалла, С. Альперс, Д. Бергера. Фотография анализируется Р. Бартом, Н. Мирзоевым, Е. В. Петровской. Визуальные исследования изменяют сам объект искусства, включая широкий спектр визуального опыта, подчеркивая изменившиеся сегодня практики смотрения.

Идентичность выступает своего рода конструктом, который складывается из многих составляющих (психологическая, национальная, социальная, культурная, политическая, экономическая и т. д.) и перформативно проявляет себя вовне. Создаваемый визуальный перформанс включает идею (образ – абстрактную минимальную сущность [Митчелл, 2017]) и форму воплощения (собственно изображение – материализацию образа [там же]). А перформативный подход позволяет выявить динамическую сущность визуального образа. Как пишет Р. Шехнер, обосновавший данный подход: «A performance studies scholar examines texts, architecture, visual arts, or any other item or artifact of art or culture not in themselves, but as players in ongoing relationships, that is, “as” performances. <...> Briefly put, whatever is being studied is regarded as practices, events, and behaviors, not as “objects” or “things”» [Schechner, 2013, с. 2].

Методологически исследование опирается на культурологический подход, предполагающий анализ заявленной проблематики в культурно-историческом контексте. Перформативная оптика позволяет рассмотреть образ как внутренне динамическую силу, воздействующую на повседневность не всегда очевидным способом. Герменевтический метод в рамках данного подхода позволяет интерпретировать художественные образы как результат работы сознания, извлекая из них социокультурное перформативное значение. Используемый семиотический анализ осмысляет изображения в качестве социокультурного текста, а образы в качестве носителей кодов поведения и средства позиционирования себя вовне, воплощения собственной идентичности.

Сама идентичность рассматривается как цепочка перформативных актов, которая более или менее сознательно контролируется индивидуумом и корректируется в зависимости от ситуаций и внешних условий. Перформативность

предполагает подвижность и нестабильность: «... conceptions of performance and performativity give an overwhelming sense of instability and volatility – of identities, scientific facts, realities, etc. They put a lot of emphasis on contingency, messiness, and diversity of everyday micro practices <...> On one hand, they hold that there are no fixed, unquestionable entities to rely upon. <...> On the other hand, there is no acceptance for the “anything goes” attitude. Contrarily, it is very much highlighted that constructing and maintaining anything that resembles of an independent, stable entity is a matter of great effort, of constant learning from trials and errors, a struggle with no predictable ending» [Eyerman, McCormick, 2016, с. 134]. Другими словами, перформанс идентичности разыгрывается вовне каждый раз заново в зависимости от условий и ситуаций. В отличие от театрализации, которая есть создание иллюзии [Гофман, 2000], перформанс – это подлинное «я» в проживаемом событии. Идентичность не является чем-то раз и навсегда данным и определенным, попытки свести ее к стабильному набору свойств и качеств требует огромных ресурсов по их внедрению и поддержанию.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения предложенного способа анализа визуального материала для культурологов, а также профессиональных коммуникаторов, работающих с визуальными источниками (журналисты, политики и т. д.).

КАРТИНА

С точки зрения перформативности картины включают в себя различные аспекты: процесс создания произведения художником, который работает с материалом, реализуя в нем художественный образ, динамика самого изображения, нарратив, который реализован в работе. Любое произведение имеет цель и план исполнения, в нем проявлена творческая воля художника, персональный подход к исполнению, по формулировке С. М. Даниэля: «произведение представляет собой запечатленный образ действия» [Даниэль, 1990, с. 15], т. е., с одной стороны, произведение является носителем социокультурных и исторических смыслов, с другой – воплощает в себе творческую идентичность художника. Так, работы художников, принадлежащих к направлению абстрактного экспрессионизма, Виллема де Куннинга и Марка Ротко будут представлять совершенно различные варианты «исполнения себя» и способа создания своих произведений. Кроме того, сама работа создает вокруг себя перформативное пространство, обеспечиваемое зрительской реакцией, а также

персональной биографией произведения (от момента создания и дальнейшего существования в качестве объекта до различных практик участия в социокультурной жизни, и динамики его смыслов в различные исторические эпохи). Перформанс идентичности осуществляется либо внутри произведения – играет сам изображенный персонаж, либо можно говорить об идентичности мастера, который запечатлевает себя, свою личность и свое историческое время в процессе творения и его результате.

Описывая жанр портрета одной из наиболее «театральных» эпох в европейской культуре – XVIII века, – И. Е. Данилова пишет: «Человек в портрете XVIII века не раскрывает, но играет себя, так же, как он играет себя в жизни, творит свой собственный облик, подает себя миру не таким, каков он есть по природе, но таким, каким он хочет быть увиденным окружающими, таким, каков он по имитируемому облику. И в жизни, и в портрете человек выступает перед публикой, перед зрителями» [Данилова, 2005, с. 112]. Причем эта театральность свойственна манере держаться, жестам, внешнему облику, сформированному одеждой, в то время как лица на портретах XVIII века лишены информативности, по ним мало что можно сказать о внутреннем мире персонажа, его характере. На лица словно надета, мало говорящая о внутренней жизни, светская маска – полуулыбка, шаблонная трафаретная мимика. Начиная с XVII века постепенно разрушается интровертированность портрета, свойственная Ренессансу, его устремленность внутрь себя, и в портрет вторгается взгляд со стороны [Данилова, 2005], диктующий образу барочную театральность и игривость поведения, ношение типизированной социальной маски. Так, портреты и автопортреты Рембрандта и Ф. Халса словно примеряют различные выражения лица и мимики, рассматривая себя внешним взглядом. Идентичность персонажа представляется посредством социокультурных норм и правил в соответствии со светскими условностями. Фактически, социальная идентичность является доминирующей в данную эпоху существования портретного жанра, представая своего рода «одеждой», в которую облачаются на публике, чтобы дать знать миру о своем статусе и месте в существующей иерархии. Понятие «фасада» для обозначения носимых социальных личин уже в XVII веке используется Ф. де Ларошфуко: «Можно сказать, что у человеческих характеров, как и у некоторых зданий, несколько фасадов, причем не все они приятны на вид» [Ларошфуко, 1971, с. 173].

В 1656 году Диего Веласкес пишет «Менины», где в центре полотна перед зрителем предстает

юная инфанта Маргарита, в то время еще ребенок. Несмотря на свой возраст, инфанта изображена как взрослая женщина, будущая королева. Ее застывшая поза соответствует церемониалу: она отображает наложенные на нее регалии, включающие детскую непосредственность. Картина не иллюстрирует историю, она разыгрывает сцену, живыми свидетелями и участниками которой становятся зрители, пришедшие в музей, поскольку, как пишет С. Альперс: «...We all looked at by those at whom we are looking» [Alpers, 1983, с. 31]. А размер холста делает фигуры на нем соразмерными реальным телам: «This appeal at once to eye and to body is a remarkable pictorial performance which contradictorily presents powerful human figures by means of illusionary surfaces» [там же].

Различные типы идентичностей: властная – инфанты, подчеркнуто подчиняющаяся в церемониальном реверансе – фрейлин, свободная от условностей – карликов, профессиональная – самого художника, изобразившего себя за работой, отыгрываются на сцене, которую представляет собой холст. Статичная двумерность полотна оборачивается условностью, в пространстве которой разворачивается визуальный перформанс социокультурных иерархий, совпадающих с идентичностями изображаемых. Зритель не может ничего сказать о личностных характеристиках представленных персон, их идентичности представлены посредством запечатленных статусных ролей.

Идентичность изображенного персонажа конструируется посредством одежды, позы, мимики, жестов, которые отражены в полотне, т. е. на картине происходит то, что И. Гофман обозначил как «управление впечатлением» [Гофман, 2000] – представление себя в нужном социокультурном ракурсе. Однако изображенная модель не вполне самостоятельна в выборе антуража для своего «спектакля», который опосредован принятыми правилами и нормами. Также и сам художник представляет себя и свое «я» в процессе создания композиции. Так, в «Менинах» Веласкеса «...сам интерьер наделен “ролью”, и в этом пространстве действующие лица вольно или невольно представляют некую сцену» [Даниэль, 1990, с. 150], почти все лица обращены прямо к зрителям. Персонажи не статичны. И сам художник, срежиссировавший эту визуальную постановку, включил себя как место сборки, становясь тем, кто управляет всем представленным на полотне «спектаклем»: «...то, что он изображен именно как живописец, в самом процессе творчества, позволяет иначе истолковать его действительную роль, в которой он выступает господином положения, – тем, благодаря кому всё существующее на холсте и обрело

зримо действительное существование» [Даниэль, 1990, с. 155].

В XX веке картинная плоскость приобретает новые параметры и характеристики, внося перформативность в самую ткань произведения. В жестовой абстракции Виллема де Кунинга можно наблюдать движение кисти художника, его энергетический заряд. Джексон Поллок, уподобляющий творческий акт шаманству, возводит акт творчества – сам рабочий процесс – в статус искусства. В перфорированных работах Лучано Фонтана разрезы и проколы полотна важны не только сами по себе, но и позволяют реконструировать жест художника, а также включить в игру зрителя, который обнаруживает, благодаря разрезу, условность находящегося перед ним монохрома. Когда фигуративная живопись сменяется новыми образами, абстрактными или работающими с чистым цветом, перформативность продолжает присутствовать. Говоря о трансформациях живописи в XX веке И. Е. Данилова пишет: «Картины XX века становятся всё более безлюдными, все более бессюжетными. В них, взамен человеческих персонажей, господствуют либо вещи, ожившие, разыгрывающие драматические композиционные ситуации, либо – всё вытесняющая, всё заполняющая пустота» [Данилова, 2005, с. 74]. Абстракционизм в течение всей истории развития есть разворачивающийся перформанс, поскольку уходит от традиционного мимесиса и не служит для иллюстрации события или истории. Само полотно вскрывается, отказываясь следовать иллюзионизму. Объектное бытие картины обнаруживает самостоятельный самооценный характер, отрываясь от подчиненности сюжетности изображения и его символического содержания. Картина-объект, открытая модернизмом, демонстрирует свою поверхность и разоблачает инструменты создания иллюзии образов. Она живет, обретая материальную субъектность.

Таким образом, и в фигуративной живописи, и в абстрактных полотнах присутствует перформативно проставленная идентичность либо изображенного образа, либо художника, либо самой картины как объекта.

ФОТОГРАФИЯ

Исследование фотографии как перформанса и ритуала имеет свою научную традицию. Прежде всего, «перформативной фотографией» называют фотодокументирование перформанса как искусства. Причем фотодокументация воспринимается в качестве происходящего «здесь и сейчас», эти изображения не статичны, они являются

действиями (не то, что «было когда-то», а то, что происходит сейчас) [Auslander, 2006]. Так, анализируя и сравнивая фотообразы перформанса Криса Бурдена «Выстрел» (реального события 1971 года, в ходе которого художнику прострелили руку) и Ива Кляйна «Прыжок в пустоту» («мнимое выступление» 1960 года, псевдособытие выпрыгивания художника из окна второго этажа, организованное как запечатленное действие), П. Ауслендер различает «фотодокументацию» (точка доступа к реальности события) и «театрализацию» (действие существует только в пространстве документа, т. е. совпадение «события» и образа) [Auslander, 2006, с. 1]. В первом случае фотография играет подчиненную роль, поскольку служит лишь в качестве дополнительного инструмента, а главным объектом является само живое действие – перформанс.

Также под перформативностью фотографии подразумевают сам процесс фотографирования [Shusterman, 2012], при котором телесные практики фотографа и организация фотосессии занимают центральное место. Тогда фотография как конечный объект теряет свое доминирующее значение, в фокус внимания включается весь комплекс технико-технологических средств и обстоятельств, благодаря которым обретает свою материальную форму фотообраз: «What I wish to highlight as the photographic process of performance is essentially what goes on in the process of setting up, preparing, and taking the photographic shots in a photography session» [Shusterman, 2012, с. 68].

Далее перформативность обнаруживается в свойственных фотографии моментах случайности и непредсказуемости, независимости от авторского контроля [Taylor, 2017]. И, наконец, фотография (как и любой объект культуры) способна создавать вокруг себя событийное поле, порождать новые смысловые ситуации и форсировать социокультурные последствия (например, резонансные фотографии времен вьетнамской войны «Казнь в Сайгоне» Эдварда Адамса и «Напалм во Вьетнаме» Ника Ута, как считается, «остановившие войну», или фотография, сделанная во время теракта 11 сентября 2001 года в США, «Падающий человек» Ричарда Дрю, инициировавшая дискурс о кризисе репрезентации и др.). Фотообраз не безобиден, он существует в реальном мире, существенным образом воздействуя на него.

Перед объективом фотографа, делающим снимок позирующего человека, происходит вполне сознательная работа со своей идентичностью, ее сотворение перед объективом. Как пишет Р. Барт о роли фотоаппарата, инициирующего самоосознание: «...Находясь перед объективом, я одновременно являюсь тем, кем себя считаю, тем, кем я хотел бы, чтобы меня считали, тем, кем меня считает

фотограф, и тем, кем он пользуется, чтобы проявить свое искусство. <...> я непрестанно имитирую самого себя, и в силу этого каждый раз, когда я фотографируюсь (позволяю себя фотографировать), меня неизменно посещает ощущение неаутентичности, временами даже поддельности...» [Барт, 2011, с. 32–33]. Фотоаппарат выводит индивида из обыденного неререфлексируемого проживания в перформативную «примерку» вариантов своего «истинного я», при котором внутреннее самоощущение может не совпадать с получившимся в кадре объективированным образом, что заставляет выбирать лучший свой кадр (причем «лучший» с точки зрения фотографа и портретируемого далеко не всегда тождественны). Весь этот процесс обостряет проблему идентичности, демонстрируя ее не эссенциалистский, а подвижный перформативный характер: «Ведь Фотография – это явление меня в качестве другого, ловкая диссоциация сознания собственной идентичности» [Барт, 2011, с. 31]. Кроме того, в таком портрете пересекаются идентичности фотографируемого и фотографа, выстраивающего мизансцену и корректирующего свой объект по заданным лекалам. Фотограф работает и с идентичностью фотографируемого, и в то же время перформативно воплощает свою – профессиональную, социокультурную, художественную и индивидуальную. Узнаваемость работ Р. Аведона, Ф. Халсмана и любого другого великого фотографа обеспечиваются умением запечатлеть свой неповторимый авторский стиль в чужих фотообразах.

XIX, XX и XXI века внесли существенные коррективы в способы визуализации идентичности. Новые технологии, наметившийся релятивизм социокультурных и моральных норм, до этого времени остававшихся веками неизменными, становление массовой культуры, трансформация социальной стратификации, выход молодежи на главные позиции в качестве активных творцов истории, появление новых научных данных и областей исследования (в частности, в области психологии) – всё это сказывалось на самоощущении человека. Травмы Первой мировой войны привели к тому, что «Я» больше не было в безопасности. Возможно, в каждом человеке скрывалось не одно «я», а несколько» [Мирзоев, 2019, с. 57]. Многие авангардные течения стали реакцией на текущие события. Марсель Дюшан делает фотографический «Автопортрет в пятистворчатом зеркале», а также представляет себя в образе своего женского альтер-эго Ррозы Селяви (Rrose Selavy). Фотообраз «Рроза Селяви» работы Ман Рэя – это гендерный перформанс, запечатленный на пленку. Подлинного Дюшана, человека современности, на самом деле не существует, всякий раз мы имеем дело с

его перевоплощениями: «И перевоплощение это происходит не раз и навсегда, оно может происходить снова и снова. Это не событие, а перформанс» [Мирзоев, 2019, с. 57–58]. Марсель Дюшан представляет лишь один из вариантов того перформанса идентичности, который художник осуществляет за свою творческую карьеру. Такие работы, целью которых является ревоплощение себя в различных ролях, позднее будут создавать такие авторы, как Синди Шерман («Кадры из фильмов без названия», 1970–1980-е), Никки С. Ли («Projects», 1997–2001) [Антонян, 2021]. Но не все художники, работающие с игрой образов, стремятся к перформансу идентичности. Так, фотопортреты В. Мамышева-Монро, скорее, мимикрия под воплощаемого персонажа, нежели примерка идентичности.

Селфи, при котором портретируемый сам выбирает какой вариант себя он желает транслировать вовне, в корне отличается от портрета, выполненного посторонним. Фотоизображение в целом и фотопортрет, в частности, представляют собой перформанс, в котором являет себя либо персональная, либо коллективная (национальная, субкультурная, профессиональная и т. п.) идентичность. Как пишет Н. Мирзоев: «Каждое селфи – это перформанс, где мы играем человека, которым хотели бы казаться» [Мирзоев, 2019, с. 71].

Селфи позволяет переключиться с субъектного взгляда и перенастроить восприятие себя в качестве объекта. Вернее, фотографируемый вступает одновременно в обеих ипостасях – и объекта, и субъекта. Если при создании художественного автопортрета традиционными средствами художник имеет контроль над изображением и зависим от своего мастерства, то при селфи происходит внутреннее самоконструирование, ощущение себя изнутри, что не всегда дает удовлетворительный результат в реальном фотообразе. Селфи оказывается инструментом самопознания, поскольку в нем буквально внутреннее самоощущение и внешний взгляд позволяют увидеть пограничность своей идентичности, ее балансировку.

Развитие интернета и цифровой фотографии способствовало развитию перформативных

практик воплощения своего «я» и обогатило инструментарий для управления впечатлением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Игра образов в современной культуре с появлением фотографии и кинематографа умножилась в разы, а далее с переходом аналоговых изображений в цифровой формат и с появлением персональных гаджетов, снабженных камерами, помогающими моментально транслировать изображение. Если ранее визуальная репрезентация своего «я» находилась в зависимости от другого – художника, то теперь появилась возможность взять под собственный контроль производство визуальных идентичностей, экспериментируя и примеряя различные варианты. Фотография и картина – представляют схожие, но, по сути, различные режимы восприятия мира.

Перформанс – конкретное проявление, «спектакль», в котором более или менее сознательно разыгрывает себя идентичность. Перформативность – качество, которое позволяет рассмотреть исследуемый феномен не как нечто стабильное и неизменное, а как динамичное и контекстуальное.

По сути, любая художественная репрезентация включает в себя в той или иной степени интенсивности перформативность в качестве составляющей образа. В изображении, в репрезентации исполняют свои роли люди, вещи, объекты, топосы (так, в картинах Ж.-Б. Шардена XVIII в. вещи буквально обретают индивидуальный характер, а в работах Д. Моранди XX в. вступают в диалогические отношения между собой). Перформативный подход раскрывает и процессуальность, и нарративность самого изображения, и манифестацию творческого «я» художника или фотографа, и биографию произведения в качестве объекта (сюда можно включать процесс создания, его судьбу, доделки и переделки работы, реставрационные работы и т. д. – всё то, что может в корне менять интерпретацию произведения и его суть). А также дальнейшую жизнь образа и его влияние (а порой и вмешательство) на социум и культуру.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ., вступ. ст. А. Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2000.
2. Митчелл У. Дж. Т. Образ. Текст. Идеология. М.–Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017.
3. Schechner R. Performance studies: An introduction. London; New York: Routledge Publ., 2013. 3th ed.
4. Eyerman R., McCormick, L. Myth, meaning and performance: Toward a new cultural sociology of the arts. New York: Routledge Publ., 2016.

5. Даниэль С. Искусство видеть: о творческих способностях восприятия, о языке линий и красок и о воспитании зрителя. Л.: Искусство, 1990.
6. Данилова И. Е. Судьба картины в европейской живописи. СПб.: Искусство – СПб, 2005.
7. Ларошфуко Ф. де. Мемуары. Максимум. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971.
8. Alpers S. Interpretation without representation, or, the viewing of Las Meninas // Representations. 1983. Vol. 1. P. 31–42.
9. Auslander P. The performativity of performance documentation // PAJ: a Journal of Performance and Art. 2006. Vol. 28. № 3. P. 1–10.
10. Shusterman R. Photography as Performative Process // The Journal of Aesthetics and Art Criticism. 2012. Vol. 70, Issue 1. P. 67–77. DOI 10.1111/j.1540-6245.2011.01499.x.
11. Taylor A. S. Performance, Photography, Performativity: What performance "does" in the still image. London: University of the Arts and Falmouth University, 2017.
12. Барт Р. Camera Lucida. Комментарий к фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2011.
13. Мирзоев Н. Как смотреть на мир. М.: Музей «Гараж»; Ад Маргинем Пресс, 2019.
14. Антонян К. Г. Перформанс идентичности // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 3 (44). С. 91–102. DOI 10.52173/2079-1100_2021_3_91.

REFERENCES

1. Goffman, E. (2000). The Presentation of Self in Everyday Life. Moscow: KANON-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
2. Mitchell, W. J. T. (2017). Iconology: Image, Text, Ideology. Moscow–Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj. (In Russ.)
3. Schechner, R. (2013). Performance studies: An introduction. 3rd ed. London; New York: Routledge Publishers.
4. Eyerman, R., McCormick, L. (2016). Myth, meaning and performance: Toward a new cultural sociology of the arts. New York: Routledge Publishers.
5. Daniel', S. (1990). Iskusstvo videt': O tvorcheskikh sposobnostyakh vospriyatiya, o yazyke linii i krasok i o vospitanii zritelya = The art of seeing: About the creative abilities of perception, about the language of lines and colors and about the education of the viewer. Leningrad: Iskusstvo. (In Russ.)
6. Danilova, I. E. (2005). Sudba kartiny v evropeyskoy zhivopisi = The fate of the painting in European painting. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)
7. La Rochefoucauld, F. de (1971). Memoires. Maximes. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie. (In Russ.)
8. Alpers, S. (1983). Interpretation without representation, or, the viewing of Las Meninas. In Representations, 1, 31–42.
9. Auslander, P. (2006). The performativity of performance documentation. PAJ: a Journal of Performance and Art, 28(3), 1–10.
10. Shusterman, R. (2012). Photography as Performative Process. The Journal of Aesthetics and Art Criticism, 70(1), 67–77. DOI 10.1111/j.1540-6245.2011.01499.x.
11. Taylor, A. S. (2017). Performance, Photography, Performativity: What performance "does" in the still image. London: University of the Arts and Falmouth University.
12. Barthes, R. (2011). Camera Lucida: Reflections on Photography. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)
13. Mirzoeff, N. (2019). How to see the world. Moscow: Muzej Garazh; Ad Marginem Press. (In Russ.)
14. Antonian, K. G. (2021). The performance of identity. International Journal of Cultural Research, 3(44), 91–102. DOI 10.52173/2079-1100_2021_3_91. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонян Карина Георгиевна

кандидат культурологии, доцент

доцент кафедры теории и истории культуры

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Соколова Нина Александровна

кандидат философских наук

доцент кафедры общественных наук

Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Antonian Karina Georgievna

PhD (Culturology), Associate Professor

Associate Professor at the Department of Theory and History of Culture

Herzen State Pedagogical University of Russia

Sokolova Nina Alexandrovna

PhD (Philosophy)

Associate Professor at the Department of Social Sciences

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Статья поступила в редакцию	22.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.04.2025	
принята к публикации	25.04.2025	

Семиотическая, культурологическая и теологическая парадигмы культурного кода

Р. И. Батыршин

*Межгосударственная телерадиокомпания «Мир»
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
Batyrrshin_RI@mir.tv.ru*

Аннотация. В статье анализируются принципы и подходы к изучению культурных кодов сквозь призму трех основных исследовательских парадигм: семиотической, культурологической и теологической. Цель исследования – систематизировать существующие подходы к изучению культурного кода, выявив их методологические принципы и специфические характеристики. Для достижения поставленной цели в исследовании применялись сравнительный, концептуальный, типологический и семиотический методы. В результате проведенного исследования было достигнуто более глубокое понимание природы культурного кода, его влияния на формирование идентичности и его роли в системе культурных знаков, которое открывает новые перспективы для дальнейших научных исследований.

Ключевые слова: семиотика, знак культуры, культурный концепт, символ, лингвокультурный код, иконический знак, теология культуры

Для цитирования: Батыршин Р. И. Семиотическая, культурологическая и теологическая парадигмы культурного кода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 135–142.

Original article

Semiotic, Cultural, and Theological Paradigms of the Cultural Code

Radik I. Batyrshin

*The Interstate broadcasting Company “Mir”, Higher School of Economics Research Institute, Moscow, Russia
Batyrrshin_RI@mir.tv.ru*

Abstract. Using the semiotic, cultural, and theological research paradigms as a lens, the paper examines the tenets and methods of studying cultural codes. Systematizing current methods to the study of the cultural code and exposing its methodological tenets and distinctive features is the aim of the article. The study employed typological, semiotic, conceptual, and comparative methods to accomplish this goal. A greater comprehension of the nature of the cultural code, its impact on identity development, and its function within the system of cultural signals was attained as a consequence of the study that was undertaken. This creates new opportunities for scientific investigation.

Keywords: semiotics, cultural sign, cultural concept, symbol, linguistic and cultural code, iconic sign, theology of culture

For citation: Batyrshin, R. I. (2025). Semiotic, cultural, and theological paradigms of the cultural code. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 4(898), 135–141. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование так называемого «культурного бессознательного», которое предопределяет человеческие поступки и формирует единое культурное поле идентичностей, ценностей, традиций, символов и знаков, анализируется преимущественно в терминологии «культурного кода», который всё чаще становится объектом научного интереса исследователей этнических культур.

В исследовании культурного кода отмечается наличие различных подходов, которые обеспечивают всестороннее изучение данного феномена, в связи с чем глубокий анализ и систематизация научных подходов являются на сегодняшний день весьма актуальными.

Цель данной работы – анализ и систематизация исследовательских подходов к изучению культурного кода.

Для достижения поставленной цели в статье решаются частные задачи по определению методологических принципов каждого из обозначенных подходов и выявляются сущностные характеристики исследуемых подходов.

Для описания исследуемых научных подходов в статье используются сравнительный, концептуальный, типологический и семиотический методы научного исследования.

Для настоящего исследования наиболее актуальными источниками стали работы В. С. Степина, Н. В. Букиной, В. Г. Шейкина, Ю. М. Лотмана, В. И. Карасика, Б. Э. Кулаковой, З. У. Цораева, П. Тиллиха и других российских и зарубежных ученых.

Основополагающим для данного исследования является определение академика В. С. Степина, который представляет культуру как комплекс «надбиологических программ», встроенных в систему исторического цивилизационного развития, в котором деятельность человека, его поведение и коммуникация обеспечивают воспроизводство социальной жизни общества во всех ее формах существования и проявления¹. В своей концепции культуры В. С. Степин указывает на необходимость исследования культуры в парадигме «информационных кодов», в которых накапливается, закрепляется и транслируется исторически сложившийся опыт в результате культурного развития этноса².

Особый смысл в исследовательские подходы к изучению культурных кодов вносит концепция Н. В. Букиной, согласно которой, культурные коды выступают в качестве важнейшего

ретрансляционного и интегративного феномена, направленного на устойчивое воспроизводство общих культурных элементов в конкретном обществе. Н. В. Букина характеризует культурный код как «совокупность информационных маркеров», с помощью которых человек оказывается способен взаимодействовать и воспринимать социокультурные процессы и выделяет базовые научные подходы, такие как: онтологический, аксиологический, гносеологический и антропологический, каждый из которых позволяет исследовать культуру с точки зрения универсальных категорий бытия, в которых объективируются характерологические особенности культурных кодов и рассматривается специфика их функционирования [Букина, 2010].

Изучение культурных кодов и их восприятия во многом зависят от конкретной области жизни и деятельности человека, в которой они формируются. Исходя из этого, их можно дифференцировать по отношению к сфере деятельности личности, семиотической принадлежности культурного кода, его чувственной реальности, смысловой нагрузке, определенным коммуникативным и интерпретативным ситуациям, связанным с ним и т. д. в рамках различных парадигматико-категориальных установок, предлагаемых В. Г. Шейкиным [Шейкин, 1998].

На основе обозначенных выше фундаментальных концепций рассмотрим базовые принципы и подходы к изучению культурных кодов сквозь призму трех основных исследовательских парадигм: семиотической, культурологической и теологической.

СЕМИОТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Семиотическая парадигма культурных кодов рассматривает культуру как знаковую систему, в которой любой культурный объект или процесс понимается как система знаков. Наиболее часто культурные коды трактуются в русле семиотического восприятия культуры, теоретический фундамент которого заложила Московско-тартуская школа семиотики. Ю. М. Лотман, продолжая изыскания структуралистов, в первую очередь, Ф. де Соссюра, воспринимал культуру как набор знаков, формирующийся из колоссального количества обозначений и символов, а культурный код интерпретировал как «комплекс необходимой для существования данной культуры информации, содержащейся в самых разнообразных текстах этой культуры» [Лотман, 2002, с. 5–6].

На основе учения Ю. М. Лотмана, М. Ю. Гудова и М. Юань предлагают трехуровневое понимание

¹Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместители предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. М.: Мысль, 2010.

²Там же, с. 342.

культурного кода в рамках семиотики – ядерное, приядерное и периферийное семиотическое значение культурного кода, каждый уровень которого представляет иерархическое соотношение знаковых элементов с позиции фундаментальности представляемого знания, выявляя, соответственно, системные свойства культурного кода, дополнительные и периферийные характеристики изучаемого феномена [Гудова, Юань, 2022].

А. Л. Кюрегян, анализируя поливариантность проявлений образных знаков, встречающихся в культуре, показывает, что знаки культуры обладают устойчивостью в рамках конкретной социокультурной системы, обладают внутренним сигнификативным и коннотативным компонентом, и, объединяясь в парадигмы, приобретают статус культурных кодов [Кюрегян, 2012]. Систематизация последних предполагает разделение на общие культурные коды и культурные субкоды, своего рода структурные единицы, обладающие многоуровневой вертикальной или горизонтальной системой иерархии [там же], в рамках которой формируются семиотические ассоциативные поля со сверхтекстовой организацией значений [Кенжебалина, 2013].

Самой мелкой структурной единицей культурного кода считается отдельный образ, знак со своей уникальной, но вместе с тем переменной субстанцией, способной проявляться и воплощаться в различных формах и видах [Кюрегян, 2012]. Е. Н. Демидова также подтверждает важность изучения культурно-кодовой структуры, состоящей из уникальных культурных признаков, которые комплексно воздействуют на формирование национально-культурной идентичности личности [Демидова, 2010].

В исследовании культурных концептов В. И. Карасика мы также находим упоминание о наличии специфических структур, неких «когнитивных слепков», обладающих когнитивными характеристиками символических обозначений [Карасик, 1996], и в этой связи культурные коды уже воспринимаются как семиотические образования, охватывающие те или иные сегменты концептосферы конкретной культуры.

Интересно отметить, что в качестве семиотических структурных единиц могут выступать как вербальные, так и иконические знаки, как, например, электрические схемы в инженерном проектировании, которые, по утверждению Е. Р. Котляр, также могут рассматриваться как культурные коды [Котляр, 2022].

С точки зрения диахронии, согласно Р. Уильямсу, культурные коды могут быть «зарождающимися», «доминирующими» и «остаточными». «Зарождающийся» код содержит лишь зачатки национальной культуры. Основной корпус идей, культурных концептов, традиций и ценностей принадлежит

«доминирующему» культурному коду. Элементы, утратившие признаки доминирующего кода в его историческом развитии, относятся к «остаточному» культурному коду [Кочетова, 2011].

С. В. Иванова и З. З. Чанышева рассматривают понятие культурных кодов с использованием синтетического подхода. С их точки зрения, культурные коды представляют собой внутренне связанную систему, содержащую информацию и ценности, которые формируются внутри языковых границ культуры. Эта система отражает глубокий смысловой аспект культуры и является результатом соглашения внутри культурного сообщества [Иванова, Чанышева, 2010].

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Культурологическая парадигма культурных кодов предполагает изучение всевозможных процессов трансформации культуры, в которых универсальными единицами трансформаций выступают коды культуры.

С точки зрения культурологии под культурным кодом понимается совокупность специфических характеристик, способствующих идентификации той или иной этнической культуры. Помимо символов, рассматриваемых семиотическим подходом, специфика культурного кода анализируется здесь также в рамках ассоциаций, культурных стереотипов, поведенческих норм и речевых (или, шире, коммуникативных) характеристик.

Поскольку культура может рассматриваться как знаковая система, а культурные знаки и символы формируют язык культуры, в культурологическом подходе к интерпретации кодов культуры также присутствует семиотический анализ. В частности, по мнению М. Л. Ковшовой и Д. Б. Гудкова, культурный код в культурологии представляется как система культурных знаков (знаковых тел) материального и духовного мира. По мнению ученых, культурные смыслы формируются в сознании человека в процессе познания мира. Эти смыслы воплощаются и «прочитываются» в кодированных культурных знаках – кодах, которые по своей структуре и функциональным свойствам делятся на реальные, акциональные и вербальные [Гудков, Ковшова, 2007].

В метафорическом смысле культурные коды можно сравнить, по определению В. В. Красных, с «сеткой, набрасываемой культурой на окружающий мир» [Красных, 2003, с. 297]. Эта сетка представляет собой сплетение разноплановых измерений духовных кодов культуры, включающих в себя пространственный, временной, соматический, биоморфный и

другие критерии оценки культурного кода, не имеющие жестких границ и функционирующих как единый живой организм. При помощи культурных кодов возможно типирование окружающей реальности, поскольку они базируются на тех духовных сферах человеческого существования, которые составляют основу человеческого бытия [там же].

В работе М. В. Пименовой, описывающей концепцию «картины мира», культурные коды представлены как некая «макросистема характеристик» ее объектов, выстроенная на основе общих категориальных свойств элементов культуры. Используя заимствованный у В. В. Красных термин «понятийной сетки», М. В. Пименова объясняет, как понятийная сетка обуславливает концептуальное поле, в котором категоризируется, структурируется и оценивается соотношение внутреннего мира и мира реальной действительности, как культурные коды двух сопоставляемых миров порождают метафорические образы и отпечатываются в следах кодов этнической культуры [Пименова, 2006].

Категоризация культурных смыслов в сознании человека основана на разных критериях, базовым из которых является предметный признак, опирающийся на форму актуализации культурного кода. Автор выделяет широкий спектр культурных кодов, общих для многих этнических культур, среди которых природный, зооморфный, антропоморфный, растительный, временной, пространственный и др. [там же].

М. В. Пименова пишет о мифологическом символизме, основанном на сравнении и отождествлении, выявлении некоего параллелизма в образной репрезентации физической и виртуальной действительности, указывая на специфику гносеологических операций человеческого мышления и когниции [Пименова, 2006, с. 46]. Такая методология свойственна, в частности, религиозным текстам национальных культур.

ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ

Устойчивые психологические структуры, концентрирующие религиозные чувства и переживания (ощущение общения с трансцендентным), составляют основу теологической парадигмы культурных кодов, которая представляет собой особую духовную информационную программу.

Символический культурный код играет важную роль в понимании религиозной культуры, представляя собой ключ к разгадыванию значений и символов, которые содержатся в религиозных текстах и обрядах. Религию, в целом, можно рассматривать как своеобразный язык культуры,

который позволяет людям воспринимать и интерпретировать мир вокруг себя через символические концепции и представления. Культурный код раскрывается через сложную систему символов, каждый из которых заключает в себе глубокий смысл, понятный лишь посвященным. Возьмем, к примеру, символику света. В христианстве свет ассоциируется с божественным началом, с Иисусом Христом, провозглашенным «светом миру» (Ин. 8:12).

Свечи, горящие в храме, символизируют молитвы верующих, возносящиеся к небесам.

В буддизме свет олицетворяет просветление, достижение нирваны, освобождение от страданий. Таким образом, один и тот же символ может трактоваться по-разному в зависимости от религиозного контекста, но его значимость всегда остается неизменно высокой [Баркова, 2007].

Религиозные обряды также представляют собой своеобразный язык символов, понятный на интуитивном уровне, что, собственно говоря, свидетельствует о наличии культурных кодов. Крещение в христианстве, например, символизирует очищение от грехов и духовное перерождение. Омовение в водах священного Ганга в индуизме также несет в себе идею очищения и единения с божественным началом [Випулис, 2008].

Мифы, легенды и сказания, передаваемые из поколения в поколение, являются еще одним важным элементом символического кода религиозной культуры. В них зашифрованы базовые ценности, представления о мире, добре и зле, о месте человека во вселенной.

Понимание символического кода религиозной культуры помогает нам преодолеть границы времени и пространства, соприкоснуться с мудростью прошлых поколений, глубже понять их мироощущение и духовные искания. Изучение символов открывает нам путь к диалогу культур, позволяет увидеть общечеловеческие ценности, лежащие в основе разных религиозных систем [Можейко, 2007].

Однако важно помнить, что символический язык многозначен и неоднозначен. Интерпретация религиозных символов может варьироваться в зависимости от исторического периода, культурного контекста и индивидуальных особенностей интерпретатора [Шаронова, 2017]. Поэтому, приступая к изучению религиозной культуры, необходимо сохранять уважение к чужой вере и стремиться к объективному и всестороннему пониманию ее символики.

Культурный код является своего рода психологическим текстом, который помогает нам понимать и воспринимать другие аспекты культуры.

Теологическое восприятие культурных кодов представляет собой сложный и многогранный процесс, который включает в себя изучение

теологического кода как своеобразной духовно-информационной программы. Эта программа не только транслирует, но и воспроизводит базовые представления и принципы, которые передают божественную основу как мира в целом, так и самого человека.

Согласно З. У. Цораеву, существует два основных типа теологических кодов. Первый тип – это периналально-архетипические коды, которые фиксируют в архетипических образах глубинные психические переживания, которые связаны с жизненно важными и необходимыми потребностями и ценностями, актуальными для каждого человека. Эти переживания могут включать в себя такие универсальные концепты, как жизнь и смерть, любовь и ненависть, надежда и отчаяние, что делает их особенно значимыми в контексте человеческого существования.

Второй тип – это трансперсональные коды, которые определяют взаимосвязь субъекта с высшим, сверхличным, беспредельным и абсолютным началом. Эти коды помогают людям осознать свое место в мире и в отношении к чему-то большему, чем они сами. Они направляют человека к духовному развитию и самосовершенствованию, открывая новые горизонты понимания.

Результаты религиозного познания, которые закрепляются в теологических кодах, обозначают пределы человеческих действий и определяют нормы и структурные схемы поведения. Эти коды служат своеобразными смысло-жизненными ориентирами как для общества, так и для личности. Они формируют моральные и этические нормы, которые регулируют поведение людей, а также помогают им находить смысл в своих действиях и переживаниях. Таким образом, теологические коды не только отражают культурные и религиозные традиции, но и становятся основой для формирования идентичности и духовного развития индивида и сообщества [Цораев, 2015].

Теология также играет немаловажную роль в изучении культуры и того, как она функционирует, а также как пересекаются культурные и религиозные различия этносов. В «Систематической теологии» П. Тиллиха мы находим подтверждение того, что Библия содержит не только чистое откровение, но также может выступать и в виде культурной традиции. Более того, сюжеты и сцены из Библии вполне возможно толковать не буквально, воспринимать их как мифы, культурные символы, не отрицая вместе с тем их истинности [Тиллих, 2000].

Интерпретация культурных символов и кодов христианского откровения позволяет обнаружить корреляцию между теологией, культурой, философией и этикой, где первая отвечает на вопросы последних, в результате чего появляются новые

вопросы и новые ответы и, таким образом, происходит непрекращающийся диалог. Причем знаки и символы культурного кода христианства вполне возможно толковать с помощью разума по аналогии с «истинными» знаками, данными нам в откровении, и выражающими нескончаемое через конечное.

В самой значительной работе Х. Р. Нибура в описании взаимодействия социума и религии отражаются тонкие материи и механизмы формирования национальных религиозных кодов культуры [Христос и культура, 1996].

Перечисленные гипотезы формируются в конкретно-исторических условиях и отображают рецепцию и ассимиляцию христианства теми или иными культурами и обществами. В результате восприятие личности Христа трансформируется, а его роль в культуре видоизменяется, так как он отождествляется с неотъемлемой частью культурного наследия (кода), которое необходимо не только сохранить, но и передать дальше. По существу, современная культура лишь с виду представляет собой антагонизм сакрального и светского, но человечество должно стремиться к синтезу и тождеству мира культуры и мира благодати [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование различных подходов к изучению культурных кодов дает понимание объективной картины научного знания и указывает, что научное восприятие и анализ культурных кодов формируется в русле трех базовых направлений: семиотического, культурологического и теологического.

В семиотическом восприятии культурный код предстает перед исследователем, как набор культурных знаков, формирующийся из неограниченного количества обозначений и символов, необходимых для существования специфической культурной информации, которая содержится в разнообразных текстах данной культуры. Сторонники знаковой теории культуры отмечают у культурного кода наличие таких качеств, как системность и одновременную поливариантность проявления образных культурных знаков, а также указывают на несоответствие (полное или частичное) знаковых единиц языка и культуры. Поскольку культура трактуется как система культурных знаков, семиотический подход к изучению культурных феноменов и, в частности, культурного кода, является сквозным.

Культурологическое восприятие культурных кодов предполагает изучение их как ценностной матрицы, включающей константы культуры. Культурный код воспринимается как действенный

инструмент соотнесения закодированной культурной информации с культурными знаками, позволяющий перейти от значения к смыслу.

Теологическое восприятие культуры пытается сблизить культурные и религиозные концепты, в результате чего культурный код может принимать форму сакральных смыслов, интегрируя в себя религиозную и культурно-бытовую символику. В таком понимании символический культурный код становится главным в интерпретации

религиозной культуры и выступает как ключ к значениям и символам, содержащимся в религиозных текстах и обрядах.

Онтологический, аксиологический, гносеологический и антропологический подходы к изучению культурного кода являются также общими (или сквозными) во всех базовых направлениях восприятия культуры, что говорит об универсальном характере данных исследовательских методологий культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Букина Н. В. К вопросу методологии исследования культурных кодов // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 14. С. 232–237. EDN MVVUUZ.
2. Шейкин В. Г. Язык культуры // Культурология: XX век. Энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998.
3. Лотман Ю. М. Семиотика культуры в тартуско-московской семиотической школе // История и типология русской культуры. СПб., 2002.
4. Гудова М. Ю., Юань М. Концепт «культурный код»: уровни значения // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 151–159. EDN IGHUMZ.
5. Кюрегян А. Л. Семиотика культуры и культурные коды // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 2 (4). С. 79–81. EDN SJIAPJ.
6. Кенжебалина Г. Н. Коды культуры в СМИ Казахстана // Политическая лингвистика. 2013. № 1 (43). С. 152–157. EDN PWNAXL.
7. Демидова Е. Н. Культурные коды в рекламе // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2010. № 3. С. 8–11. EDN MSNZID.
8. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность. Культурные концепты. Волгоград: Архангельск: Перемена, 1996. EDN VWLUZP.
9. Котляр Е. Р. Культурный код в инженерном проектировании // Genesis: исторические исследования. 2022. № 11. С. 1–8. EDN HDAUOU.
10. Кочетова Л. А. Культурные основания рекламного кода // Lingua mobilis. 2011. № 3 (29). С. 141–148. EDN TMUSTB.
11. Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010. EDN SOBAUV.
12. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. EDN QTEWFN.
13. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.
14. Пименова М. В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык: коллективная монография / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово: КеМГУ, 2006.
15. Баркова А. Л. Буддийская мифология: уровни символики // Труды Объединенного научного центра проблем космического мышления. 2007. Т. 1. С. 498–533. EDN OOOOPR.
16. Випулис И. В. Христианское крещение и архаическая инициация // Вестник МГУКИ. Теория культуры. 2008. № 2. С. 83–86. EDN KUXAZB.
17. Можейко М. А. Диалог культурных традиций и общечеловеческие ценности: опыт нелинейного моделирования // Труды объединенного научного центра проблем космического мышления. 2007. Т. 1. С. 256–317. EDN OOOOPR.
18. Шаронова С. А. Интерпретация религиозной символики как фактор воздействия на формирование ценностных ориентаций в обществе // Социология. Политология. Международные отношения. Вып. 2. 2017. С. 167–172. EDN ZCJTXB.
19. Кулакова Б. Э. Символические коды понимания в сфере повседневности мусульманской и христианской духовной культуры // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 90 (06). С. 1–10. EDN RCEYNZ.
20. Цораев З. У. Теологический код: постановка проблемы // Философские исследования. Ежеквартальный независимый журнал. 2010. № 1–2. С. 111–121.
21. Тиллих, П. Систематическая теология. Тт. 1–3. М.; СПб: Университетская книга, 2000.
22. Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Райнхольда Нибура / сост. Л. С. Гуревич, С. Я. Левит. М.: Юрист, 1996.

REFERENCES

1. Bukina, N. V. (2010). On the issue of methodology for the study of cultural codes. Vestnik of Buryat State University, 14, 232–237. (In Russ.)
2. Sheikin, V. G. (1998). Yazyk kul'tury = Language of Culture. St.Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)

3. Lotman, Y. M. (2002). Semiotika culturi = Semiotics of Culture in the Tartu-Moscow Semiotic School. History and Typology of Russian Culture. St.Petersburg: Akademicheskij projekt. (In Russ.)
4. Gudova, M. Y., Yuan, M. (2022). The concept of "cultural code": levels of meaning. Innovation. Investment, 4, 151–159. (In Russ.)
5. Kyuregyan, A. L. (2012). Semiotics of Culture and Cultural Codes. Vestnik of Vyatka State University, 2(4), 79–81. (In Russ.)
6. Kenzhebalina, G. N. (2013). Codes of Culture in the Mass Media of Kazakhstan. Political linguistics, 1(43), 152–157. (In Russ.)
7. Demidova, E. N. (2010). Cultural codes in advertising. North Caucasian region. Social Sciences, 3, 8–11. EDN MSNZID. (In Russ.)
8. Karasik, V. I. (1996). Kul'turnye dominanty v yazyke = Cultural dominants in the language. Arkhangelsk: Peremena. (In Russ.)
9. Kotlyar, E. R. (2022). Cultural Code in Engineering Design. Genesis: Historical Research, 11, 1–8. (In Russ.)
10. Kochetova, L. A. (2011). Cultural Foundations of the Advertising Code. Lingua mobilis, 3(29), 141–148. (In Russ.)
11. Ivanova, S. V., Chanysheva, Z. Z. (2010). Lingvokulturologiya: problemi, issledovaniya, resheniya = Linguoculturology: Problems, Searches, Solutions. Ufa: Bashkir State University. (In Russ.)
12. Gudkov, D. B., Kovshova, M. L. (2007). Telesnyy kod russkoj kul'tury: materialy k slovaryu = The Body Code of Russian Culture: Materials for the Dictionary. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
13. Krasnykh, V. V. (2003). "Svoj" sredi "chuzhih": mif ili real'nost'? = "Insider" Among "Strangers": Myth or Reality? Moscow: Gnosis. (In Russ.)
14. Pimenova, M. V. et al. (2006). Problemy kognitivnoj lingvistiki i konceptual'nyh issledovanij na sovremennoe jetape = Problems of Cognitive Linguistics and Conceptual Research at the Current Stage. Kemerovo: Kemerovo State University. (In Russ.)
15. Barkova, A. L. (2007). Buddhist mythology: levels of symbols. Trudy Ob'edinennogo nauchnogo centra problem kosmicheskogo myshleniya, 1, 498–533. (In Russ.)
16. Vipulis, I. V. (2008). Christian baptism and archaic initiation. Vestnik of Moscow State University of Culture and Art. The theory of culture, 2, 83–86. (In Russ.)
17. Mozheiko, M. A. (2007). Dialog kul'turnyh tradicij i obshchechelovecheskie cennosti: opyt nelinejnogo modelirovaniya = Dialogue of cultural traditions and universal values: the experience of nonlinear modeling (pp. 256–317). Proceedings of the Joint Scientific Center for Problems of Cosmic Thinking. (In Russ.)
18. Sharonova, S. A. (2017). Interpretation of religious symbols as a factor influencing the formation of value orientations in society. Sociology. Political science. International relations, 2, 167–172. (In Russ.)
19. Kulakova, B. E. (2013). Symbolic codes of understanding in the sphere of everyday life of Muslim and Christian spiritual culture. Scientific journal of KubGAU, 90(06), 1–10. (In Russ.)
20. Tsoraev, Z. U. (2010). The theological code: problem statement. Philosophy Studies. The Independent Quarterly Journal, 1–2, 111–121. (In Russ.)
21. Tillich, P. (2000). Sistematicheskaya teologiya = Systematic Theology. St.Petersburg: Universitetskaya kniga. (In Russ.)
22. Gurevich, L. S., Levit, S. Ya. (Eds.). (1996). Hristos i cultura. Izbrannie raboti H. R. Neibora i R. Neibora = Christ and Culture. Selected works by H. R. & R. Neibuhr. Moscow: Jurist. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батыршин Радик Ирикович

кандидат филологических наук

председатель Межгосударственной телерадиокомпании «Мир»

профессор факультета креативных индустрий института медиа

Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Batyrshin Radik Irikovich

PhD in Philology

Chairman of the Interstate broadcasting company "Mir"

Professor at the Faculty of Creative Industries, Media Institute,

National Research University Higher School of Economics (HSE)

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

20.03.2025
15.04.2025
25.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 4 (898)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 4 (898)**

Ответственные за выпуск

Евгения А. Попова
кандидат филологических наук, доцент

Executive editors

Evgeniya A. Popova
PhD (Philology), Associate Professor

Екатерина А. Попова
кандидат филологических наук

Ekaterina A. Popova
PhD (Philology)

Редактор Н. Г. Павлова
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editor Nataliya G. Pavlova
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 27.04.2025
Усл. печ. л. 17,7
Формат 60х90/8
Заказ № 35/25

Signed for print: 27.04.2025
Conventional printed sheets: 17,7
Layout format 60x90/8
Order 35/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru
Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Website domain name: vestnik-mslu.ru
Founder: FSBEI HE MSLU

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.
Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.
Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.
Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.
Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (10.01.01)
- 5.9.2. Литературы народов мира (10.01.03)
- 5.9.3. Теория литературы (10.01.08)
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (10.02.01)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (10.02.04)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки) (10.02.05)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (10.02.19, 10.02.20, 10.02.21)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (24.00.01)
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».